

Николай Удовиченко

ИЗЛОМ

Книга вторая

16+

Николай Удовиченко

**Излом. Книга вторая. Времена
похуже. От Кабула до Ванкувера**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Удовиченко Н. Я.

Излом. Книга вторая. Времена похуже. От Кабула до Ванкувера /
Н. Я. Удовиченко — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Вторая книга романа "ИЗЛОМ" показывает жизнь героев, вынужденных обосноваться в Канаде и США. У героев трудные жизненные дороги, им приходится тратить много сил, чтобы преодолеть их.

© Удовиченко Н. Я., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

*Где ж вы, где ж вы, очи карие,
Где ж ты мой родимый край?*
Из песни времен Отечественной войны 1941-45 гг.

.....
*Горы родимые, плачьте безумно,
Лучше мне видеть вас черной золой.
Судьи народные, падая шумно,
Пусть вас схоронит обвал под собой.*
Коста Хетагуров, осетинский поэт.

Поздним вечером в Нижнем Пяндже, заштатном приграничном городке Таджикистана, сборное подразделение, сформированное из курсантов Учебного центра и направленное в Афганистан, было выстроено на таможенной площадке перед переправой через реку Пяндж. Подъехавшая служба обеспечения привезла снабжение. Выдали полный комплект патронов к автоматам, по пять набитых рожков. Желавшие могли брать патроны дополнительно – россыпью. Выдали боевые гранаты, запалы к ним. Выдали заряды к гранатометам гранатометчикам. Командир подразделения подполковник Самойлов посмотрел на осунувшиеся лица солдат, освещенные слабым светом тусклой лампочки на столбе.

– Всем отдыхать. Разбить палатки и спать. Подъем в семь. Границу будем переходить в светлое время суток.

Денис с Батрадзом, с ними еще четверо солдат, разбили палатку и сразу же легли на развернутые и разостланные шинели. Ночь была прохладной, какими бывают даже летние ночи в Средней Азии. Заснули сразу. Денису снился какой то дом, какие то овцы и козы, смеющаяся Марина, потом появилась Хадизат, нахмутив брови. Потом все пропало и до утра не было ничего и никого.

Утром сыграли подъем, полевая кухня накормила солдат рисовой кашей, маслом и наполнила крепким черным чаем. В девять раздалась команда строиться. Подполковник прошелся вдоль строя. На него смотрели глаза солдат непонимающим взглядом: куда и зачем их направляют? Он же видел под касками глаза мальчишек, которым не на войну бы идти, а гонять футбол. Но подполковник был солдатом, приказ он никогда не обсуждал.

– Сейчас погрузимся в машины и начнем переезжать на баржах и катерах на ту сторону, за речку. Всем поставить оружие в боевое положение – пристегнуть рожки, патроны в патронники не вгонять, поставит автоматы на предохранители. В случае нападения противника действовать по обстоятельствам и по командам ротных и взводных командиров. Наш путь будет лежать на Кундуз, потом к перевалу Саланг, а оттуда на Кабул. В охранении впереди пойдут две БМП, в середине два БМП и сзади тоже два БМП. Четыре вертолета будут сопровождать нашу колонну до перевала. Вы обучены в учебном центре как действовать в боевой обстановке, командиры вас поддержат словом и делом. Но всегда помните, что в бою каждый себе генерал, нужно думать и мыслить самому. Но всегда нужно поддержать товарищей и ждать поддержки от них. Вопросы есть?

– Мы не поняли, – спросил солдат из роты, где служили Руслан и Башир, – в ответ на обстрел мы должны отвечать огнем?

– Да, должны. Враг с вами шутить не будет и вы должны врага уничтожить.

Погрузились в машины. Колонна направилась к стоящим в порту баржам и катерам. Впереди шли две БМП, за ними машины с солдатами, потом снова БМП, потом снова машины с солдатами, замыкали колонну два БМП. Въехали на причал. Была видна мутная вода пограничной реки Пяндж. Пересекали реку на баржах, часть солдат погрузились на катера, подошли к противоположному берегу, машины, рыча моторами, выезжали на другой берег. На афганском

берегу колонна снова построилась по назначенному порядку, тронулась. Глаза и лица солдат были напряженными, в некоторых глазах был детский страх. Вот она, чужая земля! Земля, где многие из этих мальчишек потеряют жизни, их вывезут отсюда в «черных тюльпанах», цинковых запаянных гробах. А некоторые останутся здесь навсегда, погребенные под чужой землей, попавшие в плен и потом оставшиеся здесь жить, выкупленные из плена международными организациями и разъехавшиеся по многим страна мира. Впереди этих мальчишек лежала Судьба. Никто не знал своей судьбы! Как в песне поется: «Знать не можешь доли своей, может крылья сложишь посреди степей». Только ждали солдат не привольные степи, а снежные горы Гиндукуша, выжженные солнцем ущелья и склоны его отрогов, зеленые леса, глубокие снега перевалов и недружелюбное население, не понимающее, чего нужно этим чужакам и зачем они пришли. А солдаты и сами не понимали, зачем они пришли. Но, за редким исключением, так ведется любая война. Политики делают важный вид, рассуждая о долге, Отечестве, а простые солдаты и население стран, где ведется война, расплачиваются кровью и жизнями. Советским парням в Афганистане объясняли, что они выполняют «интернациональный долг», но что это такое, никто толком объяснить не мог. Рассуждали о происках мирового империализма, о том, что в Афганистан могут прийти американцы и угрожать Советскому Союзу из него. Все это могло быть. Две великие державы, США и СССР, соперничали на планете, стараясь вовлечь в сферу своего влияния как можно больше стран и народов. СССР решил помочь стране, находившейся на средневековом уровне развития, построить социализм. Это было похоже на смешную фантастику, так же, как впоследствии американцы из США решили принести в Афганистан, жившем по родоплеменным традициям, демократию. Афганцы, состоящие из многих племен и народностей – таджиков, пуштунов, узбеков, туркменов, белуджей, хазарейцев, нуристанцев и других – не приняли ни советский социализм, ни американскую демократию. Воинственные и не признающие над собой никакой власти, пуштуны всегда были во главе Афганистана. С приходом советских войск на помощь просоветскому правительству Афганистана, афганцы оказали сильное сопротивление пришедшим. Велась в основном партизанская война, но иногда пуштуны выставляли против советских войск организованные воинские группы. США не преминули воспользоваться ситуацией в пику своему конкуренту в политическом и военном мире – СССР. Американские военные специалисты появились в группах моджахедов, так называли партизан. Через Пакистан, союзника США, граница которого с Афганистаном весьма прозрачна, поставлялось из США оружие для моджахедов и военное снабжение. Афганские моджахеды обучались в лагерях Пакистана и США. Была порождена Аль-Каида, создавалась она американцами для войны с СССР, но потом воевавшая против США. Было порождено при помощи США течение «Талибан», досаждавшее марионеточным режимам Афганистана, а позднее ставшего главным противником войсковой группы НАТО и США.

Колонна двигалась по афганской земле на Кундуз, машины шли со средней скоростью. Над головами со стрекотаньем проносились вертолеты. Проехали афганский городок. Отсюда дорога легла на город Кундуз. Это были земли афганской провинции Кундуз. Город Кундуз имеет многовековой возраст, он стоит на месте города Драпсака, который основал еще Александр Македонский. Машины теперь шли по трассе с небольшой скоростью. Иногда встречались афганцы на разнокалиберном транспорте, от ишаков до японских автомобиле. Афганцы вели себя по разному. Кто то улыбался, кто то равнодушно смотрел на «шурави», немало было и таких, кто бросал неприязненные взгляды. А кто любит чужаков, да еще пришедших с оружием? Никому в мире это не понравится. После обеда въехали в Кундуз, где стоял небольшой советский гарнизон. Пообедали. Денис и Батрадз разговорились с подошедшими солдатами гарнизона.

- Новенькие? Какая часть, куда двигаетесь?
- Сказали, что на Кабул.
- Земляки есть? Я из Воронежа.

– Я из Воронежа.

Два солдата, один из гарнизона, другой из колонны, обнялись. Начали разговор о родном городе. Денис с Батрадзом разговаривали с сержантом из гарнизона.

– Что вы здесь делаете? – спросил Денис.

– Охраняем дорогу от Кундуза до реки и до Саланга. Моджахеды минируют дорогу, подрывают наши машины, БМП, танки. Устраивают засады, нападают на колонны. Особенно перед Салангом. Делается это и за перевалом, но там уже не наш участок.

– И что, приходилось воевать?

Солдат из гарнизона пожал плечами.

– А куда денешься? В тебя стреляют, ты тоже в них стреляешь. Война она и есть война.

– И есть убитые, раненные?

– Случается и это.

– Домой скоро?

– Осенью. Если доживу.

– Всю службу здесь?

– Всю, правда пять месяцев провалялся в госпитале. Ранили, прострелили левую руку, вот шрам.

Он завернул рукав гимнастерки и показал заживший шрам на предплечье.

– После ранения нельзя было остаться в Союзе?

– Можно было. Но здесь друзья, товарищи, с которыми пережил немало и я попросился в свою часть. Здесь у меня дружок погиб.

– Сам откуда?

– С Ростова-на-Дону.

– Почти земляки, мы из Северной Осетии.

Это был первый человек, встреченный Батрадзом и Денисом, который воочию видел войну. Раздалась команда «по машинам» и все заняли свои места. Колонна двинулась в сторону перевала. К вечеру достигли кишлака, названия которого друзья не запомнили, который стоял у начала дороги на перевал Саланг. В кишлаке тоже стояло небольшое подразделение советских солдат. Поужинав, поставили палатки для ночлега. Разговорились с местными из гарнизона.

– Тяжелый подъем на перевал? – спросил Денис парня в каске и по пояс голого, который подошел к ним.

– Тяжелый, немало наших полегло по пути туда, особенно в первое время, как вошли сюда. И на засады нарывались, и машины в пропасти срывались, и танки. Техником управляли часто те, кто не имел опыта. А там серпантинном дорога. И есть места, где один человек может роту сдержать. Сейчас опыта набрались, колонны вертолетами охраняют, летчики тоже набрались опыта. Но и вертолеты сбивают.

– Завтра нам подниматься туда.

– Поднимитесь. Сейчас потише стало. Сам перевал в наших руках, но все таки по дорогам засады бывают. Будьте поосторожнее, если в БМП или в БДМ будете ехать, внутрь не садитесь, езжайте на броне. Шансов уцелеть будет больше.

– Что и броня не защищает?

– Эта броня кумулятивным снарядом из гранатомета прожигается насквозь. И все, кто внутри, как правило, погибают. А с брони легко спрыгнуть и залечь.

– Ясно, спасибо за советы твои. Ты сам откуда?

– Я сам почти местный, из Ташкента. Мама у меня узбечка, а папа русский, военный. Тоже здесь был, ранило его. Списали с военной службы вчистую.

– Так тяжело ранили?

Парень вздохнул.

– Тяжело, правой руки нет, оторвало при взрыве.

– В боях бывал?

– Бывал. Даже плененных двоих привел как то.

– Пленных? Как же ты их захватил?

– Они обстреляли нас со скалы. И не давали нашим никому подняться. Я и еще мой друг, мы альпинисты, и горы нам знакомы. Мы обошли стороной скалу и поднялись на вершину, которая была выше того места, с которой душманы стреляли. Было их шесть человек и нам они были видны как на ладони, лежали они за камнями ниже нас на площадке скалы. Слава, мой друг, сразу, без разговоров, сверху уложил троих из автомата. Они сперва не поняли в чем дело и откуда стреляют. Потом один обернулся и увидел нас. Дал по нам очередь, но промазал, пули легли ниже в камни. Я этого срезал. А оставшиеся двое бросили оружие и подняли руки.

– Страшно было?

– Когда бой, то не страшно. Бой это работа, ее нужно делать. Страшно или перед боем, или после боя.

– Понятно.

После вечерней поверки легли спать. Ночь была довольно прохладной, закутались в шинели. В шинели было тепло. Разговор с парнем из гарнизона все время вертелся в голове Дениса. Слова этого парня, как он их произносил, казались обыденными и простыми, но ведь за ними стояли жизни людей. «...Уложил из автомата», «дал по нам очередь», «я этого срезал» – как будто речь шла о чем то простом и привычном. «Неужели придет время и я буду спокойно рассказывать, как убивал людей? Наверное да, если к тому времени самого не убьют». С этими мыслями Денис и заснул. И снова ему снилась смеющаяся сестра и хмурая Хадизат. Потом и они пропали, до утра Денис спал спокойно. Утром, после подъема и завтрака, снова погрузились в машины. Колонна пошла к перевалу. Дорога сперва шла вдоль ущелья, затем по одному из склонов начал извиваться змеей серпантин. Колонна шла то на восток, то на запад, поднимаясь все выше и выше. Ущелье оставалось внизу, а над ним вздымались суровые заснеженные пики гор Гиндукуша. Хинду куш, Индийские горы, – так называют эти хребты, протянувшиеся от Гималаев до Памира афганцы. Суровый край, где на перевалах и летом можно попасть в метель, где морозы зимой не уступают сибирским. И населен этот край воинственными, суровыми людьми. На севере живут этнические таджики, к ним на востоке примыкают нуристанцы или бадохшаны, среди которых много светловолосых и голубоглазых людей, северо-запад Афганистана занимают узбеки и туркмены, большую часть востока и северо-востока широкой полосой обжили пуштуны, на юге востоке хазарейцы, потомки монголов, ближе к иранской границе говорящие на урду белуджи, есть еще много других племен, включая калашей, типичных представителей европейской расы. Вся эта масса племен жила не всегда дружно между собой, иногда воевала друг с другом, но в минуты общей опасности спланивалась, забыв взаимные обиды до лучших времен, и превращалась в грозную военную силу. Не один завоеватель обломал свои зубы об Афганистан. Успех имели только пенджабцы, представители индийского племени из индийского Семиречья. Вот и сейчас афганцы сплотившись против пришельцев с Севера. Клевали их небольшими, но сильными ударами. Ахмад Шах Масуд организовал в Панджшерском ущелье сильное сопротивление таджиков и других народностей. Его так и называли: панджшерский лев. Воинская доблесть всегда была уважаема среди афганских воинов. Воюя с «шурави», т. е. советскими, афганцы поражались храбрости противника, его великодушию. Если душман попадал в плен к представителям правительственных войск, то смерть ему была обеспечена. Шурави редко убивали плененных. Помогали в кишлаках бедным, строили больницы и школы для афганцев. Такого врага не видел еще Афганистан. Шурави работали в Афганистане еще до войны и афганцы очень уважали их. Даже после начала войны не трогали этих людей, приходили к ним советоваться и лечиться. Были случаи, когда некоторые вооруженные группы прекращали военные действия, видя реальную помощь со стороны шурави.

Колонна начала подходить к перевалу. Прошли бетонные галереи, сделанные для защиты от лавин, подошли к тоннелю, пробитому в скалах, это была главная транспортная магистраль перевала Саланг. У входа в тоннель стоял гарнизон, состоявший из десантников. Колонна остановилась. Подошедший майор в форме десантника, с автоматом на плече, с ножом на поясе, долго о чем то говорил с подполковником Самойловым, что то объяснял ему, показывая на тоннель. Самойлов согласно кивал головой. Потом они оба подошли к колонне.

– Итак, парни, – сказал Самойлов, – сейчас начнем проходить тоннель. Делаем это так. По команде «газы» всем одеть противогазы, водителям тоже. Идем по три машины с интервалом десять минут. Прошедшим тоннель машинам вставать на площадке на противоположной стороне тоннеля и ждать остальных. Я предвижу вопросы, почему в противогазах? Объясняю: вентиляция тоннеля повреждена, почти не работает. Были случаи, когда выхлопными газами люди травились и погибали. Поэтому, чтобы не создавать скоплений в тоннеле, идем по три машины и в противогазах. Был случай, когда душманы через вентиляционные шахты пустили в тоннель нервно-паралитический газ, погибло много наших. Так, первыми пошли две БМП и одна машина.

Сержант с этой машины подал команду «газы» и все солдаты одели противогазы. БМП и машина вошли в тоннель. Через десять минут вошла вторая тройка, еще через десять минут третья тройка. Наконец вошла последняя машина и два БМП, замыкавшие колонну. Самойлов с майором позвонили на другой конец тоннеля. Машины с солдатами проходили тоннель без последствий.

– Засады были по пути? – спросил майор.

– Нет, Бог миловал.

– Повезло вам, обычно они здесь клюют нас, с той стороны тоже бывает, но реже. Там войск правительственных много. Сегодня вечером будете в Кабуле. Счастливо.

Майор пожал руку Самойлову, тот прыгнул в командирский «УАЗик» и машина въехала в тоннель. Проехав тоннель, подполковник нашел все машины на площадке и всех солдат целыми и здоровыми. Колонна снова построилась и тронулась по дороге на Кабул. Спустились с перевала без приключений. Дальше лежал уже не такой тяжелый путь. Охранялся этот участок дороги правительственными гарнизонами и гарнизонами советских войск. Над дорогой часто проносились боевые вертолеты. К вечеру колонна вошла в Кабул. Разместили солдат в каких то казармах, покормили и все пошли отдыхать. Впечатления и воспоминания о трудной дороге как то притупились усталостью. Засыпая, Денис подумал только: «Что мы будем здесь делать? Ладно, поживем, увидим».

В Кабуле побыли всего несколько дней, затем подразделение переместили в Желалабад, где стояла 66-я отдельная мотострелковая бригада, прикрывавшая направление на Пакистан. В эту бригаду и было влито подразделение, сформированное из бывших курсантов Учебного центра. В Желалабад попали Денис с Батрадзом и ингуши Идрис и Башир. После реформирования они все оказались в одном взводе. В роте, куда входил этот взвод, как рассказали новичкам солдаты-первогодки, процветала дедовщина. Старослужащие не только передавали свой опыт и учили младших, но и жестоко эксплуатировали их, давя их дополнительной физической нагрузкой и нанося психологические травмы. Человеку и так на войне наносится большая психологическая травма, а здесь дополнительно давили солдат старослужащие. Доходило до того, что на боевых операциях первогодки пытались отстрелять обидчиков и это у них иногда получалось. Денис и Батрадз немного уже были знакомы с этим армейским явлением, это было и в Учебном центре, но то, как это проявлялось в роте, не шло ни в какое сравнение с Учебным центром. Солдат-первогодок просто не считали за людей. Старослужащий мог послать первогодка в наряд, в который сам должен был идти, заставить убить пленного душмана, заставить мародерничать в кишлаках, отбирая потом награбленное. Двоих старослужащих, потом объявленных Героями Советского Союза, и погибших по официальной

версии в неравном бою с душманами, на самом деле застрелил первогодок. Эти двое погибших заставляли его грабить жителей кишлака, избили его и он не вытерпев, применил оружие. С посягательством на свободу и даже избиение со стороны старослужащих столкнулись и Денис с Батрадзом. И произошло это при не совсем обычных обстоятельствах. Как то после завтрака сержант объявил, что хочет кое что рассказать «молодым» и показать. Привел их на площадку за плацем, на котором проводились построения. Маршировкой на плацу никто никогда не занимался, это не строевая часть, а боевая. На площадке стояли вновь прибывшие, возле сержанта сидело трое старослужащих. В сторонке, метрах в десяти, стояли трое совсем молодых афганцев. Сержант приказал одному из молодых солдат:

– Видишь во того, высокого? С усиками. Заколи его штыком.

Все солдаты приняли это за шутку. Никто их них еще не был в бою и не видел крови.

– Что смотришь? Коли! – заорал на солдата сержант. Солдат переминался с ноги на ногу, держа в руках автомат с примкнутым штык-ножом. На лице его блуждала бессмысленная улыбка.

– Трус, баба, – орал на него сержант и подойдя, ударил его по лицу. Из носа и из губ у солдата потекла кровь.

– Пошел вон, скотина трусливая! – и сержант ударил пинком солдата.

– Ну-ка, ты, – обратил внимание сержант на Дениса, – вперед, убей этого душмана!

Денис почувствовал, как к его горлу медленно поднимается чувство омерзения и злобы. Когда он выходил из себя, его даже Батрадз побаивался. Взглянув прямо в глаза сержанту, Денис со злобой сказал:

– Я не палач. Воевать я буду, но убивать пленных это не мое дело.

– Что-о-о? Ты как с дедом и старшим по званию говоришь? Да я тебя в пыль сотру.

Сержант вскочил, вскочили и трое старослужащих. Двинулись к Денису. Но рядом с Денисом тут же встал Батрадз. Вид обоих не предвещал ничего доброго. Батрадз спокойно, у всех на виду, передернул затвор.

– Подходите ближе, – сказал Денис, – вот на вас, ублюдках, я с удовольствием испробую свой штык.

Сержант и старослужащие остановились, на лицах их была растерянность. Такого они не встречали в практике своей службы. Подошли и встали рядом Башир и Идрис.

– Запомните, трусливые шакалы, – сказал Батрадз, – мы кавказцы и вы с нами не сможете делать то, что делаете с другими. Да и других мы научим не унижаться перед вами.

– Оставь их в покое, не видишь, это чурки! Их трогать себе дороже, – сказал сержанту один из старослужащих.

– А за чурку, запомни, ты обязательно получишь в морду или штык в зад, – сказал Башир.

Сержант и старослужащие ушли. Афганцы все так же стояли в стороне. Подошел комвзвода, младший лейтенант..

– Что тут за собрание?

Солдаты молчали.

– Ну, чего вы молчите? А что это у тебя нос в крови? – обратился он к избитому солдату.

Ответил небольшого роста солдат. Спеша и перескакивая с одного на другое, он рассказал лейтенанту, что здесь произошло.

– Убивать безоружных пленных это большая гадость, – сказал комвзвода, – правда, с нашими они не церемонятся. Попал в плен, значит ты верный покойник. И животы вспарывают, и головы отрезают. Но это они. Не будем им уподобляться. Откуда эти пленные?

– Мы ничего не знаем.

Лейтенант, с трудом подбирая слова, начал говорить с пленными на дари. Подошел солдат-таджик.

– Товарищ лейтенант, я все переведу, мой родной язык дари.

– Молодец. Чего же молчал? Спроси их, как они к нам попали и почему.

Солдат быстро заговорил. Услышав родной язык, афганцы оживились и начали отвечать.

– Они говорят, что они братья. Приехали к родственникам в кишлак и вчера их захватили в кишлаке наши солдаты. Они говорят, что их отец служит в царандое.

– Господи, вот были бы проблемы, если вы их бы отправили к праотцам. Позовите сержанта.

Пришел сержант.

– Где ты взял этих духов? – спросил лейтенант.

– В кишлаке, их привели Накипов и Свитко.

– Позвать обоих сюда.

Пришли два солдата.

– При каких обстоятельствах были захвачены вот эти духи? – спросил лейтенант.

– Обстоятельств никаких не было. Они просто шли по улице, а сержант приказал их захватить и мы их посадили в машину.

Лейтенант посмотрел на сержанта.

– И на каком основании ты их зачислил в духи? Почему врешь?

Сержант молчал. Лейтенант повернулся к переводчику.

– Скажи им, пусть идут, куда хотят. Прежде чем уйдут, хорошо накормите их. А с тобой, – повернулся он к сержанту, – будет особый разговор. Я доложу обо всем замполиту полка и командиру полка.

Лейтенант встал и ушел. «Нехороший день» – подумал Денис. И этот день преподнес им еще один сюрприз. После обеда прямо в расположении роты с недалекой высоты, поднимавшейся за расположением части, были застрелены снайпером сержант, приказывавший расправиться с афганскими юношами, и один из присутствовавших на площадке старослужащих. В ответ на выстрелы из траншеи раздалась длинная пулеметная очередь, группа бойцов на БТР ринулась к высоте. Но нашли только стрелянные гильзы от американской снайперской винтовки и примятую траву за камнем. Убитых быстро окружили и оттащили в укрытие. Денис и Батрадз впервые так близко видели смерть. На всех вновь прибывших солдат эти смерти, происшедшие почти у них на глазах, произвели гнетущее впечатление. Вот были живые люди, ругались с ними и даже чуть не подрались, и вот они мертвые. Сержанту пуля попала прямо в ухо, другому солдату разнесло голову. Лейтенант пришел, глянул, потом посмотрел на солдат.

– Сколько раз говорил, передвигаться только по траншеям! Они же не первый день здесь, всего насмотрелись. И вот на тебе! А как их матерям в глаза смотреть? Кто это сможет сделать?

Денис и Батрадз отошли от трупов. В их душах не было зла на погибших, осталось только чувство горечи и недоумения происходящим.

Батальон, в котором служил Батрадз и Денис с ингушами Идрисом и Баширом, обеспечивал контролем район Джелалабада и Асадабада. Дениса поражала откровенная нищета окрестных кишлаков. Приходилось встречаться и разговаривать с местными жителями. Переводчиками выступали обычно солдаты-таджики, язык у них с местными был один или же немного отличался диалектом. Понимали они друг друга прекрасно. Денису до слез было жалко детей и он всегда старался что-нибудь дать им. Местные жители приходили часто к врачам «шурави», приводили больных детей. В основном это были женщины. Многие мужчины, их мужья, были в сопротивлении. Нельзя было определить, кто стоит перед тобой. Днем это был работающий крестьянин или мелкий торговец, а ночью... Кто то же стрелял по ночам по расположению батальона, накрывая минами и снарядами, кто то же ставил противотанковые мины на дорогах, подрывая советские танки и бронетранспортеры. Против советских войск велась настоящая партизанская война. Было немало случаев, когда моджахеды откровенно атаковали советские части. И советские подразделения в городках и кишлаках провинции Кунар принимали все меры для безопасности: рыли траншеи и убежища, укреплялись огневыми точками с пулеме-

тами, имели на вооружении артиллерию, ставили в окружении мины, разведка непрерывно работала, определяя намерения душманов.

В один из жарких сентябрьских дней двум взводам было поручено обследовать расположенный недалеко кишлак. По сведениям разведки в этом кишлаке ночью появилась группа душманов. На четырех БТР-ах два взвода выехали в кишлак. Приближались осторожно, останавливаясь и стараясь определить наличие врага. Вот и первые глинобитные дома кишлака. Солдаты сразу заметили странность: на улице не было ни души.

– Дрянная примета – сказал солдат, служивший в Афганистане второй год.

Вперед прошли перебежками разведчики. Командиры взводов спешили всех солдат с брони и рассыпали в цепь. Пошли за разведчиками в кишлак. До первых дувалов, глинобитных заборов, осталось совсем недалеко, разведчики миновали их. И через минуты три после того, как разведчики вошли в кишлак, раздалась автоматные очереди и выстрелы «буров», афганских старых винтовок. Еще через минуту показались отступающие разведчики.

Они шли назад перебежками, пока все целые. Как только они миновали последний дувал, то сразу же укрылись в старой, неведь кем вырытой траншее. И тут же из за дувалов зататакали два крупнокалиберных пулемета, по звуку наши ДШК, сбивая землю с бруствера траншеи. Взводы залегли, окопались.

– Огонь по духам, – кричал лейтенант в сторону бронетранспортеров. Но там стрелки и сами знали, что делать. Повернув рыла стволов в сторону дувалов, два бронетранспортера изрыгнули из себя огонь и дым. Было видно, как от глинобитных заборов отлетали куски, образуя проломы. Со стороны разведчиков раздался выстрел из гранатомета. Взрыв гранаты подбросил тело вражеского пулеметчика и пулемет вверх. Но душманы не были трусливыми и неопытными. С их стороны были выпущены противотанковые гранаты из СПГ и один из бронетранспортеров задымил, его пулемет замолк. Взводный приказал открыть огонь по всем точкам, где мог находиться противник. Заработали автоматы бойцов. Одно отделение прикрывало огнем, второе перебежками двинулся к дувалам. Затем залегало и полосовало по заборам, а первое продвигалось вперед. Вот уже достигли разведчиков.

– Что у вас? Потери есть? – крикнул взводный.

– Двое, – ответил сержант, командовавший разведчиками, – раненные.

– Кто?

– Савельев и Нуридждонов. Нуридждонов тяжело.

– Отправь их отсюда в санчать.

Достигли дувалов, из за них никто уже не стрелял. Рассыпались. За дувалами лежало тела убитых, возле них валялось оружие, чуть в стороне лежал покарженный пулемет и пулеметчик с оторванной рукой, полголовы у него отсутствовало. Денис почувствовал, как к горлу подступает тошнота, но сдержал ее. Начали прочесывать кишлак. На небольшой площади стоял дом, отличавшийся от других большими размерами. И как только бойцы начали накапливаться у площади из дома раздалась выстрелы, а затем душманы открыто пошли в атаку. Было их около взвода, они выскакивали из большого дома, из боковых улочек. Бойцы сразу залегли под стенами домов и встретили душманов огнем. Это заставило душманов искать укрытие. Они рассыпались и прекратили атаку.

– Дунаев, – крикнул лейтенант, – бери Мухина, заберите раненых и на БТРе дуйте в батальон. Пусть вызывают вертолеты. Рацию разбили, связаться не могу.

– Поняли, – крикнули в ответ разведчики и скрылись в улочке.

Денис увидел, как человек пять душманов начали обходить залегших слева. У одного был гранатомет. Денис толкнул лежащего рядом Батрадза.

Не сговариваясь, они начали стрелять по душманам. Двое сразу упали, гранатомет откатился в сторону, в пыль. Один из душманов кинулся к гранатомету, но его застрелил лейтенант. Двое других кинулись за дом. Бой продолжался долго, бойцы медленно выдавливали душма-

нов из кишлака. Появились убитые, их было четверо, и раненные, их было намного больше. Грамотно отступая, отстреливаясь из автоматов и винтовок, душманы покинули кишлак и начали отходить в близлежащую лощину, где тек ручей и рос густой кустарник. Бойцы преследовали их, поливая огнем. Наткнулись еще на нескольких убитых и двоих раненых. Раненых подобрали, оказали первую помощь. Наконец в небе застрекотали четыре вертолета, когда они приблизились, лейтенант ракетой указал направление отхода врага. Летчики увидели его. В лощину полетели ракеты, пущенные с вертолетов, загрохотали пулеметы вертолетов.

– Все, дальше пойдем после вертолетной обработки, – сказал лейтенант, – остановимся и передохнем.

Бойцы залегли, осматривая окрестности. Время было уже послеобеденное, но есть никому не хотелось. Напряжение, которое охватило людей, не спадало, а еще предстояло зачистить лощину. Кое кто тянул воду из фляг. Через минут сорок вертолеты улетели. Лейтенант поднял взводы, солдаты поднялись и заклацали затворами автоматов. С осторожностью пошли через кустарники к ручью. Обработка с вертолетов была настолько интенсивной, что противник даже не подобрал убитых, но раненых не было, значит унесли с собой. Убитых было много, человек пятнадцать, значит ушли немногие. Денис с Батрадзом шли рядом, вид убитых вызывал у них неприятие, как у всякого здорового человека.

– Сколько помню, все наши поколения воевали, – сказал Батрадз, – все старики только о войне за столом и говорят. Никогда не думал, что и мне придется воевать.

– Если бы враг пришел на нашу землю, было бы легче, – сказал Денис, – а здесь мы пришли к ним.

– В бою рассуждать некогда, да и не нужно. Война, как я понял, всех делает одинаковыми. Ты не убьешь, значит тебя убьют.

Зашли за большой камень у ручья и сразу вскинули автоматы. Двое молодых парней-афганцев, оба раненные, сидели за камнем. Оружие их, советские автоматы, лежало рядом. Один согнувшись от боли и скаля зубы, зажимал рукой рану на плече, другой держался обеими руками за живот. Денис отбросил ногой в сторону автоматы моджахедов. Вытащил пакет и начал перевязывать раненого в плечо. Перевязал. Потом осмотрел второго. Осколок длиной с ладонь, торчал у него из живота, но вошел неглубоко. «Значит будет жить» – подумал Денис. Взялся за осколок и сильно дернул его, вытаскивая. Парень потерял сознание от боли. Денис разрезал ножом рубаху моджахеда, сделал противошоковый укол и перевязал его тоже. Все это время Батрадз наготове стоял с автоматом и страховал Дениса.

– Что с ними будем делать? – спросил Денис.

– Не имею представления. А что в таких случаях делают?

– Я побуду здесь, а ты спроси комвзвода.

– Хорошо.

Батрадз ушел. Минут через десять вернулся.

– Комвзвода не нашел, ушел далеко вперед, а сержант сказал, чтобы мы их пристрелили и не заморачивались. Я сразу сказал, что не буду этого делать.

– Они что, здесь все душу потеряли? Это же люди, они же раненные, не враги они уже нам.

– Не знаю, помнишь, лейтенант тогда отругал сержанта, который нас заставлял штыками резать молодых парней?

– И что решим?

– Давай их отпустим, пусть идут и лечатся.

– Я не против, а смогут они дойти?

– Смогут. Один не очень тяжелый, поможет другому. Им нужно добраться до ближайшего кишлака, там им окажут помощь.

Подошел солдат из таджиков. Голова у него была забинтована, рука выше локтя тоже, прямо поверх гимнастерки.

– Задело, Алимджон? – спросил Батрадз.

– Да, немного есть, не страшно. В госпиталь не пойду. Кто это?

– Душманы, вон их автоматы лежат.

– И что вы с ними решили делать?

– Лейтенанта не нашел, а сержант сказал пристрелить их. Но этого делать нельзя, я так считаю. Пусть уходят.

Алимджон заговорил на дари. Душманы оживились. Они что то начали спрашивать, Алимджон им отвечал. Потом снял с плеча автомат и дал две очереди вверх.

– Это чтобы сержант слышал и думал, что мы их убили.

Денис, Батрадз и Алимджон повернулись и ушли, автоматы душманов вместе с рожками к ним прихватили с собой. Не знали Денис и Батрадз, что этот случай в будущем спасет им обоим жизни дважды.

Этот первый бой запомнился всем новоприбывшим надолго и потряс каждого без исключения. После боя многие приходили в себя долго. Денису этот бой нанес сильнейший психическую травму. После боя, как и у многих, у него начали трястись руки, его восприятие мира очень сильно изменилось и при этом так быстро, что он с трудом реагировал на происходящее с ним. «Как же так, ведь я убил не менее двух человек, сам видел, как от моей очереди упало двое... Как же это возможно? Что сделали мне эти люди?» Разум приходил ему на помощь и подсказывал, что эти люди шли убить его и его товарищей. Но сердце возмущалось до предела и не хотело принимать никаких оправданий. «Я убил людей, к которым сам пришел в их дом с оружием, я не имел на это право» – думал он. Смотрел на Батрадза. С тем происходило почти то же самое. Ночью не могли заснуть.

– Араки бы, – сказал Денис.

– Где ее возьмешь?

Вокруг ворочались и не спали большинство товарищей, новичков, переживая впечатлительные стычки с душманами.

– Алимджон, – позвал Батрадз.

– Да, – повернул мгновенно голову с подушки к нему Алимджон.

– Не знаешь, где водки достать?

– Можно попробовать.

Таджик встал и куда то пошел. Пришел через некоторое время, неся две бутылки водки и три банки консервов, булку хлеба и четыре помидора. Сели на кровать Дениса, она стояла в самом углу. Из тумбочки Денис достал алюминиевую поллитровую солдатскую кружку, Батрадз распечатал одну бутылку с водкой и всю ее вылил в кружку.

– Алимджон, ты старше нас на год, ты первый, – сказал Батрадз.

Таджик не стал ломаться, трясущейся здоровой рукой взял кружку и стуча зубами, начал пить. Потом подал кружку Денису. Выпил свою долю и Денис, Батрадз выпил остатки. Закусывали хлебом и помидорами, хотя есть совсем не хотели. Хмель ударил в голову, сметая все сомнения души и сердца и сразу стало легче. Алкоголь это напиток для головы, но не для сердца. Когда человек пьет алкоголь, то сердце закрывает свои ворота для всего реального и тонкого. Сейчас Денису казалось, что все произошло правильно. Все трое начали говорить шепотом, не слушая друг друга. Батрадз жестикулировал руками. Денис вспомнил об ингушах, пошел к ним. Башир и Идрис спали крепчайшим сном, будто ничего и не было. Денис вернулся.

– Что они? – спросил Батрадз.

– Крепко спят.

– Ну и не трогай их, пусть спят.

Распечатал и налил в кружку вторую бутылку. Так же, как и первую, выпили молча. Посидели. Потом Алимджон лег на свою кровать и скоро раздалось его сопение, он заснул. За ним лег и заснул Батрадз. Денис даже пьяный долго ворочался, но потом и к нему пришел сон. Спал беспокойно, что то выкрикивая во сне, дергая руками и перебирая ногами. Утром проснулся в терпимом состоянии. Но переживание этого боя на всю жизнь осталось у него. И уходили впечатления этого боя из его души медленно, иногда затмевая впечатления даже последующих боев.

Потянулись дни жизни в укреплении батальона. Скучными их назвать было нельзя. «Духи», как называли солдаты душманов, скучать не давали. То они обстреляют колону, то нападут на почтовую машину, то подорвут БТР или БМП, то обстреляют укрепление, то их снайперы убьют или ранят кого то. По приказу командира батальона, солдаты углубляли траншеи для ходьбы в полный рост, обкладывали плитами железобетона и брони огневые точки, минировали подходы к укреплению. Иногда ночью раздавался взрыв мины и крик, это подрылся «дух» на мине. Утром находили небольшую воронку, клочки опаленной одежды и лужицы крови. 66-я стрелковая бригада не давала спуска моджахедам. Их полевые командиры, среди которых были весьма грамотные военные специалисты, даже превосходя «шурави» численностью, не могли с ними ничего сделать. Даже сам Ахмад Шах Масуд, зона контроля которого, правда, не входила в зону действия 66-й бригады, не раз восклицал: «Ну что это за народ, что за солдаты! Я лично уважаю их». В зоне же 66-й бригады полевые командиры не только ненавидели и уважали «шурави», но и боялись их. К началу октября жара спала, ночи были холодными. Если ветер дул со стороны снеговых пиков, то температура падала довольно низко. К этому времени новички, прибывшие со сборным подразделением, уже немного пообкатались в боях и стычках. Они начали привыкать к повседневности войны. Хотя к этому привыкнуть трудно.

Как то рота прочесывала один из ближайших кишлаков. Населяли этот район пуштуны, народ родственник таджикам, воинственный и жесткий. Пленным они, как правило, предлагали принять Ислам, если пленный отказывался, его убивали, иногда с изощренной жестокостью. Пуштуны были всегда скрепляющим материалом Афганистана, все короли и впоследствии большинство политических лидеров происходили из пуштунов. Они умели объединять другие племена и народы Афганистана в одно целое. Взвод, где служили наши друзья на броне БТРов доехал к месту, где начинался кишлак и спешился. Рассыпались цепью. Было видно, как по улицам сновали люди, спокойно. На околицу кишлака выскочили любопытные дети. Денис подошел к детям, остановился.

– Салом Алейком, бача, – сказал он.

Дети в ответ загалдели хором, приветствуя «шурави». Подошел Батрадз и Алимджон. Между детьми и солдатами завязался разговор. Денис вспомнил, что у него в рюкзаке лежат четыре банки сгущенного молока. Он снял рюкзак, вытащил сгущенку и отдал маленьким девочкам, закутанным в платки, каждой по банке. Девочки обрадовано заговорили.

– Что они говорят? – спросил Алимджона Батрадз.

– Они очень рады, вот эта с курчавым волосом сказала, что у нее мама больная и она отнесет сгущенку ей.

– У меня тоже есть сгущенка, – сказал Батрадз.

Снял рюкзак и вытащил две банки. Обе отдал девочке, у которой болела мама.

– Скажи, Алимджон, чтобы другие не обижались. У этой ведь мама больная. А в следующий раз мы привезем больше. Или пусть приезжают с мамами к нам.

Алимджон быстро заговорил. Дети внимательно послушали его и согласно закивали головами. Бойцы попрощались с детьми. Стоя и разговаривая с детьми, друзья не знали, что они находились под прицелом пулемета сидевших за дувалом в схроне моджахедов. Пулеметчик

уже приготовился выпустить по ним очередь. Но сидевший рядом пожилой моджахед, командир группы, положил ему на плечо руку.

– Погоди Али, не стреляй.

Тот повернул к нему голову.

– Почему, это же враги?

– Враги бывают разные. Смотри, они детям еду дали, с детьми нашими разговаривали, как с равными. И... по описанию моего сына, которого отпустили «шурави» раненого, вот этот широкоплечий похож на отпустившего.

И он показал на Дениса.

– И нужно немного думать всегда. Если мы сейчас завяжем бой, никто из нас живым не уйдет отсюда, нас мало. Наша задача сегодня разведка. А мы задачу эту не выполним.

Взвод с осторожностью прошелся по кишлаку. Признаков душманов не было. Население было спокойно, люди занимались своими делами. Хотя многие из населения кишлака знали, что в кишлаке находится группа разведки Нури Хана, командира моджахедов. Взвод покинул кишлак, сел на броню БТРов и тронулся к укреплению. Светило еще довольно яркое солнце, на вершинах снеговых пиков белел снег, голубел воздух в ущельях. И не знали Денис, Батрадз и Алимджон, как близко они были сегодня от того, чтобы навсегда уйти в вечность.

Шли дни. Похожие и не похожие друг на друга, но какие то все одинаковые. «Все по стандарту, – шутил Володя Замшелов, боец из Москвы, – жизнь по стандарту, дни по стандарту, погода по стандарту, вот только проделки «духов» не по стандарту. Если б не «духи», то что бы мы и делали? С ума сошли бы от скуки!»

Как то в расположение укрепления, этой своеобразной крепости, приболудился молодой пес, с год ему было, не больше. И сразу привязался к Денису, признал в нем хозяина. Спал возле его кровати в казарме, ночами иногда куда то убежал, но всегда возвращался. Солдаты полюбили его и привязались к нему. Назвали его Баяном, за его залиvistый голос. Каждый старался принести Баяну после завтрака, обеда или ужина что либо вкусное. Через пару месяцев Баян разъелся, шерсть на нем лоснилась, но форму он не потерял. Денис сфотографировался с ним. Фотография получилась смешная: Денис с автоматом, а рядом круглая и сытая морда пса, с прикрытым одним глазом, смотревшего не в камеру фотоаппарата, а на Дениса. Батрадз посмотрел на фотографию и расхохотался.

– Вы здесь оба похожи на двух гуляк, особенно пес. Он как бы спрашивает тебя, ну что, мол, еще по одной?

– Пошлю домой, пусть посмеются.

Денис, посылая письмо домой, послал в нем и свою фотографию с псом. Дома поулыбались фотографии, а Хадизат сразу же ее присвоила себе и унесла в свою комнату. «Духов» Баян чувствовал на огромном расстоянии. Если Баян скулил и смотря на Дениса, звал его в убежище, значит духи скоро начнут обстрел укрепления из минометов или пушек. Командир взвода заметил эти способности и как только Баян начинал волноваться, он звонил вертолетчикам и просил их обыскать окружающие укрепления высоты и лоцины. Именно за высотами, в лоцинах, невидимые глазам советских бойцов, душманы располагали минометы и накрывали из них навесным огнем место расположения батальона. Вертолетчики сперва смеялись над командиром взвода, но потом, когда звонки лейтенанта стали точно совпадать с обстрелами, начали производить поиски позиций врага и накрывали их ракетами и из крупнокалиберных пулеметов. Так Баян начал нести боевую службу. Командир батальона узнав о способностях Баяна, шутя сказал комвзвода.

– Поставьте его на довольствие, сахар и сгущенку выдавайте по особому рациону.

– Да ему только этого не хватало! Он уже мясо и шоколад не ест, бойцы его закармлили.

– Тогда я не знаю. Действуйте по обстановке. Но пса берегите, ценный пес.

И пса берегли. Сшили ему из старого обмундирования жилет с карманами, вложили в карманы титановые пластины, получился бронежилет. Задолго до обстрела Баян сам иногда тащил в зубах свой бронежилет и кто-нибудь из солдат надевал его ему. Пес был просто поразительно умен и сообразителен. На операции его не брали, отчего он был диким воем. Но его обычно запирали в кладовке. На операции его точно бы подстрелили. Но как то Баян вырвался и помчался вслед за уезжавшими БТР-ами. Солдаты заметили его. Колонна остановилась и Баян с ходу запрыгнул к Денису на броню.

– Ну и что нам с тобой делать? – спросил Денис.

Солдаты хохотали.

– Денис, дай ему автомат. И пару гранат. Он сейчас всех «духов» разгонит.

Денис наклонился к Баяну.

– Баян, иди домой. Иди, с нами опасно. Иди и жди меня. Мы скоро вернемся. Домой! Быстро домой!

К великому удивлению Дениса и других бойцов, Баян соскочил с брони и, понурясь, побрел в укрепление. Один раз остановился, обернулся к колонне, поднял вверх морду и коротко и недовольно взвыл. Затем уже, не поворачиваясь, побежал домой. В этой операции взвод не потерял ни одного человека даже раненым.

Вертолетчики, узнав причину такой осведомленности командира взвода, приехали посмотреть Баяна. Навезли ему тушенки, сахара, конфет.

– Хороший пес, – сказал один из вертолетчиков, седоватый капитан, – отдайте его нам.

– Это не ко мне, это к Исаеву нужно обращаться. Вон он, – показал комвзвода на Дениса.

Капитан подошел к Денису.

– Может отдашь нам пса?

– Извините, товарищ капитан, но он не пойдет, это первое. А во вторых он мне как друг.

Разве ж можно друзей отдавать?

Капитан улыбнулся.

– Правильно мыслишь. На вот, наши ему собрали, – и он отдал Денису мешок с подарками Баяну.

Денис поблагодарил и отнес мешок в казарму, поставил его возле своей кровати.

Дни тянулись медленно, но месяцы шли быстро. Пролетел октябрь, наступил ноябрь. Деревья в долинах пожелтели, начали осыпаться. Днями еще держалось тепло, ночью же было настолько холодно, что заступая в караул, приходилось надевать бушлаты. «Духи» немного притихли, но все же обстрелы не прекращались. Командир батальона как то пришел в ячейку, накрытую сверху накатом из бревен и броневой плитой. В ячейке в это время находились Денис и Батрадз. Где то за Асадабадом раздавались звуки взрывов и вспыхивали огневые всполохи.

– Камышева обстреливают, учились мы с ним вместе, – не обращая ни к кому, сказал комбат.

Денис взглянул на него. У него было осунувшееся небритое лицо, глаза ярко блестели, пахло свежим запахом водки. Солдаты уважали и любили майора, потому что он сам любил солдат и беспокоился о них, помогал им, пресекал ссоры и мирил друг с другом поссорившихся, по отчески, без всякого наказания и устава.

– Товарищ майор, что мы делаем здесь, в Афганистане? – спросил Батрадз.

Майор глянул на него и отвел глаз.

– Знаете что, сынки, не я придумал эту войну. Не я ее начал. Мне самому она по сердцу ножом прошла. Гляну я на этих афганцев и жалко мне их. Они же по сравнению с нами в Союзе живут очень бедно, нищие. Неграмотные, больше половины населения даже читать не умеют. А народ хороший, даже взять этих пуштунов, наших основных противников. Добро помнят и добром платят. А зачем мы пришли сюда? Не знаю. Я лично не вижу никакого интернационального своего долга здесь, да и никто этого не ведает и не знает. Хорошо о нем болтать там,

в Москве, но во что эта болтовня выливается здесь, вы и сами видите. Но война есть война, на войне нужно не рассуждать, а воевать. Так что думайте и мыслите сами, что мы здесь делаем. Мне Алимджон Садыков кое что рассказал о вас. Правда это?

Майор и Алимджон были страстными любителями шахмат и часто проводили свободное время за ними. Иногда Алимджон приходил навеселе от комбата, угощал его майор. Денис и Батрадз переглянулись.

– Да, правда. Сержант приказывал их пристрелить, но мы их перевязали и отпустили.

Майор вздохнул, помолчал.

– Правильно сделали. У них тоже матери есть. Убить дело нетрудное, да еще раненого.

Помолчали. Прибежал Баян. Обнюхал всех, начал ластится к Денису.

– Чего тебе? – спросил Денис, – Ничего у меня нет.

– Веселый, значит духов близко нет.

– Точно. Я поражаюсь, как он их чует. За десять километров чувствует.

– Хороший солдат, – сказал майор, – берите пример – пришел, ничего не просит, а служит за троих.

Все засмеялись. Раздались шаги, это пришла смена Денису и Батрадзу. Они сменились и, попрощавшись со всеми, ушли в казарму.

Тянулись тягучие дни службы-войны, тревожные ночи, стычки с душманами. Были и редкие интересные встречи с местными жителями. Денис всегда старался одарить их чем-нибудь, особенно детей. Так же делали и многие другие солдаты. Но солдата озлобить очень легко, для этого достаточно убить его друга. И были солдаты, люто ненавидящие душманов и афганцев. Денис и Батрадз часто спорили с ними. Они доказывали, что не афганцы пришли к ним в СССР, а это советские солдаты пришли в Афганистан. И афганцы вправе защищать свою землю. Но все было не так однозначно. Многие афганцы служили в правительственных войсках и были заодно с советскими солдатами, многие учились у советских военных на всевозможных курсах и в школах, из них получались нередко довольно дельные офицеры, но многие переходили и на сторону моджахедов. Переходили на сторону моджахедов и советские солдаты, были и такие случаи. Случалось это по разному. Кто то попадал в плен и на предложение выбрать смерть или поменять веру, принимал Ислам. Такие жили среди афганцев, женились на афганских девушках. Но были случаи перехода на сторону моджахедов и солдат, сознательно выбиравших этот путь и уходивших к ним с оружием в руках. Эти принимали участие в операциях моджахедов против советских подразделений. Война не оставляет зачастую выбора, а перешедшие сами принимали решение уйти к душманам. У афганцев иногда вспыхивали стычки между разными группировками. Было и такое. Шла не только война советских солдат с моджахедами, в Афганистане были все признаки и гражданской войны. Соппротивление Афганистана было разбито и разрознено по национальным и племенным признакам. Север контролировали таджики под руководством Ахмад Шах Масуда – Панджерского льва, северо-запад был в руках узбеков и туркмен, центр, северо-восток и восток занимали пуштуны, на юго-востоке и на юге были хазарейцы, потомки монголов, и белуджи. Были и другие мелкие народности и племена. Вся это разноликая масса стремилась урвать для себя побольше выгод, ссорилась между собой и даже применяла друг против друга оружие. Многие из афганцев, как уже говорилось здесь, служили в правительственных войсках, которые охраняли ключевые города, дороги, посты. Эти войска проводили совместные операции с советскими частями, внося дополнительную сумятицу в межплеменные отношения. Ибо в правительственных войсках, несмотря на то, что основную массу составляли пуштуны и таджики, были представители всех народностей и племен Афганистана. В этот клубок противоречий и вражды, не разобравшись толком и не изучив обстановки, решили вмешаться советские лидеры. Лидеры всегда сидят в креслах, в уютных кабинетах, далеко от порожденных ими и происходящих событий, расплачиваются же за такие шаги простые люди, в нашем случае советские солдаты. Совет-

ский Союз решил построить в Афганистане социализм, хотя сами руководители СССР смутно представляли себе, что это такое и за все время существования социализм в СССР так и не был построен. Согласно спорной концепции Маркса, теоретика, разработавшего теорию социализма и развития человеческого общества, социализм больше был в таких странах, как Швеция, Дания, Канада, даже США. Да, в этих странах присутствовали чисто капиталистические отношения в экономике, но создатель теории развития общества Маркс, с точки зрения автора крайне неверной, и не отрицал их в социалистическом обществе. Но социальная защита населения была такой, которая в СССР и не снилась. Даже в случае потери трудоспособности человек обеспечивался всем необходимым для жизни. Афганцы в массе своей вообще не понимали, что от них хотят. В результате гражданской войны и с приходом на помощь правительству советских войск, были нарушены вековые традиции племен, межплеменные связи, разбита и разрушена та основа, на которой веками держалось афганское общество. Большинство афганцев воспринимало советских солдат как оккупантов. Хотя «шурави» помогали афганскому правительству и строили школы, больницы для простых людей, снабжали продовольствием, когда в этом появлялась нужда. Но даже при таком раскладе чужаков не любили. Но не всегда. Были целые районы, где к «шурави» относились неплохо. Впоследствии, после вывода советских войск в 1999 году, из жителей этих районов и приверженцев просоветского правительства и была составлена основная масса беженцев из Афганистана, спасавшаяся от свергнувших правительство моджахедов. Этих людей моджахеды уничтожали без жалости, вырезая их иногда целыми кишлаками. Многие сотни тысяч бежали в СССР, Пакистан, Индию, в Канаду, США, в Европу. Начав воевать с момента свержения короля Дауда и с приходом советских войск, Афганистан воевал тридцать лет к моменту написания этой книги и воевать он еще не закончил.

Денису первому из вновь прибывших было присвоено звание младшего сержанта и он стал командиром отделения. Командир батальона давно присматривался к нему, отмечая его ум и сноровку. Случилось это так. В одной из патрульных поездок взвод нарвался на засаду. Правда, душманов в засаде было немного, они обстреляли из гранатометов колонну из трех БТРов, но не подбили ни один. БТРы открыли из своих крупнокалиберных пулеметов шквальный огонь. Но война в горах имеет свою специфику. Удачно выбранная позиция над горной дорогой может привести к тому, что два десятка человек без труда блокируют батальон, а то и полк. Огонь пулеметов БТРов не приносил особого успеха. Из за камней засада начала стрелять из автоматов по солдатам. Тогда командиром взвода была создана маневренная группа из людей, не боявшихся и знавших горы, и направлена в обход засады по расселинам скал. В эту группу попали и Денис с Батрдзом. Группа шла, укрываясь за обломками скал и камнями. Все ближе автоматные очереди из «калашниковых» и гулкие аханья американских винтовок М-16. Та-та! Та-та-та-та! – бесновались автоматы китайского производства. Ух-ух-ух! – ухали американские винтовки. Ти-ти-ти-ти-ти-ти! – трещали израильские автоматы «узи». Позицию душманы выбрали очень удачную. Даже если подняться выше засады, душманов нельзя было накрыть огнем, они находились под отвесной скалой. Но зайти во фланг им группе удалось.

– Начнем отсюда! – сказал командир группы, – Гранатометчики, давай осколочными!

Два гранатометчика выдвинулись, установили прицелы и послали гранаты. Одна не долетела, вторая же разорвалась, ударившись в скалу прямо над головами душманов. Осколками задело несколько человек из засады. Засада начала отходить под автоматным огнем группы. Прячась за камнями, группа перебежками продвинулась к месту засады. Но там, кроме пустых гильз, ничего и никого уже не было. Горы были родным домом для нападавших и они уже успели скрыться. Следы крови показали, что среди нападавших были раненные. Ранили и двоих членов группы. Одного слегка царапнуло в голову, а командира группы ранило тяжело, его пришлось нести. Спустились к БТРах. Раненого в голову перевязали, а командира группы

уложили внутрь бронетранспортера. Тронулись. До укрепления добрались без приключений. Комбат пришел к раненому в медчасть.

– Как это тебя угораздило?

– Война, товарищ майор.

– Это точно, война. Как ты думаешь, кого ставить на твое место?

– Мое мнение Исаева Дениса. Парень с умом и он же закончил Учебный центр, где готовят младших командиров.

– Мое мнение, что твоя мысль дельная. Я этих двоих, Исаева и Калоева, давно наблюдаю. Больше всего мне нравится их чувство достоинства. Они всегда ко всем ровные, нет ни превосходства, ни подбострастия, ни пресмыкания. Я сам с ними чувствую себя совсем по другому, чем с другими.

– Денис будет хорошим командиром отделения, он и за людей будет болеть.

– А что ты думаешь про Гоменкова?

– Честно сказать?

– Честно, конечно!

– Плохо думаю, хотя и знаю, что у него папаша где то в Ташкенте большая военная шишка. Изо всех сил рвется к власти, людей не понимает и не любит. Мнит из себя всепонижающего и всеумеющего. Это далеко не так.

– Ты смотри, охарактеризовал ты его прямо как не знаю кого, – сказал майор.

– Вы просили сказать честно.

– Спасибо. Честно говоря, я не знал этих его отрицательных черт.

– Его Денис не раз ставил на место. И я знаю, что в одном из разговоров он грозился Дениса приструнить. А с помощью папаша он приструнит и командира полка.

– Что ж, буду знать и комполка нужно сказать. Я скажу о нашем разговоре. Ты не против?

– Нет, не против. Я могу сказать все, что сказал вам здесь, и при Гоменкове.

– Ладно, выздоравливай. Кость, говорят, задета слегка, трещин и переломов нет. Наверное в Душанбе лечиться будешь.

– Вылечусь и домой. Мне три месяца осталось служить.

– Тебе хорошо, а мне здесь загорать придется до конца.

Майор пожал раненому руку и ушел. Написал рапорт командиру полка, в котором ходатайствовал о назначении Исаева командиром отделения с присвоением ему сержантского звания. Так Денис стал младшим сержантом, командиром отделения. Служба его от этого легче не стала.

*

По ингушским аулам и поселкам сновали люди, агитировавшие ингушей к вооруженным действиям за включение Пригородного района в состав Ингушетии. Часто эти люди были при больших деньгах, а самое интересное, что их почти никто не знал. Люди в аулах спрашивали друг друга, кто, мол, эти агитаторы, откуда они, из каких фамилий? Никто ответа не находил. Чувствовалась за этими людьми сильная рука, твердо настраивавшая ингушей на открытые выступления против осетин.

– С чем мы будем выступать и против кого? – спрашивали пришельцев люди.

– Против Осетии и осетин, а если вам нужно оружие, то оно будет в достаточном количестве.

– Это что, воевать с осетинами? А как Москва на это взглянет?

– А что нам Москва, она далеко.

– Но зачем это нам нужно? – вспыхивали ингуши.

– Это ингушская земля и владеть нею должны ингуши.

– Но это же война, кровь и смерти. Падут лучшие, как всегда, а худшие спрячутся и отсидаются.

– Вы трусы, коли так рассуждаете. Вас попирают ногами, а вы молчите и терпите. Вы стали рабами осетин и русских.

Нет большего оскорбления для кавказца, чем назвать его трусом и рабом. На эти слова многие ингуши бросали яростные, смешанные с обидой, взгляды и уходили с собраний. Один не выдержал и кинул агитатору.

– Ни я, ни мои друзья никогда трусами не были. И можем тебе это доказать прямо здесь. Хочешь?

Такой прямой вызов несколько огоршил агитатора. Ингуш же продолжал.

– Не дай Аллах вспыхнет эта война между нами и осетинами. Если это произойдет, то я уверен, тебя с нами не будет.

– А куда же я денусь?

– Уйдешь.

– Куда уйду?

– Туда, откуда ты пришел. Кто ты? Какой фамилии? Ингушетия совсем маленькая республика и нас совсем мало. И почему тебя здесь никто не знает? А ты сеешь нехорошие семена.

– Это ты так принимаешь гостя? – увильнул от ответа пришелец, – Как видно ингуши забыли, что такое гостеприимство и его законы.

– Мы не забыли законов гостеприимства, – взорвался сход, – а спросили тебя правильно. Кто ты, чей ты, откуда? Почему тебя никто не знает?

Приехавший махнул рукой, поднялся и пошел к стоявшей недалеко машине, за рулем которой сидел похожий на славянина человек. Машина тронулась и уехала. Народ расходился, недоуменно пожимая плечами, обсуждая приехавших чужаков, которых никто не знает. Никто не понимал, чего же хотят от них эти люди. Не хотят ингуши воевать против соседей, прошли эти времена. Но так думали не все. Сколько людей, столько и миров. Были и горячие головы, которые готовы были выступить против соседей с оружием. Пока их было меньшинство, но семена розни только начинали прорастать. Со временем их будет больше и больше. И снова эти люди по верховьям Камбилеевки, по Ассе, по верхнему и среднему течению Сунжи. Мутили народ, смущали умы людей, разжигали враждебность к соседям. Твердая рука, посылавшая и управлявшая ими, ловко применяла правило «Разделяй и властвуй». Находившиеся далеко от Кавказа люди знали, как возмутить Кавказ, знали о всех мелочах в отношениях народов Кавказа. Им было наплевать на Пригородный район, главная их цель была взбудоражить Кавказ и стравить народы. Будет литься кровь? Для них это было отвлеченным понятием. Пусть льется, не их же это кровь. Ловко орудуя по многим направлениям, они находили нужных людей в диаспорах кавказцев за границей, в основном в Турции и арабских странах, в Москве, Ростове-на-Дону, Владикавказе, Нальчике, Грозном, в древнем Дербенте и Махачкале, покупали их на корню и заставляли работать на себя. И продажные люди за деньги готовы были сделать все и делали. Люди эти зачастую были на высоких постах. Кавказ, особенно Ингушетия, Осетия, Чечня, Грузия, начинал потихоньку закипать. Потом это кипение выльется в осетино-ингушский конфликт и в две чеченских войны, в две осетинско-грузинских войны, в абхазско-грузинскую войну. Погибнут десятки тысяч человек, надолго ненависть охватит народы, но в большой политике это такая мелочь! Вспомнят древнюю вражду с русскими и казаками адыгские народы: кабардинцы, черкесы, адыгейцы. И хотя там не дойдет до кровавых стычек, определенные трения возникнут. Расколется Дагестан на части, как во времена Ермолова, и там тоже начнет литься кровь. И во всех случаях кровью и жизнями расплачивается простой человек. Для чего это делалось? Чтобы оторвать от России Кавказ, эту ключевую точку отношений с Азией.

Ночью в глухой ингушский аул Даудюрт, отстоявший от Подгорного через непроходимый Зеленый хребет, пришла тяжело нагруженная машина. Из кабины вышел человек и постучался в один из домов на улице, выходящей к лесу. Никто не ответил. Постучал еще раз. Через некоторое время дверь в доме открылась и вышел хозяин, уже в годах, полноватый ингуш.

– Салам Алейкум, Идрис. Ну ты и спишь! Еле разбудил тебя.

– Алейкум Салам. Кто ты, откуда знаешь мое имя?

– Мое имя тебе знать пока не нужно. А твое имя мне сказал Баток. Знаешь такого? И как дом твой найти рассказал мне он же.

– Знаю Батока. Зайди, будь гостем, поешь. Попей чаю или молока.

– Некогда мне Идрис. Утром я должен быть уже в Назрани. У меня времени совсем немного. Давай о деле.

– Нехорошо о деле вот так, но что сделаешь... Говори, какое дело у тебя?

– В машине автоматы Калашникова, рожки к ним и патроны россыпью. Баток сказал, что это можно оставить у тебя.

– Место приготовлено. Сейчас подниму сыновей и все быстро разгрузим.

Идрис ушел и минут через десять появился с тремя молодыми мужчинами, своими сыновьями. В проеме двери мелькнуло лицо молодой женщины. Машину загнали во двор и все пятеро мужчин начали разгружать ящики и носить в подвал дома. Водитель, склонившись к рулю, спал. Ему предстоит за рулем обратная дорога, поэтому приехавший не трогал его. Часа через полтора машину разгрузили. Закрыли двери подвала, замкнули их на три замка.

– Все, Идрис. На вот тебе половину пятерки, – он зигзагами оторвал от пятирублевой бумажки половину, – тот кто придет со второй половинкой и моей запиской, тому дай то, что будет написано в записке. Не давай ничего лишнего.

– Хорошо. Может зайдете с водителем и перекусите?

– Еще раз спасибо за гостеприимство, но некогда.

Приезжий пожал руки Идрису, его сыновьям. Из дому вышла молодая женщина и передала одному из мужчин, видимо своему мужу, сверток, тот передал его Идрису.

– На, гость, здесь еда. В дороге немного поедите.

– Хорошо. Спасибо. Мир вам.

– И вы да пребудете с миром.

Приезжий сел в машину, водитель запустил мотор, машина выехала задом на улицу и тронулась в сторону Назрани. Хозяева дома вошли в дом и легли спать.

Такие машины, неизвестно где и кем загруженные, завезли оружие не в один аул Ингушетии. Иногда ингуши с удивлением видели среди доставляющих людей славянской национальности. Умных людей это очень настораживало, глупые люди радовались: «Значит и русские с нами». Но это были как раз те продажные люди, которым было все равно, что делать, лишь бы текли деньги им в карман. И снова сновали по аулам и селам агитаторы, собирали сходы, чернили соседей, настраивая ингушей на действия. Простодушные ингуши велись на их слова, недовольных тем, что Пригородный район в составе Осетии. Господи, сколько такого было уже на нашей Земле? Сколько пролито крови и загублено жизнью по таким поводам? А земля ведь никогда никому не принадлежала, она всегда была собственностью Бога.

От осетин и казаков не укрылось то, что соседи вооружаются. Начали вооружаться и они. У Кавказа свой менталитет, особый. Кавказ это непостижимая цивилизация для западного, северного, южного или восточного ума. Кавказом нельзя управлять, его можно только умело направлять, не ущемляя достоинства людей. Многие кавказские народы, как те же ингуши и чеченцы, никогда не имели в своей среде привилегированного сословия в виде дворян и не привыкли, да и не умели, кому то покоряться. На Кавказе каждый мужчина старался иметь оружие, это повелось с древних времен. Даже при советской власти оружие имели все, правда, неразрешенное нарезное оружие открыто не носили. Применялось оружие друг против друга

крайне редко, намного реже, чем в России, Европе или США. В России, США, Европе за применение оружия судили и давали большие сроки. На Кавказе даже в советское время существовала кровная месть, канлы. Если кто то убивал, то он был под постоянной опасностью смерти: родственники убитого обязаны были отомстить. Под угрозой смерти находились все родственники убийцы. Поэтому, прежде чем пустить в ход пистолет или кинжал, кавказец десять раз должен был подумать. Иногда убийцу, после долгих переговоров с родственниками убитого о прощении, приводили к последним с мешком на голове. Как правило, родственники убитого прощали его. Но выплачивался назначенный откуп. Но оружие есть оружие и когда его много, оно начинает стрелять. Когда мужчина имеет припрятанный пистолет, это одно, когда же машины, груженные оружием, привозят и складировуют его, это совсем другое. Это повод задуматься. Но в Москве в это время никто ни о чем не думал. Скользкий, увертливый и недалекий генсек-президент Горбачев будоражил народ своим «новым мышлением», но это были только слова. На деле в жизнь проводилась глупость за глупостью. Не имея представления о том, каким должно быть человеческое общество, не зная его законов, Горбачев стриг всех под одну гребенку. Была устроена антиалкогольная компания, превратившаяся на местах в дикую вакханалию идей генсека-президента. Были вырублены виноградники, выращивавшиеся десятки лет, загублены редчайшие сорта, разрушена система производства прекрасных и редких вин. Люди, веками занимавшиеся виноградарством и виноделием, не понимали этого и не принимали это. Да, алкоголь в избытке для человека это враг и яд. Но ни одна цивилизация, ни одно государство с древнейших времен и до наших дней не жила без алкоголя. За долгие века многие народы, такие как осетины, армяне, грузины, шотландцы, французы, итальянцы и другие, выработали умение пить, но не напиваться, превращая застолье в приятное общение. Даже мусульмане потребляли спиртное, хотя оно и было запрещено Исламом. В СССР начали устраивать настоящие спектакли: безалкогольные свадьбы, дни рождения, праздничные застолья. Все это широко освещалось в печати и на телевидении. Вот глядите, мол, как все просто! Несколько месяцев и люди уже совсем другие, спиртного и в рот не берут! «Новое мышление породило нового человека!» – кричали советские газеты-подхалимы. Со стороны же для умных людей это было смешно. И другие государства удивлялись и смеялись над СССР. Но люди, пряча, приносили с собою спиртное на свадьбы и другие торжества и пили его. В Армении, Грузии и Осетии, где застолье без спиртного никогда не проводилось, на указы и постановления Москвы просто не обращали внимания, особенно в сельских районах. Как можно провести свадьбу без вина или араки? Этого никто не знал и не умел, это ломало вековые, даже тысячелетние традиции. Генсек-президент делал в угоду Западу, для поддержания своего имиджа среди западных стран, все более непонятные и глупые шаги. Начались переговоры о выводе советских войск из ГДР. Да, войска эти нужно было выводить. Но нужно было на переговорах добиваться максимальной выгоды от этого действия, как это делали все и как это советовали Горбачеву многие, даже некоторые американцы. Но его понесло! Он быстренько подписал договор о выводе войск, который почти во все пунктах ущемлял выгоды СССР. Начался вывод. Из благоустроенных военных городков в ГДР войска выводились и сгружались в чистом поле, в места без подготовленного жилья, с офицерами при этом были их семьи. Вывод был организован настолько глупо, что в некоторых частях произошли вспышки недовольства в виде митингов и неподчинения офицеров и солдат вышестоящему командованию. Офицеры начали массово увольняться из армии, уходили прекрасные специалисты: летчики, танкисты, инженеры. Зато генсек-президент получил на Западе ласковое имя «Горби». Имя это было ему дано за самое настоящее предательство интересов советских народов. По многим подтвержденным данным Горбачевым были переданы на Запад многочисленные военные и технологические секреты. В СССР же резко падала экономика, всегда бывшая не на высоте. Кое где начало останавливаться производство. На фоне этих событий развивалось и усиливалось противостояние двух соседей на Северном Кавказе – осетин и ингушей. Кавказ всегда был лакомым кусоч-

ком в мировом пироге. Многие приходили сюда с оружием, приносили свою веру, но оружие не помогало, принимая веру, народы оставались свободными от обязательств перед принесшими ее. Не закрепились здесь ни персы, ни арабы, ни турки, ни англичане. Ценой огромных усилий и потерь закрепились здесь Россия, но включив Кавказ в состав империи, русские не тронули ни религии, ни самоуправления народов Кавказа. И народы Кавказа на это ответили Росси доверием и поддержкой. Осетины воевали во всех российских войнах с турками, многие народы храбро сражались под российским флагом в русско-японскую войну и в Первую Мировую войну. Легендарная Туземная дивизия покрыла свои знамена неувядающей славой. Сплотила народы Кавказа и Вторая Мировая война. Было ли все гладко в отношениях русских и кавказцев? Далеко нет. Вспоминалась не раз и старая вражда, и былые разногласия. Сейчас западным и арабским странам, всегда зарившимся на Кавказ, нужно было дестабилизировать обстановку в этом регионе. И они активно действовали там, вербуя агентов из местного населения, напоминая абхазам об их давних вольностях, когда они были совершенно независимы от Грузии и России, используя пресловутый Пригородный район, нашептывая кабардинцам об их праве на Земли вокруг Моздока и всей равнинной Осетии, напоминая Дагестану о том, что он многое потерял, попав под власть России. Эти исторические сведения были верны, но используя такой метод, можно легко доказать, что Англия принадлежит Франции или наоборот. За время советской власти, которая была совсем не идеальна во многом, но которой, если исключить депортацию некоторых народов Сталиным, проводилась в жизнь довольно приемлемая национальная политика. Сейчас это все ломалось. Во Владикавказе вспыхивали драки между осетинами и казаками с одной стороны и ингушами с другой, такие же драки происходили в Ростове-на-Дону между русскими и кавказцами, которых русские слабо различали по национальностям, в Краснодаре и Майкопе между кубанскими казаками и черкесами, в Кизляре между дагестанцами и терскими казаками. В Чечне открыто грозили гребенским и терским казакам расправой, что и было осуществлено позднее с величайшей жестокостью во время правления Дудаева. А ведь гребенские казаки это родственники чеченцев, у них даже тейпы (роды) общие есть – Гуной и Шантарой. Они издавна женились и выходили друг за друга замуж, образуя смешанные семьи. Все это сейчас забывалось и попиралось. Кавказ начинал закипать. Это бурление и вспыхнувшую неприязнь народов друг к другу можно было устранить и погасить умелыми действиями. Но «Горби» думал совсем не о том. Он думал над тем, чем бы еще умаслить Запад, чтобы получить еще большую его приязнь. Об уровне его мышления можно судить по тому, что он просто не учитывал простейшей вещи: в политике не бывает любви и дружбы, в политике бывает только выгода своей страны, иногда просчитанная на века вперед. Иногда создаются союзы, чтобы сокрушить общего противника, которые быстро распадаются после достижения цели. И нередко союзники становятся противниками. Запад воспользовался влечением Горбачева к похвалам и славе и просчитал в своих действиях все на многое время вперед. И начал проводить политику дестабилизации обстановки в СССР. Это было началом времен похуже, чем при советском застое, но это было только началом! Кроме времен похуже ждали всех людей в СССР и совсем плохие времена. Мы с тобой, читатель, еще все увидим!

Над Назранью плыли тягучие низкие облака, цепляясь за вершины близлежащих гор. Время близилось к вечеру. На площади у горисполкома шумел сход, собравший не одну тысячу людей. Люди то слушали ораторов, то сбиваясь в кучки спорили друг с другом, то шумели, не слушая никого. На стульях рядом с трибуной сидели старики. Они внимательно следили за ходом этого собрания. На трибуну поднялся стройный широкоплечий мужчина с рыжеватой бородкой и усами, с разбросанными по лицу пятнами веснушек.

– Люди! Ингуши! Мы должны решить, что нам делать дальше. Разве можно жить так, как мы живем? Разве можно терпеть дальше то, что нам приходится терпеть? Нас попирают

ногами, нас превращают в рабов, с нашим словом не считаются. Земли, принадлежавшие нашим предкам, у нас забрали! Я считаю, что так жить больше нельзя.

– А что ты предлагаешь? Говори! Мы слушаем твои слова! – раздался из толпы молодой голос.

– Я предлагаю действовать. Нужно потребовать у Осетии и Москвы, чтобы вернули нам наши земли Пригородного района. Эти земли всегда принадлежали ингушам. Их у нас захватили и отняли.

– Как действовать? Если ты это знаешь, скажи! – раздался снова из толпы другой голос.

– Нужно составить наши требования и послать делегацию в Москву и во Владикавказ. Наши требования пусть выполняют. А если не выполнят, то нужно самим забрать наши земли. Даже силой оружия.

– Ого! Ты что, предлагаешь начать войну? С кем? С Москвой и осетинами?

– Если ты не хочешь быть рабом, то нужно и воевать. Почему нет?

Вперед вышел пожилой ингуш в папахе.

– С кем ты решил воевать? Нас раздавят, как мух, – сказал он, – с осетинами мы еще сможем воевать, но с армией не сможем. Это первое. А второе вот что я хочу сказать. Мы живем неплохо, все у нас есть, никто не ходит раздетым и никто не голодает. И рабами мы себя не чувствуем. Мы свободные люди. Да, есть у нас проблемы с соседями, но это не повод начинать войну. Война это много убитых и раненых, разрушенные дома и опустевшие поля. Это разруха и голод. Зачем нам это? Я считаю, что все проблемы нужно решить мирно. С Пригородного района осетины не выгоняют ингушей, они там живут даже лучше, чем мы в Ингушетии. Запомните мои слова: стравить два народа можно, но помирить их будет очень трудно. Вы хорошо знаете, что между нами и осетинами лежит давняя неприязнь. И если мы добавим сейчас к этому еще огня, то сгорит многое и сгорят многие. Вспомните, когда мы вернулись из Казахстана, осетины помогали нам, отнеслись к нам с пониманием. Нет, я против того, чтобы решать этот спор с оружием в руках.

– Вот такие как ты всегда тянут народ в болото, – крикнул с трибуны рыжебородый, – ингуши никогда не были трусами.

– Я не трус, – сказал пожилой, – а если ты считаешь меня трусом, то мы можем выяснить это прямо здесь, кто из нас трус. Мой кинжал готов! – и он взялся за рукоятку кинжала, висевшего на поясе.

Народ зашумел, загалдел. Пожилого начали успокаивать. Рыжебородый слез с трибуны и мгновенно исчез.

Два ингуша стояли рядом, молодой, лет тридцати и второй постарше.

– Шамиль, тебе не кажется, что рыжий говорит по-ингушски с каким то акцентом?

– Да, это точно, Аслам. Язык у него хороший, но он произносит некоторые слова и звуки не так, как произносим мы.

– Приезжал к нам в гости наш дальний родственник из Сирии, его предки и наши предки были близкими родственниками. Во время Кавказской войны его предки стали махаджирами и уехали в Турцию. Так вот, этот родственник говорил так же. Слова произносил по другому.

– Интересно и даже очень интересно. Надо бы спросить об этом рыжего.

– Спросишь, если найдешь. Он уже исчез.

– А что ты думаешь об этой проблеме?

– Я думаю, что ее нужно решать за столом сперва старикам и нашим политикам. Убивать осетин, я думаю, это большая глупость. Они тоже жить хотят и начнут убивать нас.

– Да и нельзя этого делать! У меня две семьи осетинских друзья. Одна в Беслане, вторая в Чермене. Я же у них в гостях бываю, ел хлеб их, ночевал не раз у них. Они мои кунаки. И таких, как я, много.

– У меня тоже осетины кунаки есть. И как потом им в глаза смотреть? Нет, я не просто против таких действий против осетин, я даже пальцем не пошевелю, чтобы сделать им что то плохое. Живем рядом, соседи мы, запросто ездим во Владикавказ, к нашим родственникам в Пригородный район. Что еще нам нужно? Да и живем в одной стране. Нет, гнать нужно этих агитаторов.

Но так думали не все. Были люди, готовые взяться и за оружие. Им было плевать на соседей, да и на своих соплеменников тоже. Можно будет на войне и пограбить, война приносила всегда и доход сильному. Сход шумел долго. Под конец решили составить письмо с требованием возврата Пригородного района и послать его с делегацией в Москву и во Владикавказ. Письмо составили быстро, зачитали. Сход письмо принял. На этом сход закончился и начал расходиться. Над Назранью, над долиной реки Сунжи и окрестными аулами и селами раскидывала свои крылья ночь.

Посланная делегация не добились ничего с ходу. В Москве их принял Рыжков, поговорил, сказал, что внимательно изучит вопрос, но для этого понадобится время. Во Владикавказе сказали почти то же самое, но добавили, что об отделении Пригородного района от Осетии не может быть и речи. На этом все и повисло в воздухе на несколько лет. Но вода и камень точит. Так и люди, агитировавшие за присоединение Пригородного района к Ингушетии, постоянно подталкивали ингушей к решению вопроса силой. И количество сторонников силового решения росло, теперь их было среди ингушей уже больше половины. Темные силы брали верх над светлым.

По ингушским аулам и селам, расположенных в Пригородном районе Осетии и в осетинских селам со смешанным населением происходили те же события. Вражда осетин и ингушей уходит корнями в века и века. Откуда она взялась? Никто не может ответить на это и предположительно. Религия разная? Нет, это не причина. Да, осетины христиане, ингуши мусульмане. Но мусульмане есть и у осетин, часть дигорцев. И осетинам-христианам не мешает жить в дружбе с кабардинцами и другими мусульманскими народами Кавказа. Так в чем дело? Никто толком не знает. Вражда это иногда проявлялась с большой жестокостью. У ингушей даже существовал древний обычай считать юношу мужчиной только тогда, когда он убивал осетина. Своего рода инициация. Много людей погибло с той и с другой стороны в этой вражде. Но при всех недостатках советской власти она смогла прижать и утихомирить эту вражду. Нет, не совсем, но было терпимо. И дружили соседи семьями, и в гости друг к другу ездили. Но вот, почувствовав, что советская власть начинает рушиться, темные силы начали раздувать эту вражду. Причиной выставили пресловутый Пригородный район. Действовали агитаторы в пределах Осетии хитро и умело. Затемняли умы людей, взращивали ненависть ингушей к казакам и осетинам, завозили оружие. Начались сходы ингушей уже и в пределах Осетии. Шумели собрания и митинги в Тарском, в Октябрьском, во Владикавказе. Принимались решения, направлялись правительству Осетии требования. Но применять силу пока что ингуши не решались. Советская власть еще пугала своей мощью.

*

Осенью вдруг исчезла косуля Саша. Было еще совсем тепло, когда она пропала. Особенно сокрушалась о ее пропаже Хадизат, да и Марина тоже была опечалена. Хадизат разводила руками.

– И что ей не хватало? Неужели в лес ушла?

Дмитрий, отец Марины, посмеивался в усы. Он знал, почему исчезла Саша. Время ее пришло, у косуль наступил гон.

– Вернется ваша Саша, никуда она не денется. Не переживайте. Ей нужно было уйти, вот она и ушла.

– Точно вернется? – спрашивала Марина.

– Думаю, что вернется.

Саши не было с месяц. Уже по утрам прихватывало траву сединой изморози, но днем было еще жарко. Однажды рано утром, выйдя во двор, Дмитрий увидел Сашу, выходящую из коровьего хлева. Она подошла к Дмитрию и ткнулась носом в его руки. Он засмеялся и погладил Сашу. Пошел в дом, толкнул спящую Марину.

– Чего ты, пап? Я все вчера вроде бы сделала.

– Ид во двор, там тебя Саша ждет. Вкусенького прихвати ей, хлеба, что ли.

Марину как ветром сдуло с кровати. Заскочив на кухню, она взяла хлеба и помчалась во двор. Саша стояла возле крыльца. Увидев Марину, потянулась к ней мордочкой. Та обхватила ее за шею, нацеловывая ее в мордочку, приговаривая что то, разломала хлеб и дала Саше. Косуля сразу начала есть свое любимое лакомство. Через забор заглянула Зара.

– Тетя Зара, будите скорее Хадизат. Смотрите, кто пришел!

Хадизат уже бежала без побудки, Саша тоже повернулась к ней.

– Вернулась! Вот же бродяга! Ты где была? Я уж думала, что ты не придешь!

Обе девушки были рады до слез. Они все утро тормозили косулю, гладили ее. Та отвечала на их ласки коротким беканьем и поедала все, что ей давали. Вера смотрела на них, не сдерживая улыбки.

– Вы теперь осторожнее с ней. Она весной вам козленочка принесет. Сахару много не давайте.

– С чего ты взяла про козленочка? – спросила мать Марина.

– Затем и уходила, за козленочком. И теперь каждый год будет уходить в это время.

– Вот здорово! – воскликнула Хадизат, – Будем косулек разводить!

– Пусть разводятся, – смеялась подошедшая Зара, тоже гладившая по хребту Сашу, – прокормим. Много не съедят.

Саша не отходила от Хадизат и Марины целый день. Если девушки заходили в дом, то она стояла на крыльце, ожидая их. Уходящий на работу Ахсар тоже обрадовался косуле.

– Надо же, вернулась. Не забывает друзей своих. Нагулялась? – и он легонько щелкнул Сашу по носу. Та фыркнула и слегка боднула Ахсара.

– Нельзя старших бодать, – смеялся Ахсар.

Подошел Дмитрий, перебросились новостями. Заговорили о сыновьях.

– Как там они? Все ли хорошо у них? – вздохнул Дмитрий.

– Думаю, что все хорошо. Было бы плохо, уже бы сообщили.

– Война дурная вещь. Может отметить кого угодно.

– Хадизат уверена, что они вернуться. А раз она уверена, то так и будет. Сердце у нее все чувствует.

– Дай Бог, чтобы так и было.

Мужчины разошлись, у каждого было полно работы в хозяйстве и в совхозе. Весь день в обеих семьях прошел в заботах, как всегда, и все помнили, что вернулась Саша. От этого даже настроение у них поднималось.

Солнце медленно закатывалось за вершину горы, обливая ярким золотом начавшие желтеть леса, вспыхивая в стеклах домов, на верхушках крыш и деревьях в саду. Солнце как бы дарило людям краски и оттенки своего золота. А людям все чего то не хватает. То они воют, то что то делят. И совсем забывают о том, что на свете есть такая красота, как красота заката или восхода.

Утром, как всегда, с началом учебного года, Хадизат и Марина шли к остановке автобуса. Саша провожала их. Шла рядом с Хадизат, иногда касалась ее руки или бока своей головой. Собаки в селе давно привыкли к косуле и не лаяли на нее. Идти было рядом, минут десять.

Девушки садились в автобус, а Саша шла домой. У Марины была идея свозить Сашу в город, но Хадизат воспротивилась этому.

– Она этого города никогда не видела, испугается и убежит. Ищи потом ее. А ей волноваться нельзя сейчас, она мамой готовится стать.

– Все то ты знаешь, – подначивала в ответ ее Марина, – а в лесу у нее что, жизнь спокойней была бы? Там и волки, и охотники. Они, дикие, вон как жмутся к жилью зимой, не сладко им.

– Вот и пусть жмутся. А нашей косулке в городе нечего делать. Мое мнение такое.

Учились девушки легко. Хадизат с удовольствием впитывала в себя то, что давали преподаватели. Многое она уже знала, постигнув интуитивно при написании своих произведений. Новое же и незнакомое оседало и закреплялось в ее уме прочно. Многие преподаватели были знакомы с ее книгами, особенно активно обсуждали они ее последнюю повесть о парне, попавшем в Афганистан. Как то пожилая преподавательница словесности Лидия Савельевна встретив Хадизат в коридоре, обратилась к ней.

– Хадизат, у тебя есть время?

– Да, есть, все пары на сегодня у меня закончились.

– Пойдем ко мне в преподавательскую, давно с тобой хочу поговорить.

Они прошли в преподавательскую. Она была почти пустой, только у окна сидела молодая преподавательница русского языка, Евгения Лазаревна Сакоева, светловолосая, с зелеными глазами осетинка. Такие лица у осетин, особенно у женщин, нечасто, но попадаются. Это всплывают древние гены сарматов и алан, которые являясь предками осетин, были светловолосыми и светлоглазыми.

– Садись, пожалуйста! – Лидия Савельевна подвинула Хадизат стул.

Хадизат села. Села и Лидия Савельевна. Выдвинула ящик стола, она вытащила книгу. Это была последняя книга Хадизат.

– Это ты написала?

– Да, я. Это мое самое последнее.

– Я когда читала книгу, мне ее брат дал, то во многих местах ревела как девчонка сентиментальная в шестнадцать лет. Я проглотила твою книгу три раза, подряд. Я читала ее четыре ночи. Ты ее долго писала?

– Две недели. Она у меня сама написалась.

– Умница! Женя, – обратилась она к Сакоевой, – не хотела бы ты сделать чай? А в награду я тебе кое с чем и кое с кем познакомлю.

– Сейчас сделаю. И принесу, – сказала Сакоева.

Лидия Савельевна снова повернулась к Хадизат.

– У тебя явный талант, милая, и ты выбрала правильный путь, поступив в наш институт.

– Спасибо, – зарделась Хадизат.

– Ты писала еще что-нибудь?

– Да, у меня изданы книги рассказов.

– Не могла бы ты дать мне почитать их. Много их у тебя?

– Три книги.

– Ого! Вы посмотрите на нее. А она как мышка, сидит и молчит. Да тебя уже писательницей смело называть можно.

– Прямо уж, скажите тоже... – Хадизат опустила от смущения голову, потом, оправившись, подняла ее, – я завтра принесу вам книги.

– Они такие же интересные, как и эта?

– Не знаю, вам судить. Но все, что написано, это из жизни. Я знала людей, которые стали героями моих рассказов.

– Поэтому твоё написанное и читается так. И поэтому так интересно, потому что взято из жизни.

Сакоева принесла заварник с заваренным чаем, вскипевший электрический чайник. Поставила все и достала из буфета вазочку с конфетами.

– Садись, Женя! Ты знакома с нашей студенткой?

– Где то видела в одной из аудиторий, год только начался, не успела еще запомнить первокурсников.

– Это Хадизат Калоева, ты угадала, первокурсница.

– Хадизат Калоева? Господи, мне про какую то Хадизат Калоеву младшая сестра все уши прожужжала. Ты пишешь что либо?

– Не что либо, а пишет прекрасные вещи. Смотри, вот ее книга. Я пожилая уже, а читая эту книгу, ревела, как девочка. На, почитай.

– Спасибо, прочту!

Женя взяла книгу.

– Я вот только чего не пойму, Хадизат, как разрешили напечатать эту книгу? Как ее цензура пропустила?

– Меня просили кое что убрать. Но я не согласилась. Тогда один человек помог напечатать ее так, как она была написана.

– Что просили убрать, я догадываюсь. А кто этот человек, который помог?

– Я не могу без его разрешения назвать его имя.

– И не нужно, милая. И никому не говори о его помощи тоже.

– Хорошо.

Попили чаю, поговорили еще. Хадизат засобиравалась.

– Я пойду. Мы на автобусе приезжаем на занятия с сестренкой. Она в сельскохозяйственный поступила. Мы живем в Предгорном. Сейчас она меня уже ждет.

– У тебя сестра есть?

– Да, это моя соседка, она русская, казачка. Мы выросли вместе. И считаем себя сестрами. Дружили еще наши деды, родители дружат, а мы уже родственники.

Преподавательницы рассмеялись.

– Молодцы. А парень у тебя есть?

Хадизат смотрела просто и открыто, он не чувствовала никакого стеснения от вопроса.

– Есть... жених... Он брат моей сестрички.

– И где он сейчас?

– Там, – Хадизат показала на книгу, – в Афганистане. Эта повесть написалась потому, что это я все написанное пережила и прочувствовала. И поэтому так быстро написала.

– Господи, хоть мы и партийные, но помощи Всевышний вам. Вот почему я ревела над этой книгой, потому что писатель выложил ее не с головы, а с души.

– Спасибо за хорошие слова. Я пойду. До свидания.

– До свидания, Хадизат, – Лидия Васильевна встала и обняла ее, то же самое сделала и Женя.

На стоянке автобуса Марина уже ждала подругу.

– Ты куда пропала?

– Немного задержали, в преподавательской была.

– Там, наверное, Саша извелась уже, нас ожидаючи.

Подождал автобус. Людей было много, в основном студенты техникумов и институтов. По пути следования в Предгорное автобус проходил три населенных пункта. Когда их проехали, людей осталось немного, все вышли. Выйдя из автобуса, подружки увидели сцену, над которой от души расхохотались. Саша и маленькая собачонка стояли друг против друга. Собачонка

облизывала Саше мордочку, это ей нравилось и у нее было умильно-довольный вид. Увидев девушек, Саша подбежала к ним.

– Никак подругу завела? – спросила ее Марина.

– Правильно делает. Чем гоняться друг за другом, лучше пооблизывать друг друга.

Собачонка постояла, посмотрела, что косуля больше не обращает на нее внимания, повернулась и побежала вдоль улицы.

Дома их ждала приятная весть: пришли письма от братьев. Письма было три, на одном получателем стояла Калоева Хадизат. Это письмо родители не открывали. Хадизат схватила письмо от Дениса и сразу же села читать его. Денис писал, что служба идет нормально, особых новостей нет. Что скучает за Хадизат, очень хотел бы увидеться, но придется ждать. В письмо был вложен небольшой беленький высохший цветок. Сквозь строки Хадизат почувствовала, что не все так гладко у Дениса, но пока действительно все в порядке. Денис не написал ей, что его повысили в звании и что он стал командиром отделения. Об этом он написал родителям. Пришла Марина.

– Что пишет?

– Ничего. Все хорошо, служба идет. Вот и все.

– Не написал даже, что он стал младшим сержантом и командиром какого то отделения?

– Нет, не написал.

– Вот же Деня, придет с армии, отлупим. Нам написал.

– Ты же знаешь его, он не любит хвастаться.

– Какое же это хвастовство?

– Ну не любит он выпячиваться.

– Вы с ним точно два сапога пара.

Подошла Саша, ткнула мордочкой в руки Хадизат, посмотрела на нее своим фиолетовым глазом. Хадизат принялась почесывать у нее под подбородком. Косуля от удовольствия даже глаза закрыла.

На другой день Хадизат почувствовала какое то другое отношение к себе студентов и преподавателей. Евгения Сакоева встретила ее у входа в аудиторию, обняла и поцеловала.

– Спасибо тебе. За одну ночь я твою книгу проглотила. А нарevelась так уж нарevelась.

– Ой, мне прямо неудобно. Но вы хороший человек, если чувствуете сердцем написанное.

– Не знаю, чем я чувствовала и чувствую, но книга твоя замечательная. У тебя еще есть что либо написанное тобой?

– Три книги, в основном рассказы. Вот они, я их обещала принести Лидии Савельевне.

– Давай их мне. Я отдам Лидии Савельевне. Мы с ней договоримся. Не будет же она читать все три книги сразу. Две ей отдам, одну я прочту, потом поменяемся.

Хадизат отдала завернутые в плотную бумагу три книги ее рассказов. В аудитории Тина Мельникова, девушка, сидевшая за одним столом с Хадизат, спросила.

– Слушай, у меня дома есть две книги, автор которых Хадизат Калоева. Уж не ты ли это, случайно?

– Я.

– Что, всерьез?

– Да, всерьез. Какие у тебя книги?

– Две книги замечательных рассказов.

– Третья книга рассказов еще есть, есть повесть, это самое последнее. Сейчас такая книга у Лидии Савельевны. Попроси, она хороший человек, даст почитать.

Тина тотчас же сорвалась с места и побежала к преподавательской. Минут через десять она вернулась с книгой. И пошел по факультету слух, что учится со всеми девушка, у которой написано несколько книг. Студенты и преподаватели немного поудивлялись, но не доставали Хадизат излишними расспросами. Кое кто попытался завязать с Хадизат отношения потеснее,

но она была равна ко всем, никому не отдавая предпочтения. «Я думаю, что друзья у меня появятся и среди сокурсников, – думала она, – но пока душа моя не открылась ни перед кем. Значит, еще рано». Обычно под выходные студенты старались устроить вечер, танцы. На такие мероприятия Хадизат приходила с Мариной, а иногда ходила в институт, где училась Марина. На вечерах им нравилось, Марина обычно много танцевала, смеялась шуткам. Хадизат же танцевала обычно мало, предпочитала быть незаметной, больше сидела или стояла в задних рядах. После вечеров расходились поздно все, а Хадизат с Мариной спешили уйти пораньше, чтобы не опоздать на автобус.

Наступила глубокая осень. Лес на горах отливается багрянцем, а на вершинах гор уже облетели листья. Дни стояли сухие, теплые. Днем можно было еще погреться в лучах солнца. Вот и ноябрьские праздники пришли.

– Марина, в горы на праздник пойдём? Помнишь, собирались? – как то спросила подругу Хадизат.

– Ой, не знаю, что и сказать. Там сейчас холодно, морозы. Может и снег лежит. Потом, Саша увяжется. А ей нельзя сильно нагружаться. У нее уже бока округляются.

– Если бы она жила в лесу, то ничего бы с ней не было. Бегала бы и это было бы ей не в тягость.

– Ладно, я подумаю. А ты хочешь идти туда?

– Я хочу! Там мне все Дениса напоминает, там, мне кажется, даже Денисом пахнет. Там часть его души живет, он очень любит это место.

– Если так, то собираемся. Пойдем. И Сашу возьмем. Может она снова со своими сородичами пообщается.

– С родителями поговорим давай. Еще и они могут не пустить. Сколько дней выпадает отдыхать на праздники?

– Считаю неделю. Шесть дней.

– Хорошо, завтра начинаем готовиться. Пойдем дня на три-четыре. Мамам тоже нужно помочь.

– Договорились.

И девушки разошлись спать.

Родители неожиданно воспротивились походу девушек в горы. Ахсар что то обсудил с Дмитрием, сказал Хадизат.

– Не время сейчас одним вам в горы ходить. Непокойно вокруг. Вон на прошлой неделе опять убили человека на речке Саудон. Кто убил? Никто не знает. Милиция ищет. Позавчера лесник видел на Светлой на левом притоке (будка находилась на правом притоке Светлой) группу вооруженных людей. И опять никто не знает, кто они и чего шатаются с оружием. Де не просто с оружием, а с автоматами. Мирное время, где они автоматы взяли? Нельзя такое оружие иметь. Увидели лесника и быстро ушли к перевалам. Я против вашего похода.

Хадизат с Мариной долго обсуждали как им быть.

– Знаешь, Хадя, родители правы. Что то непонятное и беспокойное творится сейчас у нас. Говорят, что ингуши хотят силой отобрать наш Пригородный район, готовятся к этому.

– Ладно, не пойдём. На денек сходим в сторону того места, где был поселок лесорубов. Возьмем с собой еще кого-нибудь. Костер пожжем, картошки запечем, водички из Светлой попьём, там такая водичка вкусная! Прямо сладкая. Особенно из родников. Сашу возьмем. А насчет ингушей, как мне кажется, много наговаривают. Чего нам с ингушами делить? Люди как люди. Хотя... я душой чувствую какие то нехорошие события могут быть.

На этом и порешили. Начались выходные. Исаевы добрали в огороде остатки картошки, мелкой, для корма свиней. Сгребли сухие будылья картошки, помидор, тыкв, сожгли их. У многих горели эти осенние костры в садах и огородах. Осень заканчивалась, люди приводили в порядок землю. Марина любила это время. По селу пахло дымом сожженного бурьяна, дни

стояли теплые, тихие, светлые. У двора Калоевых, на задах, примыкающих к саду, пылал раскидистый клен. Он так разукрасился, что люди с другого конца села приходили на него полюбоваться. У Хадизат во всех тетрадах и книгах в виде закладок были багряные кленовые листья. В комнате у нее, на столе с фотографией Дениса, стояли в литровой банке с водой веточки клена.

Накануне праздника зазвонил телефон. Трубку взяла Хадизат. Звонила Айшат, ингушка из Тимурюрта, сестра Башира. Она частенько звонила и раньше, спрашивала, есть ли какие новости от Батрадза и Дениса. В этот раз Хадизат почувствовала, что Айшат сильно взволнована.

– Хадизат, Башир ранен. Лежит в госпитале в Душанбе. Родители наши очень волнуются. Хотят лететь к нему. У вас все спокойно?

– Мы получаем письма, пишут, что все хорошо. Сильно пострадал Башир?

– Левую ногу прострелили. Вот сейчас мама тебе расскажет.

– Здравствуй, Хадизат. Твои родители дома?

– Да, дома.

– Позови маму, будь добра.

Мама Айшат плакала, были слышны всхлипывания в трубке.

– Сейчас позову.

Зара подошла и взяла трубку. Слушала говорившую охая и восклицая!

– Представляешь, из военкомата ничего не сообщили, значит не знали. А вчера мы письмо получили. Какое горе!

– Да не приведи господь, врагу не пожелаешь. Как же это случилось?

– Пишет, что ехали на машине, а ездили за почтой, их в одном из селений обстреляли. Никто не пострадал, а Башир получил пулю в ногу. В бедро. Кость задета. Вы может приедете? Мы с мужем не находим себе места.

– Сейчас скажу Ахсару и приедем.

Еще не стемнело, когда на машине Исаевых выехали в Тимурюрт, поехали и Вера с Дмитрием. Из девушек поехала Хадизат, места больше в машине не было. Марина сама затолкала ее в машину. Через город, потом в Тарское ущелье, через час приехали в Тимурюрт. Подъехали к дому, где жили родители Башира. У ворот приехавших встречали несколько человек. Среди них был и Руслан, подросший и возмужавший. Поприветствовали друг друга взрослые, потом поздоровались и молодежь. Зашли в дом. У мамы Башира в глазах стоял испуг, слезы текли почти непрерывно.

– Горе большое, но главное жив ваш сын. Так что не плачь, Хазира. Слезами здесь ничему не поможешь, – сказал Дмитрий. Вера же обняла Хазиру и успокаивала ее, как могла.

– Не плачь, – тихо говорила и Зара, – не нужно плакать. Жив ваш парень, жив, а это главное. Порадуемся вместе, что он жив.

– Я никаких бед не боюсь, но зачем все это? Зачем? – спрашивал Аслам(?), отец Башира.

– Никто не знает, зачем! – сказал Ахсар, – Ни нас, ни наших сыновей не спрашивали, загнали на эту непонятную войну. Что мы там забыли? У нас, в Предгорном, двоих в цинковых гробах привезли. Каково родителям?

Сидели долго. Родители Башира решили лететь в Душанбе.

– Может быть можно его сюда перевезти, в городе же отличный военный госпиталь. Так мы его перевезем.

– Если нужна будет помощь в чем то, вы скажите нам, не стесняйтесь, мы вам поможем, – сказал Ахсар.

– Самая большая ваша помощь на нужна сейчас и вы привезли ее. Мы вам очень благодарны, что вы разделили наше горе.

– Слава Богу, это пока не горе, – сказал Дмитрий, – это пока беда. А беду всегда можно как то исправить.

Хозяева пригласили всех к столу. Но все чувствовали себя не в своей тарелке, ели немного. Часов в девять приехавшие засобирались домой. К Хадизат подошла Айшат .

– У тебя есть что либо новое из написанного тобой?

– Есть, Айшат. Повесть. Это как раз о наших братьях и Афганистане.

– Как найти эту книгу?

– У меня осталось два экземпляра. Давай встретимся завтра в городе, я привезу один тебе.

Девушки договорились встретиться завтра у входа в парк в час дня. Гости и хозяева пошли к выходу. Вышли на улицу. На ветровом стекле машины, прижатый дворником, лежал клочок бумаги. На нем крупными печатными буквами было написано: «Осетинские собаки, убирайтесь отсюда! Иначе будет плохо!». Аслам, прочитав эту надпись, вспылал и потерял контроль над собой.

– Трусы! Кто смел обидеть моих гостей? – кричал он на всю улицу, – Если ты не трус и не свинья, покажись мне! Уроды!

Руслан стоял рядом, вид у него был как у побитого. Какой позор! Гости обидели!

– Ладно, Аслам и все вы! Вы наши друзья, а на такие надписи мы и внимания не обращаем. Есть люди, которые хотят нас поссорить. Пусть стараются, им это не удастся, – сказал Ахсар.

– Я все равно узнаю, кто это сделал. И клянусь, ему будет очень плохо, – с молодой горячностью воскликнул Руслан.

– Хадизат, не обращай внимания, это сделали ненормальные люди, попросту это сделали идиоты, – сказала Айшат и просительно погладила предплечье Хадизат.

– Не переживай, Айшат. Я не обратила на это никакого внимания. Завтра встретимся в городе.

Гости сели в машину и машина тронулась. Ехали домой под впечатлением записки.

– Крепко нас хотят поссорить с ингушами, – сказал Ахсар, – и чувствуется, что чувствуют эти люди свою силу.

– Не нужно это ни ингушам, ни нам. Но ко всему, даже самому плохому, нужно быть готовыми, – ответил Дмитрий.

Хадизат молчала. Он не испытывала к ингушам никакой неприязни.

В праздничный день Хадизат и Марина поехали в город. Хадизат прихватила с собой экземпляр последней повести. Айшат, с ее неразлучными подругами Замирой и Зархан, сестрой Руслана, ждали их у входа в парк. С ними был Руслан и высокий молодой парень. Поздоровались, познакомились с парнем. Его звали Беслан. Хадизат отдала книгу Айшат.

– Спасибо, Хадизат. А ты, Марина, так повзрослела с тех пор, как мы не виделись! Такая красавица стала! – сказала Айшат.

– Ну, ты уж меня прямо расхвалила, – покраснела Марина.

– Правда, правда! И ничего стесняться этого. Красота это женская сила! Кого угодно победит!

Девушки весело рассмеялись, парни улыбались.

– Жених уже есть, наверное? – не отставала Айшат.

– Нет никакого жениха.

– А у тебя, Хадизат?

Та серьезно и открыто обвела взглядом всех.

– Есть!

– Вот молодец! Кто же это счастливчик?

– Друг твоего брата, они вместе служат. И брат Марины.

– Ох ты! Помню Дениса хорошо! Ну и отхватила ты парня! Там таких больше нет?

– Для тебя найдем! – засмеялась Марина.

– Ее уже просватали! – ломающимся басом сказал Руслан.

– Ты посмотри, ее уже просватали, а она молчит, ты что же это?

– Не до этого сейчас, – вздохнула Айшат, – с Баширом все нужно решить. Родители уже сегодня вечером едут в Минводы, а оттуда вылетят в Душанбе.

– Ты потом позвони как и что. А если привезут Башира сюда, то мы его навестим и поговорим с ним.

– Хорошо, я позвоню.

Девушки и парни провели еще какое то время вместе, затем Хадизат и Марина поехали к себе в Предгорное.

Праздничные дни прошли в встречах с друзьями, в основном бывшими одноклассниками. Кто учился в институте и приехал к родителям, кто то оставался в селе, работая в совхозе. На третий день праздников решили сходить в лес, на Светлую, туда, куда ходили как то зимой на лыжах. Только сейчас снега еще не было, так что пришлось идти пешком. Дни стояли сухие, теплые, какие выпадают иногда в предгорьях Северного Кавказа в ноябре. Лес стоял в разноцветье осенних красок, маня своей таинственной волшебной красотой, получив ее от солнца и осени, эту красоту лес дарил всем желающим: людям, животным, диким зверям, водяным жителям. Могучие чинары желтели золотом, дикие яблони и груши окрасились розово-золотистым покровом листвы, клены превосходили все, они пылали, как огромные костры. Их было видно издалека. Набралось желающих пойти в лес двенадцать человек. Все собрались на околице, где кончалась последняя улица, ведущая к горам. Девушки шумно обнимались, слышались восклицания, раздавались поцелуи. Парней было всего четверо. Но они несли на плечах в рюкзаках самую тяжелую ношу: продукты. Все, что потяжелее девушки сразу же сбагрили им. Рюкзаки их стали тяжелыми. Это не понравилось Марине.

– Девчонки, разобрали у парней понемногу, они не донесут, тяжело.

– Ишь командирша какая, – засопротивлялась Нина, – а сама чего не берешь?

– Я тоже возьму, не беспокойтесь. Но и вправду, мы чересчур уж нагрузили парней.

– Правильно, – пискнула маленькая Саша Танеева, – мужчин нужно беречь!

– А мы их и бережем, – смеялись девушки. Взяли понемногу у парней и тем сразу стало легче. Среди толпы крутилась Саша, тыкаясь в руки мордочкой и принимая всякие вкусности, как положенное.

– Мама говорила сахару ей много нельзя, не давайте, – крикнула Марина.

– Нужно было раньше говорить, она у меня прямо из кармана весь сахар вытащила и слопала.

– А кто сказал, что нельзя ей сахар? Сладкое обеспечивает отличный рост любого организма.

– Значит можно, но много нельзя.

Шли с шутками, толкая друг друга, хохоча. Саша провалилась в болотце, образованное родником, чем вызвала еще больший смех. Шесть километров прошли даже не заметив как. Выбрали место под дикой грушей, на пригорке. Речка текла в десяти метрах. Начали носить дрова для костра. Вот и костер горит, разбрасывая искры. Кто то расселся вокруг костра, часть ушла в лес побродить. Марина с Хадизат легли на принесенную тонкую кошму, греясь в лучах теплого солнца. Марина даже задремала. Хадизат взяла литровую бутылку и пошла к роднику, бившему из под камней, набрала воды.

– Сколько пью воду из этого родника, не могу напиться! Медом пахнет и сладкая!

– Вода здесь прекрасная. Если пить здесь воду, триста лет можно прожить.

– Триста лет... Чего мелочиться, жить, так уж тысячу. А я так вообще никогда не умру, – крикнула Саша Танеева.

– Не умрешь? Тысячу лет будешь жить? Представляю, как ты состаришься и будешь страшнее вот этого корявого корня, – крикнул один из парней.

– На этот корень сам будь похож. А я все тысячу лет буду молодая, свежая и красивая. Вот так, завидуй!

– Ладно, буду завидовать. Потому что я столько точно уж не проживу. Но ты не бойся, я по хорошему буду завидовать, по светлому.

– Вот так! Попробовал бы по другому, узнал бы мою силу!

И Саша напрягла мускулы своих тоненьких ручонок.

– Смотрите, какая я!

Все покатались со смеху. На предплечьях рук, где обычно бывают у сильных людей мускулы, у Сашы не было даже намека на них. Хадизат давно так не смеялась.

– Ты, силачка, – хохотала Марина, – может ты вон то сухое дерево с корнем вырвешь?

– Конечно! Сейчас я и вырву! Ладно, пусть стоит, неохота мараться, – пицала своим тонким голосом Саша.

Между тем солнце перевалило за полдень, захотелось есть. Разгребли угли, насыпали в них картошки. Над углями приспособили казанок небольшой, бросили туда баранину, вода закипела быстро. Девушки под руководством Марины нарезали сыр, сало, разложили помидоры, огурцы. Саша Танеева вытащила из своего рюкзака бутылку араки.

– Вот дает! Маленькая, а знает, что в лес нести нужно! – смеялись все.

– Сегодня же праздник! Вот я и взяла. Может кто захочет.

Араку принес еще кое кто. Высокий парень с карими острыми глазами, Мурат Казиев, налил в имевшиеся четыре небольших стакана араку.

– Никого не заставляем. Только по желанию. Кто первый?

Девушки смотрели друг на друга, стеснялись. Как всегда самыми храбрыми оказываются самые маленькие. Взяла стакан с аракой Саша, за ней взяла еще одна девушка, Соня, армянка с сросшимися бровями, потом взяла Марина. Хадизат удивленно посмотрела на нее.

– Ты будешь пить араку?

– Выпью немного.

– Тогда и я.

Четвертый стакан взяла Хадизат.

– Без тоста нельзя, – сказал Мурат.

– Вот и скажи тост.

– С пустыми руками тосты не говорят.

Подошел Захар, сбитый, как дубок парень, посмотрел, понял – стаканов не хватает. Полез в свой рюкзак и вытащил стопку сложенных друг в друга деревянных стаканов. Подал Мурату.

– На всех хватит.

Мурат одобрительно кивнул головой и налил всем сидящим вокруг костра. Из казанка вкусно пахло вареным мясом.

– Мы все комсомольцы. В Бога кто верует? – спросил Мурат.

– Все веруем, – пропицала Саша, – одно другому не мешает.

– Ну, тогда следуем традиции. За Всевышнего, главный и первый тост!

Все подняли вверх стаканы, посмотрели на небо и выпили.

– Какая тут традиция, – сказал Захар, – девушки по традиции должны иметь отдельный стол. Нет, нет, я шучу. Адата не будем придерживаться здесь! – воскликнул он, увидев недоброжелательные взгляды девушек. – Да сейчас и старшие мало придерживаются его.

– Ладно, простим его, как вы считаете? – сказала Саша.

– Да, простим уж!

– А чего это ты его все прощаешь, ласковые слова ему говоришь? – уколола Сашу Таня. Та зарделась.

– Хочу и прощаю. Всех нужно прощать.

Обедали долго, всем нравилось сидеть у костра, разговаривать, спорить, обсуждать. Все время пребывания в лесу косуля Саша была возле людей. Иногда она уходила в лес, потом возвращалась. Ноздри ее были расширены, глаза блестели ярким блеском, но далеко она не уходила. Саша Танеева прикормила тезку пирожками с яблоками, они так понравились косуле Саше, что она их все и слопала. Саша Танеева смеялась от души, потчужа ее сладкими пирожками.

– Хадизат, вы с Мариной ей пирожки печете?

– Нет, а что, она пирожки ест?

– Мне мама наложила пирожков с яблоками с десятков, она их все умяла.

– Будем знать, – засмеялась Марина, – будем печь. Они с Хадизат недаром не разлей вода, та тоже пирожки готова есть день и ночь.

– Такими пирожками, какие печет твоя мама, я только бы и питалась. Помню маленькая была, так все канючила: «Тетя Вера, когда пирожки будем печь»?

После обеда разбрелись по окрестным склонам невысоких гор. Собирали красивые листья, просто гуляли. Из за речки слышался тонкий голосок Саши Танеевой, она чему то поучала Захара. Тот низким басом оправдывался, что то говорил, но слов разобрать отсюда было нельзя. Хадизат, Марина и Таня с увязавшейся за ними косулей шли по вершине склона, по тропе, пробитой дикими животными. Стояла та тишина, которая бывает только в лесу и только осенью. Не было даже ветерка, ветви деревьев не шевелились. Тишину нарушал только шорох листвы под ногами и голоса. Косуля Саша убежала вперед, иногда доносилось ее фырканье. Через некоторое время раздался шорох листьев под ногами косули и ее короткое беканье. Иза поворота тропы выскочила Саша, подбежала и ткнулась мордочкой в руки Марины. Она всегда так делала, если чего то пугалась. Марина погладила косулю.

– Не бойся. Чего ты испугалась.

Пошли дальше по тропинке. И вдруг услышали голоса. Тропинку пересекала другая тропинка, ведущая из неглубокого ущелья. По ней шли люди, разговаривая. Девушки зашли за куст и встали. Перекресток двух тропинок им был хорошо виден. На перекресток вышло четверо молодых мужчин, у двух из них за спиной висели автоматы, двое других были вооружены карабинами СКС. Поговорив о чем то, они повернули на тропинку, по которой шли девушки, и пошли по ней в том же направлении, к главному хребту кряжа. Говорили по-ингушки, Хадизат и Марина разбирали кое какие слова. Голоса затихали по мере удавления мужчин. Девушки переглянулись.

– Ничего себе, с автоматами! Где они их взяли? И зачем они им?

– Может на охоту пришли? – предположила Марина.

– На охоту с автоматами? Они кого убивать собрались, слонов, что ли? Так слоны здесь не водятся.

– Странно все это. Ингушских поселений здесь близко нет, значит пришли они из за перевалов, со стороны Ламурюрта или Башлама.

– Недаром папа говорил мне, – сказала Хадизат, – что в наших окрестностях стало неспокойно. Поэтому и не пустил на будку сходить. А сейчас я и сама убедилась, что он прав. И на будку не пошла бы. Что у этих на уме? Вряд ли хорошее.

– Да бросьте вы сами себя пугать! – воскликнула Марина, – Ну вышли по лесу побродить, может поохотиться.

– С автоматами? Ничего себе охота. Где они их взяли? За них лет пять тюрьмы можно получить, если милиция найдет.

– Пойдем назад, к костру.

Решили сократить путь и пошли между кустами по склону, где тоже были протоптаны тропки. На склоне горы, на ровной площадке, увидели валявшиеся остатки пищи, бумагу, бутылку из под водки, в мягкой земле были видны следы. Здесь явно находились люди.

– Смотрите, а ведь похоже, что за нами отсюда следили. Видите, все как на ладони. Вон остатки нашего костра, речка, бревно через речку, – сказала Таня.

– Кому мы нужны? Чего за нами следить? – удивилась Марина.

– Нехорошие это люди. Любой хороший человек подойдет к другому хоть в лесу, хоть в горах, спросит, как да что, предложит помощь. Эти же люди прятались. И видя нас, не подошли к нам. Значит в голове у них нехорошие мысли, – сказала Хадизат.

Подошли к костру. Рассказали всем о встрече. Парни пожали в недоумении плечами, у некоторых девушек округлились от испуга глаза. Пообсуждали встречу, выдвигая разные предположения. Потом махнули на происшедшее рукой. Солнце катилось к закату, поэтому стали собираться домой, чтобы не идти потом в темноте. Проверили, все ли взяли. Кажется все, ничего не забыли. Пошли цепочкой по старой дороге к селу. Когда вышли на опушку, где началось совхозное поле, остановились передохнуть. Начали пить прихваченную с собой воду из лесных криничек. И вдруг со стороны дальнего хребта донеслась приглушенная расстоянием автоматная очередь. Та-та-та-та-та! Та-та! Та-та-та! – пррпостучал автомат. Бом! Бом! Бом! – подпели ему резкие звуки стрелявшего карабина. Та-та-та! Та-та-та! Еще раз пропел автомат. Все переглянулись. Здесь недалеко было стрельбище пограничного училища, но оно находилось совсем в другой стороне. А это стреляли где то в стороне дальних перевалов. Странные дела происходили! Странные и непонятные!

Домой вернулись уже в сумерках. Хадизат, Марину и косулю встречал Ахсар. Вышли и Дмитрий с Верой. Видно было, что родители беспокоились.

– Как сходили, как погуляли? – спросила Вера девушек.

– Все хорошо. Все вернулись. Хотя кое что интересное мы видели.

– Не знаю, что вы видели интересного, а у нас в селе за день много интересного, нехорошего интересного.

– Что случилось? – тревожно спросили девушки в один голос.

– На озере убили Юру Тарасова и тяжело ранили Жорика Хугаева. Они поехали туда ловить рыбу. Стреляли в них из автоматов.

– Ничего себе! Юру Тарасова убили? Как же это может быть? Да он никогда никому плохого не делал! Кто же в них стрелял? – ахнула Марина.

У Хадизат резким огнем загорелись глаза. Она посмотрела на Марину.

– Это были они, убийцы! Мы видели их! – обратила взгляд она на родителей.

Марина начала, сбиваясь и перескакивая со слова на слово, рассказывать о лесной встрече и о слышанной стрельбе на дальних перевалах. Родители внимательно выслушали.

– Не можете некоторым соседям, опять за старое взялись, – резко сказал Дмитрий, – ведь могут навлечь большую беду. Пошел я за Росляковым, раздевайтесь, мойтесь, ужинайте пока.

Росляков был милиционером в Предгорном, обычно дел у него было немного. Но, видимо, кончились его дни относительного безделья. Дмитрий вернулся через полчаса с милиционером, когда девушки сидели у Калоевых и пили чай.

– Расскажите, – попросил милиционер, – где, когда и кого вы видели в лесу.

– Мы на Светлой были, – начала рассказывать Хадизат, – ходили побродить по лесу...

И она подробно рассказала о встрече и о месте наблюдения на площадке.

– Это они, – сказал Росляков, – по времени все сходится. Возможно, что вам повезло. Возможно они хотели обстрелять вас, но вас было много и они пошли к озеру. Вы уверены, что они говорили по-ингушски?

– Уверены. Мы немного язык ингушский знаем.

– Смогли бы вы узнать этих людей?

– Да, смогли бы. Особенно низкого, широкоплечего, он бросался в глаза.

– Я сейчас буду звонить в район, а завтра наверняка наедет много людей. Просьба к вам, девушки, рассказать завтра оперативной группе все, что мне рассказали.

– Хорошо, расскажем.

На другой день в селе было полно милиции. Оперативная группа, одетая в камуфляж, расположилась в сельсовете. С ними было три громадных овчарки. Девушек пригласили для беседы. Старший оперативник раскинул карту окрестностей, пригласил к карте девушек.

– Вот озеро. Вот здесь нашли убитого и раненого. Вот тропа от озера в сторону малого хребта. Вот тропа, по которой вы шли. Где вы видели этих людей?

– Вот здесь, – уверенно показала Марина на место скрещивания двух тропинок. Хадизат тоже уверенно подтвердила это.

– А где вы видели место, откуда они наблюдали за вами?

– Вот здесь, – сразу же указала Марина.

– А откуда слышались автоматные очереди?

– Они слышались издали, но я думаю, что стреляли вот здесь, – сказала Марина и показала на хребет, разделявший Светлую и Сунжу.

– Все ясно. Не теряем времени. Пошли. Дождей не было, следы и запахи должны быть в хорошем состоянии. Мы обязаны их найти.

Оперативники с собаками, вооруженные автоматами, погрузились в привезшую их машину, машина повезла их в лес, где вчера молодежь жгла костер.

К обеду следующего дня оперативники вернулись, ведя с собой троих мужчин в наручниках. В кузове машины лежал один убитый оперативниками мужчина. Тот самый, низкий и широкоплечий. У одного оперативника была перевязана голова. Снова позвали Марину и Хадизат. Показали им мужчин.

– Которые из этих были в лесу?

– Все трое. Я их хорошо запомнила, – сказала Хадизат.

– Я с уверенностью могу подтвердить это, – сказала Марина, – вот у этого с усами и бородкой был автомат, у этого тоже был автомат. У других двоих были карабины. Но четвертого, низкого, быстрого в движениях, широкоплечего, прямо квадратного, среди них нет.

– Его уже никогда среди них и не будет. Он дает уже отчет Богу, – сказал старший оперативник, – да вот только Ростислава едва не убил, сволочь. Настоящий бой устроили нам.

– Можно вопрос? – спросила Марина.

– Задавайте.

– Где вы их нашли?

– В будке взяли, на перевале.

– Ничего себе! – ахнула Хадизат.

– Что такое? – спросил оперативник.

– Мы на праздники хотели идти дня на три в будку. Родители не пустили.

– Ваше счастье. Благодарите ваших родителей. И еще вот что. На суде вы должны подтвердить то, что говорили нам.

– Хорошо.

Когда убийц вывели, родственники пострадавших кинулись к ним. Они бы растерзали их, если бы не милиция.

– Я вам все равно не прощу брата, – кричал Иван Тарасов, – я вас и в тюрьме достану. Ждите меня! Вы меня узнаете в минуту своей смерти.

– Будьте прокляты, будьте прокляты тысячу раз! Будьте прокляты на все времена! – кричали женщины, – Как только земля носит таких людей, такую мразь! Какие матери их родили?

Мужчины крепко сжимали кулаки и с ненависть смотрели на убийц. Под крики и угрозы убийц посадили в машину и повезли в город.

Крепко и тяжело работали люди, желавшие поспорить казаков и осетин с одной стороны и ингушей с другой стороны. И все больше они находили людей среди ингушей, готовых на любые действия ради призрачных идей. Начались раздаваться выстрелы с ингушской стороны, но пока редкие, их относили к бытовым преступлениям. Но казаки и осетины были уверены, что если власть не скажет своего твердого слова и не наведет порядок, то рано или поздно все выльется в большую беду. Так оно потом и случилось.

Известие об убийстве и ранении парней из Предгорного мгновенно разлетелось во все стороны. Люди не понимали, кому и зачем это нужно было. Арестованные убийцы в основном отмалчивались на допросах или несли такое, что не мог принять даже и малый ребенок. Слова сочувствия раздавались со все сторон: через газеты, радио, телевидение сочувствовали родителям пострадавших и жителям Предгорного осетины, кабардинцы, те же ингуши. Ахсару позвонили из Тимурюрта знакомые ингуши, расспросили, что и как было. Ахсар рассказал. Рассказал и о том, как уезжая из Тимурюрта, нашел бумажку на ветровом стекле с написанными угрозами. Ингуши по очереди говорили с Ахсаром, цокали языками, потом один из них сказал: «Помни Ахсар, ни я, ни мои друзья к этому не причастны. Мы считали тебя другом и считаем, и будем считать, что бы ни случилось. Люди, которые сеют рознь, не раз и к нам подъезжали, но мы от них держимся подальше. Арестованные убийцы не из нашего аула, один из Дадиярта, двое из Большого Аула, это аж у снежного хребта. Зачем они стреляли в невинных людей, мы даже предположить не можем. И нам стыдно за таких, мы чувствуем, как черное пятно ложится на всех ингушей. А мы не все одинаково думаем. Я хотя и был ребенком, но хорошо помню, как по приезду из Казахстана осетины пригоняли нам овец и молодых быков, отдавали нашим детям одежду, помогали нам в поле. Мы с тобой простые крестьяне, нам делить нечего».

Ахсар передал разговор с ингушами Дмитрию. Тот сидел, нахмурившись и опустив голову. Потом посмотрел Ахсару в глаза.

– Не знаю, Ахсар, как ты, но я не верю им. Они всегда клянутся в дружбе и не раз нанесли нам обидные и жестокие удары, пользуясь нашей верой. Я когда вспоминаю о том, что они сделали с нами безоружными в двадцатые годы, то у меня душа отказывается верить им. Хорошо, что вмешался тогда Сталин и прекратил их безобразия, хорошо, что нам подали руку осетины, иначе я бы не сидел перед тобой, меня просто не было. Так что давай, брат, достанем наши карабины, смажем их, набьем патронами обоймы. Пусть все лежит в укромном месте, но готовое. Наши друзья останутся нашими друзьями, если захотят и если не предадут. А для таких, как эти убийцы пусть лучше оружие будет наготове.

И хотя Ахсар хотел кое в чем возразить, он ничего не сказал. Только в знак согласия кивнул головой.

На похороны Юры Тарасова собралось огромное количество людей. Приехали родственники, друзья, просто знакомые Тарасовых и незнакомые, пораженные таким горем, из многих сел Осетии, из Кабарды, Ставропольского и Краснодарского краев, дигорские мусульмане клятвенно заверяли христиан, что они тоже осетины и что им нужно всем держаться вместе, вера не должна делать между ними различия. Все площади у сельсовета, у правления совхоза, у магазинов была занята машинами и конными повозками. Машины стояли вдоль улиц. Видя такой наплыв людей, Василий Рукавенко, который был уже официальным заместителем директора совхоза, с утра нашел распорядителя похорон.

– Я понимаю, что ты очень занят и что в такой день нельзя тебя беспокоить. Но ты найди время, зайди ко мне в правление совхоза, составим список всего, что нужно для людей и доставим к Тарасовым, нужно помочь. Все это будет от совхоза бесплатно.

– Спасибо, Василий. Но я не смогу оторваться. Я пришлю к тебе свою жену, она руководит приготовлением пищи для поминок, вы с ней и сделаете это. Хорошо?

– Хорошо, присылай.

Жена распорядителя похорон, Никитична, которую в селе звали женщиной-грозой, пришла быстро. Она никогда не делала различий между начальством и простыми людьми, говорила, твердо глядя в глаза, все то, что знала и думала о человеке. Как то одному партийному чинуше она сказала такое, что потом над ее словами и чиновником долго потешались всем селом, да и не только селом. Его прозвали «Крестником Никитичны». Она принесла готовый список, подала Василию. Василий позвонил на склад и на скотный двор. Продиктовал все необходимое и попросил доставить к Тарасовым.

– Все, Никитична, спасибо. Иди встречай доставленное. Если что еще нужно будет, то скажи. А то если сбросить такой груз на Тарасовых, им потом самим есть нечего будет, а похороны должны быть справлены как у людей.

– Спасибо. Но люди идут и едут не с пустыми руками. Даже быка молодого привели от Камболовых. Пирогов нанесли много. Но ты прав, на всех не хватит.

– Иди, если нужна помощь, я организую молодежь. Помогай тебе Бог.

– Молодежь сама организовалась, у меня полно помощниц.

И Никитична ушла, что то бормоча себе под нос.

Василий проехал на кладбище, проверил, правильно ли приготовлена могила, съездил в столярный цех, посмотрел сделанный временный крест. Поехал к бабушке в церковь. Отец Савелий, крупный смуглый мужчина лет пятидесяти встретил Васлия у входа в церковь. Поздоровались.

– Отец, что собираешься делать на похоронах?

– Отпою в церкви, как положено. Хотя прибежал парторг, просил этого не делать, мол, нагорит ему от партийного руководства. А родительница Юры, Дарья Тарасова, приходила и просила отпеть. А мне нужно уважить родителей, такое горе! Могилку я уже обошел, помолвился. Эх, люди! Не люди, а стадо неразумное! Чего делят? Этому парню еще жить да жить, а он свет белый покинул. Сколько дел оставил неперделанных! Тяжкий грех взяли на себя убийцы, ведь он еще не выполнил предназначенного ему Богом, не породил детей.

Бабушка пошел вовнутрь церкви, вытирая слезу со щеки и сокрушенно качая головой. Василий тоже почувствовал, как у него зарезало в глазах.

Похороны прошли, на похоронах было много сказано хороших слов о погибшем, высказаны соболезнования родственникам и родителям. Все сочувствующие в течении следующего дня разъехались.

После похорон Ахсар и Дмитрий решили сходить на будку. Предложил им это сделать милиционер Росляков.

– Я не пойду, – сказал он, – сейчас с этим происшествием дел много, начальства каждый день хоть отбавляй, а вы сходите. С меня начальство требует сведений, как да что там, а я ничего не знаю и сходить некогда. С директором я договорился, это вам зачтут как рабочие дни. Посмотрите, что и как. Оружие возьмите обязательно. Не охотничьи «пугачи», а настоящее.

Дмитрий и Ахсар переглянулись.

– Я прекрасно знаю, что оружие есть в каждом доме, где живет мужчина. Да и нельзя нам без него. Сходите, посмотрите, в каком состоянии лесная избушка, если нужно, то приберите там. Если встретите ингушей, а они там редко, но бывают, постарайтесь разойтись миром.

– Хорошо, завтра до рассвета мы выйдем, – сказал Дмитрий.

На другой день рано утром, еще не занималась заря, Ахсар и Дмитрий вышли из дома, неся за плечами рюкзаки с едой и карабины. Когда начало светать они были уже у опушки леса. Пошли не по руслу реки, а по хребту, так дорога спрямлялась и была ближе. Совсем развиднелось. Решили позавтракать. Разложили на полотенце сыр, хлеб. Налили по маленькому стаканчику араки, выпили, поели. Насытившись, пошли дальше. К будке подходили не снизу, со стороны речки, а сбоку, со стороны хребта, который в этом месте резко взмывал

вверх, к перевалу. После обеда были у будки. Вокруг были разбросаны дрова, обычно аккуратно сложенные. За лежащими бревнами валялись стреляные гильзы, здесь, видимо, лежали оперативники. Дверь и окно будки были в следах от пуль, в некоторых местах пули вырвали целые куски из бревен. Бой, как видимо, был не на шутку. Зашли в будку. Весь пол был усеян стреляными гильзами, на полу валялся рожок от автомата, пустой, без патронов. У окна была лужица засохшей крови. Все стены напротив окна и двери в выщербинах от пуль. Все разбросано, загажено. Ахсар покачал головой.

– Нужно, Дмитрий, убирать все. Здесь любили бывать наши сыновья, да и мы сами сюда наведывались, здесь были и наши дочери. Сам Бог велел нам не пустить их сюда последний раз. Ведь эти подонки могли сделать с ними все, что угодно.

– Давай, начинаем. Сперва давай забьем деревяшками эти следы от пуль, потом выметим все, потом вымоем. Окно давай забьем досками, все равно стекла нет, принесем и поставим следующий раз.

Принялись за работу. Работали до самого вечера, не обедая, избушку привели в порядок. Собрали стреляные гильзы у бревен, весь мусор отнесли в сторону и закопали. В ноябре темнеет рано. Сумерки накрыли будку сразу же после захода солнца. Разожгли костер, сели поужинать.

– Здесь до Тимурюрта недалеко, – сказал Ахсар, – я как то ходил. Примерно так же, как до Предгорного.

– Я тоже ходил и не раз. Мы же с тобой раза два вместе ходили, помнишь? Там главное перекаты на Камбилеевке пройти. В разлив их не пройти, слишком глубоко и вода быстрая,

– Да, помню. Как же не помнить.

Поужинали, потом долго сидели у костра, разговаривали. Ближе к полуночи затушили костер и пошли в будку. Заперли дверь изнутри большим деревянным брусом, пристроенным как засов, и легли спать.

Утром встали рано, как всегда вставали дома. Пошли умылись к криничке, сделали по несколько глотков сладковатой воды. Разожгли костер. Светать только начинало. Где то ниже по течению реки рявкал дикий козел, это так они метят свою территорию.

– И не спится ему, ишь разряввался!

– Жизнь заставляет. А то придет другой и займет его землю. Почему так устроено в жизни? Если взять землю, воду, леса, степи, то там всем места хватит. Нет, отнимают друг у друга, дерутся, а люди воюют.

– Чтобы не расслаблялся, – засмеялся Дмитрий.

– Наверное. А то жизнь раем покажется, а рай или ад Бог дает только после смерти.

– Скажи, Ахсар, что ты думаешь об этом убийстве? И Жорика Хугаева тяжело ранили. Хороший мальчик, он с нашими дочерьми в детский сад ходил, потом в школу. Правда, они с Юрой младше года на два наших девочек.

– Трудно сказать. Что то здесь не договорено, как мне кажется. Ингуши в один голос клянутся и божатся, что они не причастны к этому делу, в то же время стрелявшие все четверо ингуши. У меня такое чувство, что что-то бродит по ингушской и нашей земле черное, нехорошее, жаждет крови. Как будто чудовище какое то.

– Я тебе уже говорил, – сказал Дмитрий, наливая в кружки закипевший чай, – что я не очень верю ингушам. Есть такая старая осетинская пословица: «Когда говоришь с ингушом, не поворачивайся к нему спиной – вмиг кинжал всадит».

– Есть такая пословица, только она очень древняя. Как у ингушей обычай – «юноша еще не мужчина, если он не убил осетина». Но я тебе говорил, что не все ингуши одинаковы.

– Согласен, не все. Но если преступник ингуш, то родственники никогда его не выдадут никому.

– А у нас разве не так? Ни казаки, ни осетины не выдадут родственника, кто бы он ни был.

– Тоже так, да только не совсем. Если у нас кто то совершил черное дело, его могут не выдать, но из общины изгонят.

– Изгонят, если родственники и старики так решат.

– Все таки ингуши не такие как мы.

– Они и не должны быть такими. Мы с тобой и то разные, а уж два народа всегда отличаются.

– И все таки с ними нужно быть осторожными.

– Осторожными может быть, но подозревать всех в плохих намерениях я не согласен. Смотри, наши сыновья в Афганистане, с ними же сыновья ингушей из Тимурюрта. Башира ранили. Они там дружат, земляки. А мы что, должны здесь друг другу горло перегрызать? Нет, нужно находить всем людям общее. Не все время же враждовать!

– Я вот давно хотел спросить тебя, Ахсар, откуда между осетинами и ингушами вражда? С казаками ясно, земли по Сунже и Ассе рекам не делили, вот и дрались.

– Никто не знает. Я даже Андыра спрашивал. Он говорит, что его дед когда то говорил, что так всегда было. Где то есть начало этому, но где, я не знаю.

Завтракали. Ели сыр с хлебом, пили крепкий зеленый чай. Солнце взошло довольно высоко. Но было прохладно. Ветер дул с гор, на вершинах которых уже лежал снег. Решили еще поработать, довести все до ума и, пообедав, идти домой. Вырубили близко подступивший к будке мелкий кустарник, протопили печь, она не дымила, выбросили с чердака хлам в виде отживших свое осиных гнезд, почистили криничку, аккуратно сложили разбросанные дрова. Затянули окна, лишившиеся стекол, полиэтиленом. Оставили в избушке соль, завернутые в непромокаемый пакет спички, муку в железной банке, чтобы не добрались мыши, керосин для лампы под избушкой был, начатая десятилитровая канистра. В обед сварили взятый с собой кусок говядины, отдохнули и тронулись домой, закрыв избушку и привалив дверь бревном. Пошли снова по хребту и к вечеру с одной из вершин, там, где лес уже совсем облетел, увидели крыши Предгорного, вившиеся дымки над домами. По улицам и во дворах сновали люди, видевшиеся отсюда небольшими,двигающимися вертикальными палочками. Не заходя домой, зашли к Рослякову, он еще сидел в управлении совхоза в своем кабинете.

– Слава Богу, вернулись, живы и здоровы! – поднялся он навстречу и пожал обоим руки, – Как там да что?

– Все там нормально, но бой там был настоящий. Мы все выщербины заделали деревянными досточками, окно затянули полиэтиленом, вычистили, вымели и вымыли все.

Ахсар подробно рассказал о совместном с Дмитрием походе к будке.

– Никого не встречали?

– Нет, не видели ни людей, ни зверей.

– Черт его знает, что за времена начались! Там сейчас кабанов, как воробьев на хворосте. Сходить бы поохотиться, да вместо охоты можно и голову потерять.

– Немного позже, после Джеоргуыбы, по чернотропу ходим, – сказал Дмитрий.

– Сейчас и чернотропа не нужно, там столько яблок и груш диких опавших, да чинаровых орехов, что кабанов под каждым деревом можно найти. Ладно, соберемся как-нибудь, ходим.

Домой пришли уже затемно, Дмитрий увидел в глазах встречающих близких тревогу.

– Как там, хорошо? – спросила Марина.

– Хорошо. Только еще лучше, что вы не пошли.

– В январе, после сессии ходим.

– Пожалуй если и пойдете, то только со мной. Там же бой был, да еще какой. Мы вымели из будки гору стреляных гильз.

– Бой? Они что, по милиции стреляли? – ахнула Вера.

– Стреляли. Они же одного милиционера ранили слегка. А как рассказывает Росляков, после того, как одного из бандитов милиционеры застрелили, трое сдались. Все передняя часть

домика в пулевых выщербинах, стекла нет – разнесли вдребезги, двери тоже в метках, стены внутри напротив стекла и дверей тоже побиты пулями. Вот мы там все и приводили в порядок.

Домашние молчали, делали круглые глаза, ахали, удивлялись.

*

Владимир прилетел на Дальний Восток вместе с Заремой. Родители Владимира были против того, чтобы Зарема летела на Дальний Восток, но она твердо заявила: «Я буду там, где мой муж, я там обязана быть». Почти то же самое ей сказал и Ахмет. Владимир прямо гордился таким ее решением. В аэропорту их встретил Акимыч. После того, как он побывал на свадьбе Георгия в Предгорном, он сказал: «Придет время, с морями нужно будет завязывать. Сразу же переедим в Осетию, в Предгорное. Такого самогона, как арака, я нигде не пил и таких людей я нигде не видел». Зарему и Владимира Акимыч привез на квартиру, в которой жили когда то родители его жены. Отец жены погиб в морях, несчастный случай, мать после него прожила три года и тоже умерла. Трехкомнатная квартира пустовала.

– Живите здесь, здесь все есть. Капитана с его женой я тоже сюда привезу. Думаю, что не поссоритесь.

Заикнувшейся было об оплате Зареме сказал:

– Очень прошу тебя, милая девочка, никогда больше об этом не говорить. А то надо мной и дельфины будут смеяться, а уж акулы это точно.

Зарема покраснела, посмотрела на Владимира. Тот взял ее за руку и погладил по голове, как маленькую.

– Прости, Акимыч, откуда ей знать о морских традициях?

– Вот и порядок, – сказал Акимыч и пошел к двери. Потом повернулся.

– Сегодня отдохайте, дорога длинная, нелегкая, а завтра ждем вас к нам в гости. Телефон, Андреич, у тебя есть. Здесь тоже телефон есть, созвонимся.

Зарема знакомилась с дальневосточным городом, совершенно не похожим на Предгорное и близлежащий к нему город. Город Надежда был совсем молодым, еще строился. Автобусные маршруты были настроены, но улицы в некоторых местах были покрыты еще щебенкой, ждали, когда их покроют асфальтом. И асфальт укладывали, строили дороги, улицы, переулки. Частный сектор был в основном на окраинах и совсем был не похож на Предгорное и частный сектор в городе в Осетии. Дома были маленькие, невзрачные, похожие на временки. Зарема сравнивала их с домами в Предгорном, в Армавире и не понимала, почему такие дома нужно было строить. Спросила у Владимира.

– Знаешь, раньше сюда жить постоянно не приезжали. Приезжали пожить с десяток лет, заработать и уехать назад – на Запад. Поэтому и строили так – пожить временно и подешевле. Но сейчас многие закрепляются здесь, редко, но строят и хорошие дома. Я тебе покажу. Но все в основном стараются получить квартиру. Квартиры ведь со всеми удобствами – горячая и холодная вода, ванны.

– Но ведь все это можно сделать и в доме, даже у нас, в Предгорном, у многих сделано все в доме, да и у твоих родителей есть все удобства. Разве ж сравнишь дом с квартирой? В доме всегда лучше. И сад можно завести, и огород. А здесь фрукты растут?

– Все здесь растет, даже виноград, но никто здесь всерьез садоводством и виноградарством не занимался. Я как то в одной из деревень под Спасском увидел на лозе виноград. По виду он ничем не отличался от «дамских пальчиков», который у нас широко распространен. Подошел, поговорил с хозяйкой. Та сорвала кисть, помыла и дала мне. Отличный, вкусный виноград, с вкусом и запахом дикого винограда. Но никто всерьез здесь этим не занимался. А в Приморье хотя и своеобразный климат, но теплый. Летом только в июне и июле частые туманы, зато октябрь часто можно назвать еще летним месяцем. Приехавший заработать он

видит только возможность длинного рубля, а нужны люди, которые бы сделали этот край своим домом.

– А ты как считаешь, мы останемся здесь навсегда?

– Милая жenuшка моя, никто не знает своего будущего. А если честно сказать, то для меня и этот край, и этот город только место работы. А в отпуск я сразу уезжаю к родителям. И так живут здесь большинство. Вот когда у нас родятся дети, то может быть этот город и станет нашим домом. А как ты думаешь?

– Дома лучше, конечно, но с твоими словами я согласна. Мне все равно, где жить, лишь бы с тобой рядом.

– Спасибо, Зарема. Ты прекрасный человек и прекрасная жена.

– А почему ты раньше не женился? У вас в Арвамире такие красивые девушки!

Владимир внимательно посмотрел на нее, подумал.

– Видимо Бог так хотел, вел наши дороги друг к другу. Я вот сейчас и представить себе не могу, что рядом со мной могла бы быть другая. И всегда ждал такую, как ты. А вернее тебя. Вот и дождался. Так что очень хорошо, что раньше не женился! – засмеялся он.

– А если бы был женат и познакомился со мной, тогда что?

– Ушел бы от той. Даже не задумался бы. У меня есть знакомый, так вот, он был женат, было у них с женой двое детей, и на дне рождения своей жены увидел девушку. У них такая любовь завязалась, что они не смогли сделать ничего с собой. Он оказался настоящим мужчиной. Привел домой девушку, сели они за стол и спокойно все обсудили. И что ты думаешь? Сейчас у него и от второй жены двое детей. И с первой он не порвал. Женщины живут в разных квартирах, но все праздники, торжества они все вместе. Дошло это до парткома. Его вызывали, стыдили, грозили. Хорошо один человек в парткоме все понял. И спросил секретаря прямо в лоб: «А что было бы, если бы такое случилось у тебя?». Тот не нашелся что ответить. Оставили их в покое. Я тебя познакомлю с ними, они все замечательные люди. И я их не осуждаю. В жизни бывает все.

Зарема долго думала над его словами.

– Знаешь, Володя, их никто не вправе осуждать. Но...я так вряд ли смогла бы. Я бы не смогла бы делить тебя с кем то. Хотя...трудно сказать. Но этот мужчина настоящий мужчина. Так прийти и прямо рассказать все женщине, с которой имеешь двоих детей и прожил не один год, сможет не каждый.

– Не каждый. В основном скрывают, прячутся, хитрят. Но это не мужские поступки.

– А если такое у тебя случится, ты мне все честно скажешь?

– Я не просто уверен, я знаю, что такого не случится. Но если бы случилось, то сказал бы.

– Спасибо. Я знаю как тебя люблю? Ты даже не имеешь представления об этом! Мне постоянно хочется сделать тебе что то хорошее. Всегда. Вот ответь мне, я вкусно готовлю? – она немного лукаво посмотрела на мужа.

– Очень вкусно, мне нравится. Особенно я люблю твои фыдчин, осетинские беляши.

– Спасибо моей тете, она научила меня быть женщиной и хозяйкой. Так вот, я вкусно готовлю потому, что когда готовлю, думаю: это для Володи. И оно само вкусным получается.

Владимир расхохотался.

– И не смейся. Если я буду готовить без мысли о тебе, будет не вкусно.

– У тебя прямо философия целая.

– Мы ,женщины, чувствуем все тоньше, чем мужчины. Хотя мужчины и умнее нас. Ты прав, это *женская* философия. Иногда ее вам, мужчинам, понять трудно.

Владимир обнял жену и поцеловал ее в щеки.

– Спасибо, милая Заремочка. Кстати, а как по-осетински ласково сказать Зарема?

– Нет такого слова. Зарема и Зарема.

– Значит смешаем русский и осетинский, будешь ты у нас Заремочка, Заремуля, Заремулечка. Нравится?

– Очень нравится.

– А теперь подтверди свою теорию практикой.

– Не совсем поняла тебя.

– Вот недогадливая. Твоих фыдчинов хочу.

– Ой, действительно недогадливая. Сейчас ставлю тесто и напеку.

– Помощь моя нужна?

– Какой с мужчины помощник на кухне? Там мое царство.

Зарема встала и своей плавной, легкой походкой пошла на кухню. Владимир посмотрел ей вслед и его охватило такое чувство любви и нежности к жене, что даже в глазах зарезало. «Господи, – подумал он, – как же мне отблагодарить тебя за такое сокровище, которое ты мне дал?».

– Вернись, пожалуйста! – попросил он.

Зарема подошла к нему. Владимир взял ее за обе щеки и нежно поцеловал в губы. Зарема задохнулась от счастья.

– Еще хочу.

Он ее обнял и посадил рядом. Время пропало для них. Они чувствовали только, как их сердца бились вместе, рядом и находили губы друг друга снова и снова.

В механико-судовой службе (МСС) Базы возвращению Владимира из отпуска обрадовались. Людей, как всегда, не хватало. С начальником МСС Владимир долго говорил. Тот предлагал ему немедленно уйти в море.

– Простите меня, Михаил Захарович, я не смогу пойти в море.

– Почему? Мы так ждали тебя! Что то случилось?

– Случилось, я два месяца назад женился и... и жена уже в положении. Приехала со мной, не захотела оставаться у родителей. Я и так последние пять лет с морей не вылезал. Прошу дать мне побыть на берегу с годик.

Пожилой начальник встал и через стол пожал Владимиру руку.

– С женьбой поздравляю. От души.

Потом сел. Задумался.

– Такой вопрос я сразу не решу. Ты иди пока, приходи во вторник, на следующей неделе.

А жена у тебя кто по специальности?

– Бухгалтер.

– О. Эти люди Базе всегда нужны. Скажу своей, что бухгалтер на горизонте появился.

Жена начальника МСС была главным бухгалтером Базы.

– Только я сперва спрошу свою жену, пойдет ли она работать.

– Спроси. Но чего ей сидеть в четырех стенах одной? Молодая ведь. С ума сойдет.

– Я поговорю. Езжай в отдел кадров, встань в резерв, я позвоню туда. А во вторник часам к десяти приходи.

– Хорошо.

На этом и расстались.

Зарема мысль о работе приняла с восторгом.

– Володя, замечательно! Чего я буду сидеть? Какой то рубль и я заработаю.

– Я обеспечу нас деньгами, можешь не работать.

– Нет, пойду. Завтра сама съезжу к вам в бухгалтерию.

– Подожди до вторника.

– Не бойся, дома я все буду успевать делать. Скоро и Циала приедет, поможет.

– Я понимаю тебя, дома я и сам помогу, если что. Сидеть не работая – это ж можно умереть от безделья.

– Я о том же. И не привыкла я ничего не делать.

Решили вместе, что Зарема пойдет работать. Владимир сказал Зареме, что хочет остаться на берегу до того времени, когда ребенок родится и подрастет немного. Тогда ей будет легче и он сможет пойти в моря. Сказал, что начальство должно принять решение во вторник и что во вторник он получит известие и о ее работе.

Во вторник Владимир пришел в МСС, как и было договорено, к десяти часам. Начальник МСС сидел у себя.

– А, пришел! Ну, садись.

Владимир сел.

– Кое что я сделал для тебя. Так и быть, посиди на берегу, понаслаждайся семейным счастьем с молодой женой. Значит так. Я предлагаю тебе подменный экипаж. База технического обслуживания флота просит заменить старшего механика в восьмом подменном экипаже. Там старший механик уже на пенсии, но работает, а сейчас из за частых болезней просит сменить его, будет отдыхать. С начальником БТОФ я говорил о тебе, ты с ним работал, он о тебе хорошего мнения. Так что можешь прямо отсюда идти на собеседование к нему.

– Спасибо, Михаил Захарович, спасибо огромное.

– Да, и скажи своей жене, чтобы она зашла в главному бухгалтеру базы, я поговорил с женой. Она побеседует с ней, с недельку подучит и даст ей группу судов для ведения бухгалтерских дел.

Владимир пошел к начальнику БТОФ. Тот принял его радушно, расспросил о жизни, делах, поставил на стол чай. Лет восемь назад Владимир, будучи третьим механиком, работал с этим человеком, он был старшим механиком, на одном судне.

– Я с удовольствием буду работать с тобой, Владимир. Но ставлю условие: проработаешь ты у нас не менее трех лет. Если прижмет с деньгами, подберем судно, сбегашь в рейс и снова к нам. Идет?

– Идет! Очень хорошо! Это все согласовывается с моим семейным положением сейчас. Спасибо огромное.

– Сходи в восьмой подменный экипаж, он сейчас обслуживает «Уранию», она на 32-м причале стоит, и поговори со стармехом, решите там сами, когда выходить тебе. Иди в кадры за направлением, я туда позвоню сейчас.

Попили чай и попрощались.

Владимир пошел на «Уранию». Поднялся на борт, нашел стармеха. Пошли к нему в каюту. Старший механик был уже в годах, за шестьдесят, но выглядел крепко. Достал из шкафчика над столом бутылку.

– Мне не наливайте, мне еще в кадры нужно идти.

– Хорошо.

Налил себе в стакан, выпил. Закусил вяленным кальмаром.

– Вот так, парень! Дожился я до того, что здоровье начало сдавать. Решил посидеть дома. Всю жизнь работал. У меня стажу рабочего около пятидесяти лет, если считать с училищем. И не представляю, как это я буду сидеть дома и ничего не делать. Но и трудно стало: то спина, то ноги, то руки. Все это чепуха, я не очень обращал внимание на это. Но вот заметил, что голова стала плохо работать, сдает. Посижу дома, потом закачусь в тайгу на недельки две, поживу в зимовье, поброжу, рябчиков постреляю, жень шеню попою. Должен поправиться ибо в душе чувствую еще большие силы.

– Конечно поправитесь, что такое шестьдесят лет? Это вторая молодость! – пошутил Владимир.

– Да, ты прав. Только вся моя молодость прошла в морях и океанах. Ладно, ближе к делу. Это судно я доведу до конца сам, чтобы тебе не влазить в эту грязь. Сдаем мы его основному экипажу в воскресенье, потом десять дней перерыва до другого судна. В курс дела я тебя введу завтра и послезавтра, познакомлю с людьми. Это судно сдам, а следующее ты выходи принимать уже сам.

– Хорошо. Завтра во сколько прийти?

– Приходи к девяти. Пока развод пройдет, пока туда, сюда, до девяти будет некогда.

– Хорошо.

Владимир попрощался и поехал в отдел кадров за направлением, оттуда поехал домой. Дома рассказал Зареме все. Та загорелась ехать к главному бухгалтеру. Владимир предложил ей поехать завтра вместе. Так и решили.

На другой день поехали вместе. В автобусе людей было немного, основной поток работающих уже схлынул. Доехали до управления базы. Пошли в бухгалтерию. Она находилась в том же здании, что и МСС. У входа в здание неожиданно столкнулись с выходящим Михаилом Захаровичем. Поздоровались.

– Михаил Захарович, это моя жена, Зарема.

– Ну, моряки! Сразу видно, что не простые люди! Ты где такую красулю нашел? Да по свету пройди, а таких не найдешь. Здравствуйте, За... Простите, не запомнил имя.

– Зарема. Я осетинка.

– Знаю осетин, приходилось встречаться с ними в жизни. Хорошие люди.

– Спасибо.

– А такие красавицы, Михаил Захарович, только на Кавказе у нас водятся. Да еще их не так просто и высватать. Пришлось украсть.

– Как украсть? Ты что, всерьез? – и к Зареме, – Это правда?

– Правда, – потупилась она, потом засмеялась, – украл меня, но по моему согласию.

– Приду в гости, тогда все расскажете. Пойдемте, я вас провожу к моей жене, это она главный бухгалтер.

Поднялись на второй этаж в бухгалтерию, зашли в кабинет главного бухгалтера. За столом сидела полная чернявая женщина лет сорока.

– Эльвира, это та девушка, о которой я тебе говорил. Ее зовут Зарема, она осетинка.

– Замечательно, что пришли. Нам люди очень нужны. Вчера в декретный отпуск ушла Лана Завьялова, а заменить некем. А я тоже нерусская, татарка.

– Да, – подтвердил Михаил Захарович, – уже больше двадцати лет нахожусь под татарским игом, – и увидев укоризненный взгляд жены, добавил, – Счастливым игом.

– Язык у тебя, как помело.

Все засмеялись.

– Вы где работали бухгалтером?

– В совхозе, я деревенская.

– У нас несколько другая специфика, но ничего страшного, освоитесь. Главное знать бухгалтерское дело. Вы что заканчивали?

– Техникум сельскохозяйственный по бухгалтерскому делу.

– О, так у вас еще и наше образование! У меня девчонки с курсов работают, а то и на месте обучаем! Завтра сможете выйти?

– Да смогу.

– Я вам обучу немного и посажу на группу Ланы.

– Хорошо. Только... только я хотела бы сказать, что через какое то время мне придется тоже в декрет уходить.

– С этим разберемся потом. Мне сейчас нужно закрыть дыру. Вы для меня просто находка. Приходите завтра к девяти.

– Хорошо.

Попрощались с Эльвирой Фаридовной, так звали главного бухгалтера, потом с Михаилом Захаровичем и пошли к выходу. Владимир посадил Зарему на автобус, она поехала домой, а сам пошел на судно, в подменный экипаж. Стармех ждал уже Владимира. Вместе просмотрели бумаги, специфику работы в подменном экипаже Владимир знал, когда то работал сменным механиком, правда, немного. Стармех подменного экипажа вводил в курс Владимира, рассказывал о том, как они работают. Потом сходили в береговую кладовку, прихватив второго механика. После этого пошли знакомиться с капитаном. Капитан, тоже уже пожилой, с седой шевелюрой. Стройный мужчина, был немного знаком Владимиру. Владимир даже имя его вспомнил – Роман Семенович. Когда то, еще четвертым механиком, Владимир работал на старом БМРТ, где Роман Семенович был капитаном.

– Роман Семенович, вот замена мне пришла. Мы с ним договорились, что это судно я сдам, а на следующее придет уже он. Все с ним обошли, посмотрели хозяйство, бумаги, я ввел его в курс дела – сказал стармех.

– Хорошо. Я помню вас немного, давно когда-то мы с вами работали. Вы, кажется, третьим механиком были тогда?

– Четвертым.

– Но помню вас, такой безусый мальчишка бегал по судну, все с двигателями ботов возился.

– Да, практика была хорошая. Судно было старое, запчастей ноль.

– Напомните ваше имя.

– Владимир Андреевич.

Хорошо. Приемка следующего судна, – он полистал бумаги и назвал дату, – ждем вас. Сбор всего экипажа в десять возле диспетчерской. Это у нас и правило, и традиция.

– Ясно, буду.

Старший механик собрал всю техническую службу в столовой команды за полчаса до обеда. Люди собрались.

– Значит так, – начал стармех со своей любимой фразы, – я покидаю подменный экипаж. Следующее судно придет принимать ваш новый старший механик Владимир Андреевич Калюжный. Знакомьтесь. Думаю, что кое кто его знает.

– Знаем, – раздался голоса, – работали вместе.

Стармех начал представлять механиков и начальников служб. Затем представил поименно всех из рядового состава – мотористов, электриков, рефрижераторных машинистов, слесарей. Знакомство закончилось. Люди начали расходиться.

– Ты работал с ним? – спросил один из мотористов другого, – Как он, нормальный дед?

– Во! – ответил ему другой и поднял большой палец руки, – Таких поискать. Но тебе пощады не будет.

– Это почему?

– Потому что за воротник заложить любишь.

– Черт его знает что, придумал. Сам пьет, а мне навешивает.

Владимир шел сзади и слышал разговор. Ему было приятно, что о нем так отзываются.

Подменные экипажи были созданы при базе технического обслуживания флота еще в семидесятых годах. Разросшийся флот и новые требования работы в море потребовали и изменений в работе Базы. БТОФ была настоящим судоремонтным заводом при базе со своей спецификой профилактического судоремонта. Судно приходило с рейса, подменный экипаж сменял основной, а БТОФ выполнял все работы по плану, предоставленному основным экипажем. Контроль и мелкий ремонт выполнялся подменным экипажем, что давало дополнительный заработок его членом. Профилактика длилась иногда долго, до полутора и даже двух месяцев, но были работы, которые заканчивались в течении двух недель. За время профилактики

производились все работы на судне, получалось снабжение, топливо, масло. Основной экипаж приходил, принимал готовое к рейсу судно и уводил судно в район промысла, где и работал. Работали суда Базы практически по всему Мировому океану.

Владимир не стал обедать на судне и поехал домой. Знал, что Зарема его ждет и пригостила, наверняка, что то свое, очень вкусное. Так оно и было. Зайдя в квартиру, он увидел Зарему в халате и фартучке, накрывающую стол. Сели обедать.

– Может ты хочешь выпить? – спросила Зарема.

– Нет, не хочу. Тебе нельзя, а я один не люблю пить. Пить ради того, чтобы пить я не умею. Выпить это ритуал и нужен круг друзей. Да и вообще я что то потерял интерес к спиртному в последнее время.

– Как знаешь. Я только приветствую такое твое поведение.

– Ты завтра поедешь на работу?

– Конечно, ты же слышал разговор, как же я могу не поехать.

– А мне отдыхать еще больше двух недель. Старший механик подменного экипажа сам сдаст это судно, только следующее буду принимать я.

– Когда следующее.

Владимир назвал дату.

– Бедненький, придется мне зарабатывать одной. Ладно, – лукаво посмотрела Зарема на мужа, – буду кормить тебя, муж все таки.

– Бессовестная!

– Нет, я хорошая.

– Я и не сомневаюсь в этом.

Владимир взял Зарему за руку и поцеловал ее. Та зарделась.

– Ты чего покраснела?

– Никогда и никто мне не целовал руку.

– Понравилось?

– Да.

– Значит я буду и впредь целовать тебе руки.

– Спасибо... Только я не привыкла к этому, у нас так не делают.

– У нас тоже. Но если это тебе нравится, то я буду делать.

Пообедав, решили сходить в кино. Собрались, когда зазвонил телефон. Звонил Акимыч.

– Привет, как у вас?

– Все замечательно. Как ты, как семья?

– И у нас все хорошо. Завтра еду в аэропорт. Командир со своей прилетает. Не хочешь со мной поехать?

– С удовольствием. А вот Зареме завтра на работу.

– Куда?

– На Базе у нас бухгалтером будет работать.

– Замечательно. Значит завтра часов в девять утра я за тобой заеду. Они московским прилетают, в обед.

– Хорошо, заезжай.

После разговора с боцманом Зарема и Владимир пошли в кино.

На другой день Зарема поехала на работу в бухгалтерию, уйдя из дому в девятом часу. Она уже знала, как доехать до управления Базы. А в девять подъехал Акимович и они с Владимиром поехали в аэропорт. В аэропорт они приехали за полчаса до прибытия самолета. Походили по залам аэропорта, перекусили в буфете. Объявили о прибытии рейса. Пошли к выходу, откуда обычно выходили прибывшие пассажиры. Подъехал один автобус, затем второй. Георгий с Циалой вышли из второго. Увидев Владимира и Акимовича, широко заулыбались. Вот и

встретились снова! Владимир вручил Циале большой букет георгин. Он предлагал это сделать Акимовичу, но тот замахал руками и отказался.

– Что ты, что ты! Это не по моей части. Если бы стакан поднести, это б я еще смог. А цветы...нет, не сумею!

Пожали друг другу руки, потом Владимир и Акимыч поцеловали Циалу в щеки.

– Как долетели? Все хорошо?

– Все нормально. Вечером из Домодедова вылетели, семь с половиной часов лету и вот мы здесь. В основном спали.

– Этот рейс удобный, я тоже люблю им летать.

– А Зарема почему не приехала? Или ей тяжело мотаться на машине? – спросила Циала.

– Нет, пока не тяжело. Она на работу сегодня пошла, первый день.

– На работу? Вот дает! Не успела приехать и обжиться, уже работает. И где она нашла работу?

– У нас на Базе, в бухгалтерии. Ее там приняли с распростертыми объятиями. Сказали, что подучат немного и потом она будет работать самостоятельно.

– Какая молодец! Впрочем, я не удивлена. Моя подруга без дела никогда не сидела, да и не умеет этого делать.

На транспортере забрали багаж из двух больших сумок и пошли к машине. Тронулись, поехали в сторону Надежды. Через два с небольшим часа выгрузились у дома, где жили Зарема и Владимир. Акимыч заторопился, сказал, что вечером с женой зайдут и уехал. Пришли в квартиру, Владимир показал комнату для Георгия и Циалы.

– Обосновывайтесь. Будем жить вместе. Надеюсь, не рассоримся.

– С чего нам ссориться? – удивился Георгий.

– Я шучу. Нам с тобой не привыкать – на судне, как в коммуналке. Лишь бы женщины наши ладили. Говорят, что две женщины на одной кухне это трудное дело.

– Не придумывай, Владимир. Мы с Заремой знаем друг друга с детства и я даже не помню, чтобы мы поссорились. Мы привыкли уступать друг другу. И мужьям тоже. Я же уступаю тебе во всем, правда, Георгий? – она приластилась к мужу.

– Конечно, конечно! Жена да убоится мужа! Так, кажется, в Библии?

– Неправильный перевод. – сказал Владимир, – я специально интересовался этим. Правильный перевод звучит так – жена да уважает мужа, муж да любит жену! Это какой то переводчик, видимо имевший плохие отношения с женой, все исковеркал.

– Это звучит красивее, – сказала Циала, – а бояться мужа...это же как жить с ним? В семье только уважение взаимное и любовь все скрепляют. А страх это энергия разрушающая.

– Ну ты прямо философ! – засмеялся Георгий и поцеловал жену.

– Ладно, вы здесь разговаривайте, а я пошла на кухню. Нужно обследовать женские владения. В чем не разберусь, в том Зарема поможет. Она во сколько придет?

– Не знаю, она первый день, поехала к девяти, хотя рабочий день с восьми. Но так ей сказала вчера главный бухгалтер.

Зарема приехала домой в половине шестого. Глаза ее сияли, лицо порозовело, она светила своей неяркой красотой. Обнялись с Циалой, долго не отпускали друг друга. Подошла, немного смущаясь, поздоровалась с Георгием. Тот чмокнул ее в щеку.

– Э-э-э! Так дело не пойдет! – шутливо вскинулась Циала, – Владимир, ты как смотришь на то, что другой мужчина целует твою жену?

– Ему можно, в щечку можно.

– А могу заревновать.

Циала обняла покрасневшую Зарему.

– Шучу, шучу!

– Я понимаю, что шутишь.

Женщины накрыли стол. Циала успела приготовить поужинать. Владимир принес из холодильника запотевшую бутылку коньяка.

– Выпьем немного, Георгий?

– Немного можно.

Георгий налил в небольшие фужеры коньяк, поднял голову вверх.

– За Всевышнего.

Мужчины выпили. Женщины прекрасно понимали, что им пить нельзя. Осетинки пьют араку, но беременные ее даже не нюхают.

– Что у тебя со службой? – спросил Георгий.

– Решил тормознуться на берегу. В службе помогли. Иду в подменный экипаж. По правилам БТОФ должен проработать там не менее трех лет.

– Здорово! Расскажи подробней!

Владимир рассказал, как он пробивал себе дорогу в подменный экипаж.

– Главная причина, что мне пошли навстречу это то, что я только что женился и жена моя в положении.

– Здорово ты все устроил! Нужно хорошо подумать и попробовать сделать то же самое. Если нужно будет, так я даже партком подключу. Нынешний секретарь парткома мне довольно хорошо знаком, я с ним два рейса на судне работал. Он был механиком технологического оборудования.

– Вот было бы здорово! – воскликнула Циала, – И малыш бы подрос немного.

– Владимир, у тебя не голова, а дом советов. Ты сделал умнейший ход. Да я тебя и понимаю, куда же бросать одну такую красавицу! – пошутил он и посмотрел на Зарему.

– Ты на меня смотри, а не на других! – тут же вступила в разговор Циала.

В это время раздался звук звонка входной двери. Пришел Акимыч с супругой и детьми. Сразу начала знакомиться с Циалой и Заремой. Обнялись, расцеловались. Лина заахала.

– Господи, какие красавицы! И где вы только нашли их? Я и не видела таких никогда!

– Лина, что вы! Вы тоже очень красивая женщина! – сказал Георгий.

Владимир тоже подтвердил.

– Да уж скажете! Как же вы своих оставите одних, а сами в море уйдете?

– Владимир уже решил вопрос: в подменном экипаже останется года на два-три. Я тоже попробую это сделать.

– Вот, бери пример, – повернулась Лина к мужу, – а то чуть что, стараешься в свои моря улизнуть. Дети забывают иногда, как папа выглядит.

– Подумаю, – коротко сказал Акимович.

Всех усадили за стол. Дети быстро поели и пошли заниматься своими делами. Георгий снова налил в фужеры, включая и Лину. Лина встала.

– Разрешите мне сказать несколько слов.

– Конечно, конечно, – закивали все.

– Я хочу выпить за ваших жен, за красавиц Зарему и Циалу. Пусть они вам будут хорошими женами и всегда останутся красавицами.

– Дай Бог, чтобы они были такими же женами, как вы, Лина.

Та махнула рукой – что, мол, я. Я как все.

Выпили, при этом Акимович умудрился заранее долить свой фужер. Он у него был непрозрачный и поэтому не было видно, сколько в нем. Маленькими дозами он пить не умел. Циала и Лана разговорились. Циала объяснила, что тоже учится на педагога, сперва специализировалась на начальных классах, а сейчас перешла на классе постарше. Рассказала про Иналу и Витю, про маленькую Люду. Лина слушала с большим интересом.

– Все возрасты ребят по своему интересны, – сказала она, – мне наиболее интересны младшие классы. Когда я беру первый класс и оканчиваю с ребятами четвертый, а делала я

это уже трижды, правда третий раз мы пока в третьем, то у меня чувство, что не я их учу, а они меня учат. Учат с самой неожиданной стороны – понимать по своему жизнь. Маленькие дети это же такая непосредственность, такое откровение, что я иногда думаю – зачем дети становятся взрослыми? Маленькими они лучше воспринимают жизнь, лучше видят ее краски, лучше понимают друг друга. Умели бы делать это взрослые, они бы не ссорились, не воровали, не воевали бы.

– Здорово! – хлопнула в ладоши Зарема, – здорово! Как вы прекрасно понимаете жизнь! Я просто восхищена вашей точкой зрения.

– Этому меня всему научили дети, особенно первоклашки.

– Вам книгу нужно написать, – сказала Циала, – А когда поедем к нам в Осетию, я обязательно вас познакомлю с Людой, Иналом и Витей. Я тоже таких не видела никогда. Именно они меня заставили уйти к ребятам постарше.

Пока все разговаривали, Акимович мигнул Георгию. Тот незаметно для всех налил ему в стакан для воды коньяка, полный стакан. По цвету коньяк почти не отличался от пепси колы, стоявшей на столе. Боцман с невинным видом опрокинул этот стакан. Мотнул головой и налег на мясо, макая его в чесночный соус, сделанный Циалой. Удивительное дело, он не пьянел от алкоголя, как все, только кончик носа у него белел и краснели немного уши, лицо же выглядело трезвым. Лина несколько раз подозрительно глянула на Акимовича, но он сидел, как ни в чем не бывало, разговаривал с Владимиром и Георгием. Видимо она знала, что значат побелевший нос и покрасневшие уши. Прибежали дети. Попросили маму напиток, Лина напоила их. Младшая, девочка, прижалась к бедрам Лины и у нее было такое счастливое лицо, что все заулыбались.

– Скоро и у вас будут такие же. Никогда не говорите им, что они вам надоели. Это очень ранит их.

– У меня сестра двоюродная приехала к нам в гости, у нее трое детей, – начала рассказывать Зарема, – как то они ее просто вывели из себя своими шалостями. Она взяла и сказала им, что если они будут шалить, то она их не будет любить. Вы бы видели мою тетю! Она даже побледнела. Потом отозвала мою сестру на кухню и позвала меня. «Запомните, – говорила она, – ваша любовь к детям должна быть всегда, шалят они или не шалят. Шалости пройдут, а твои глупые слова о том, что ты их не будешь любить, если они будут шалить, засядут в них навсегда. Это получится, что если они хорошо ведут себя, то ты их любишь, а если плохо, то ты их не любишь». Так моя сестра и краснела, и бледнела, но потом признала, что моя тетя права и попросила у нее прощение.

– Умнейший подход, – сказала Лина, – в нем море мудрости.

– У моей тети образования только школа.

– Образование, Циала, это только информация, которой можно напичкать и дурака. А народная мудрость складывается веками и тысячелетиями.

Акимович, видимо потеряв контроль, потянулся к бутылке с коньяком. И тут же натолкнулся на взгляд своей суженной.

– Что, мало тебе? У тебя нос уже побелел. Как ты успеваешь, что никто не видит?

Владимир с Георгием рассмеялись.

– Лина, у нас же флотская закалка, для нас спиртное это что то вроде компота, – сказал Георгий.

– Его способности я хорошо знаю. Правда, скажу откровенно, что даже очень пьяный он может сделать самое большее – это уйти спать.

– Во! – поднял указательный палец вверх Акимович, – Наконец признала мои способности. Прилюдно!

Георгий снова налил всем. Еще раз выпили.

– Завтра пойду в службу, буду проситься тоже в подменный экипаж, – сказал Георгий.

– Мой тебе совет, прежде чем идти в службу, сходи к начальнику БТОФ, узнай, есть ли места для капитанов в подменном экипаже и попробуй заручиться его поддержкой.

– Тоже мысль неплохая. Так и сделаю.

Сидели еще долго, дети стали зевать. Гости начали собираться домой, благо идти было недалеко, квартала два. Женщины долго прощались, а Акимович глянул на Георгия.

– Хозяин, нужно обычаи осетинские соблюдать! – сказал он.

Георгий принес фужеры и бутылку.

– Ну, за пороги, – поднял фужер боцман.

– За какие еще пороги? А доченьку опять мне нести? Она тяжелая уже, – накинулась Лина.

– Лина, – обратился к ней Георгий, – у нас такой обычай! Последний тост за хозяев и пороги.

– За хозяев тоже? – спросил Акимович, – А мы его пропустили.

Зарема и Циала смеялись от души.

– Можно два в один, за хозяев и за пороги, – хохотал Владимир.

Выпили за пороги. Потом гости ушли. Зарема с Циалой быстро все убрали со стола и на кухню. Посидели все вместе, посмотрели немного телевизор, поговорили и пошли по своим комнатам.

На другой день позавтракав, Георгий поехал на Базу. У начальника БТОФ шло совещание и секретарша попросила его подождать. Через некоторое время из кабинета начали выходить люди, что то обсуждая, сверяясь с какими то бумагами. Вышел и начальник БТОФ.

– Вы ко мне?

– Да, к вам?

– Заходите.

Георгий зашел, сел на предложенный стул.

– Я бы хотел поработать в подменном экипаже. Последняя моя должность капитан.

– Какова причина?

Георгий немного помялся.

– Женился недавно. Жена беременна уже.

– Во, еще один такой! Только во вторник пристроил старшего механика.

– Калюжного Владимира?

– Да. А ты его знаешь? – перешел на ты хозяин кабинета.

– Мы вместе женились, у нас жены с одного села и подруги с детского сада.

– Молодцы, моряки. Только женились, уже и жены в положении. Так держать! Это пофлотски! – засмеялся начальник, – Давай с тобой сделаем так. Приходи в пятницу, хорошо? Капитаном пока не обещаю, а вот старпомов наклеивается аж два. Пойдешь старпомом?

– Конечно пойду.

– Вот и приходи в пятницу часам... часам..., – начальник заглянул в блокнот, – к двенадцати. Тогда и поговорим. В службе говорил об этом?

– Пока нет.

– Вот пока ничего и не говори. Я сам поговорю.

На этом и расстались.

В пятницу неожиданно все легко уладилось. В службе мореплавания поморщились, побурчали, что вот, мол, молодой капитан, и уже просится в подменный экипаж. Но начальник БТОФ дружил с начальником службы мореплавания и попросил его за Георгия. Да и люди нужны были в подменном экипаже. В результате в пятницу начальник БТОФ предложил Георгию должность старпома в двух подменных экипажах – в том, в который получил направле-

ние Владимир и в другой. Конечно, Георгий выбрал тот подменный экипаж, где уже значился Владимир.

– Я понял, почему ты выбрал этот подменный экипаж, – сказал начальник БТОФ, – туда уже назначен твой друг. Хороший коллектив, не числится за ним ни одного провала или не вовремя сданного судна. Но хочу предупредить тебя: капитан там излишне требователен. Иногда даже мне приходится одергивать его. Он не зануда, но чересчур серьезно относится к себе и требует это от других. Могут быть с ним конфликты. Правда, отходчив, и если понимает, что совершил ошибку, то всегда извинится.

– Я работы не боюсь. Всегда стараюсь делать все аккуратно. Подчиняться умею, но если будут придирки, то сумею и постоять за себя.

– Хорошо. Иди на судно, поговори там с капитаном и старпомом. После сдачи судна выйдешь на приемку другого уже в качестве старпома экипажа.

– Спасибо большое. Сейчас пойду на судно.

Георгий встал и, попрощавшись, повернул на выход.

– Да, еще вопрос, – остановил его начальник БТОФ, – нет ли на примете боцмана хорошего? В этом экипаже боцман уходит, хочет в рейс сходить, говорит, что нужны деньги, чтобы семейные штаны поддержать.

– Есть хороший боцман, я с ним работал вместе несколько рейсов. В последнем рейсе я с ним год пробыл в Новой Зеландии. Я поговорю с ним.

– Спасибо, пожалуйста сделай это. И если согласится, то пусть идет прямо ко мне. Пусть скажет, что ты его послал.

– Хорошо.

Григорий направился на «Уранию». Она стояла уже на причалах у складов, на нее грузили снабжение. Поднялся на борт. Пошел в каюту старпома. Знакомиться не пришлось, старпомом был его однокашник Тураев Виктор. Они заканчивали в один год мореходное училище.

– Привет, давно здесь окопался? – спросил Георгий.

– Господи, кого я вижу! Да уж третий год. Ты что, мне на смену?

– Да, на смену. А чего уходишь?

– Я бы никуда не тронулся, да деньги нужны. Недавно взял «Ниву», ты же знаешь, я большой любитель на рыбалку съездить, в тайгу за лимонником, за орехами. Взял кредит у Базы. Ну и немного подсел, жена аж бурчать начала. Вот и решили с боцманом сходить пару рейсов, да расплатиться с долгами. У него такая же ситуация.

– Как здесь работа, трудная?

– В ремонте стоял? Ну так примерно такая же. Только иногда нужно все делать быстро. Делает все база, а красим корпус, мачты мы. Оно неплохо и на зарплату грех жаловаться. А ты женился то?

– Женился. Жена в положении. Это и есть причина того, что хочу посидеть на берегу. Давай, рассказывай, что тут и как. Буду у тебя учиться и дела принимать.

Виктор начал вводить в курс дела Георгия, рассказывать ему тонкости работы в подменном экипаже. Разложил бумаги, начал вводить в курс бумажных дел.

– Табеля на зарплату, оформление нарядов на проведенные работы, на сверхурочные, все это в подменке дело старпома.

Георгий кивнул головой, все это было знакомым.

– Там начальник БТОФ предупреждал меня о капитане...

– Да, есть немного. Что ты хочешь, ему уже под шестьдесят. Возраст. Может и мы такими будем в его возрасте. Ты внимательно слушай его указания, он иногда и побурчать может, но делай так, как считаешь нужным. Он мужик понятливый, о деле судит всегда по результату. И не стесняется извиниться, если не прав, даже перед матросом. А так мужик дельный, дурости я за ним не примечал. Срабатывается.

Пошли к капитану. Тот расспросил Георги кто он, как давно работает, какую должность занимал последнее время. Георгий рассказал.

– Хорошо, все понятно, вникай, – сказал капитан, – старпом тебе все расскажет.

– Уже рассказал.

– И меня охарактеризует. Ты только не сильно меня разрисовывай, не делай из меня дракона – улыбаясь, сказал он Виктору.

– Да нет, что вы. Что я могу плохого о вас сказать? – ответил Виктор.

Снова пошли к старпому в каюту, посидели, поговорили. Увидев береговой телефон у старпома, Георгий решил позвонить боцману Акимовичу. Взял трубку, набрал номер. Акимович поднял трубку.

– Привет Акимович!

– Здравствуй Георгий Христофорович!

– Как дела? Как Лина, дети?

– Да все у нас хорошо! Чувствую, ты по делу звонишь мне.

– Да, по делу. В подменном экипаже не хочешь поработать? Мы с «дедом» будем работать в подменном экипаже, там же и место боцмана освобождается. Я буду старпомом, а лучшего боцмана, чем ты, я бы и не желал.

– Что, всерьез? Гм, нужно подумать. Оно, конечно, не грех бы и посидеть дома, а то дети выросли, а я их и не видел. Так, так! Деньжата есть, пока хватит. Ну и зарабатывать что то буду. Давай, пойду» – неожиданно и резко решил он, – тем боле с тобой работать буду, да и Владимир с нами. Пойду!

– Тогда иди прямо к начальнику БТОФ, скажешь, что ты боцман и что ты от меня пришел. Я уже с ним о тебе говорил.

– Хорошо. Завтра же с утра я буду у него. Сегодня уже не смогу, дел много.

– Договорились.

Григорий положил трубку.

– Сосватал? – спросил Виктор.

– Сосватал. Ты сам знаешь, что в нашем деле хороший боцман это спокойный сон для капитана, а тем более для старпома. А я этого человека знаю не один год.

– Вот и замечательно. Я обрадую своего, что ему есть замена.

Договорились, что завтра Георгий придет с утра и они подпишут приемо-сдаточный акт и рапорта о сдаче – приемки дел. Георгий пожал руку Виктору и пошел за пределы Базы, на автобусную остановку.

Приехав домой, он застал дома только Владимира, Циала ушла в магазин, ей что то понадобилось, а Зарема была на работе.

– Что выходил? – спросил Владимир.

– Сиди крепко и держись за диван. Новости ошеломляющие!

– О, тогда нужно пропустить немного коньячку.

– Кто бы возражал.

Владимир принес початую бутылку с коньяком, нарезанное сало, порезанный соленый огурец, хлеб, два фужера. Налил.

– Первый за Всевышнего, как всегда! – сказал Владимир, принимая на себя обязанности тамады.

Выпили, закусили соленым огурцом.

– Мне больше нравится закусывать коньяк соленым огурцом, чем лимоном, – сказал Георгий.

– Лимоном закусывать придумали англичане, а у меня батя соленый огурец называет русским лимоном.

Посмеялись.

– Что, говоришь я выходил? Значит так, докладываю: будем работать вместе, я буду старпомом в том же экипаже, что и ты.

– Да ты что? Вот здорово! Прямо подарок свыше!

Владимир налил еще коньяка.

– За успех твоего дела, Георгий!

– Спасибо.

Выпили.

– Но это еще не все. Акимович будет в нашем подменном экипаже боцманом.

– Это вообще класс! То-то Лина обрадуется! Трудно ей с детишками одной, хоть поможет муж немного.

– Да, сосватал я его прямо по телефону. Меня попросил найти боцмана начальник БТОФ, вот я и обратился с предложением к Акимовичу. Он подумал, подумал и согласился. Так что мы снова все будем работать вместе.

– Подождем, пока наши красавицы родят, поможем им поставить на крыло детишек, а потом можно будет подобрать пароход и сходить в рейс.

– Это дело будущего.

Владимир налил по третьему разу.

– А вот теперь за жен наших и за детей! Все, согласно осетинскому ритуалу.

– Не все, нужно было за родителей и прародителей выпить. А потом за жен и детей.

– Ладно, тогда отклонимся от ритуала. Слова уже сказаны.

Снова выпили. Пришла Циала, увидела легкое застолье, начала выговаривать мужчинам.

– Что у нас поесть нечего? Там же все наготовлено, а вы с салом сидите и с соленым огурцом.

– Во первых, сало это лучшие аминокислоты, как говорят медики, а соленый огурец, по определению моего отца это русский лимон.

Циала рассмеялась. Принесла полную тарелку пирожков с мясом, три большие осетинских пирога.

– По какому поводу застолье?

– Вместе будем работать мы, – сказал Георгий, – и Акимович с нами.

– Ну, так что же вы без Акимовича?

– Лину боимся.

– С Линой я поговорю.

Владимир пошел к телефону, позвонил Акимовичу.

– Акимович, иди к нам, обмоем дела наши.

– Какие дела?

– Я, ты и Георгий будем работать в одном подменном экипаже.

– Ничего себе! За это и бочонок не грех выпить. Что пьете?

– «Плиску», болгарский коньяк.

– Сейчас буду.

Акимович пришел минут через двадцать, принес еще две бутылки «Плиски».

– Зачем ты? – скал Георгий, – Есть у нас все.

– Мой вклад тоже должен быть.

– Садись.

Акимович сел. Посмотрел на Циалу и подвинул фужер Владимиру.

– Циала, только не выдавай меня Лине, а то со свету сживет. Полный, – сказал он Владимиру.

Владимир знал способности боцмана, знал его и потребности за столом, поэтому не удивился и налил ему полный фужер.

– За наши дела, которые уже свершились и которые свершатся, – сказал он и все выпили. Акимович выпил фужер до дна. И как всегда, у него слегка побелел кончик носа и покраснели немного уши. Закусив соленым огурцом, он принялся за пирожки с мясом.

– Прелесть какая, вкуснятина. Кто делал?

– Я делала, – зарделась Циала, – это по нашему, по-осетински, фыдчин называется, переводится как отец пирогов.

– Если сказать, что вкусно, то значит ничего не сказать. А начинка из свиного фарша?

– Да, из свиного. Я свежую свинину брала на базаре.

– Чтобы Лину научила. Пусть по выходным печет.

– Научу, – смеялась Циала, – а по выходным лучше к нам приходите обедать. Дома Лина и не нальет, а я всегда налью и Лина ничего не скажет.

Акимович весело глянул на Циалу.

– Вот это жена и я понимаю! Ты где ее, Христофорович, отыскал? Ей нужно написать руководство для угнетенных женами мужей! А то ведь и вправду дома не нальют, а если нальют, то вина, это ж не напиток, а издевательство над мужчиной. А если нальют чего покрепче, то пару маленьких рюмок.

Он мигнул Владимиру снова на фужер.

– Полный?

– Только полный.

– А не ударит в голову.

– Михайлович, ты видел меня когда либо пьяным?

Георгий и Владимир переглянулись, повспоминали и не смогли припомнить случая, чтобы Акимович был пьян.

– Нет, не видел, – сказал Владимир.

– На Канарах, в Санта Кресе, когда я попал туда на «Новозлатополе», в аптеках продавали двухлитровые банки с прекрасным медицинским спиртом. Нам объяснили где их покупать ребята с Калининграда и Клайпеды. Накупили мы этого спирта. Сели выпить у капитана. Вы знаете его, Гладких его фамилия.

– Знаем, – сказал Георгий, – тот может, по моему и ведро выпить.

– Куда ему до меня! – пренебрежительно кинул Акимович, – Сидим гуляем у него в кабинете. Долго гуляли! Все уже носами в салаты залегли или по каютам разошлись. А мы с ним еще гуляем.

Акимович замолчал, взял налитый полный фужер и весь выпил.

– И чем это кончилось? – спросила Циала, с открытым ртом слушавшая Акимовича.

Акимович закусил и поднял на нее глаза.

– Слабаком оказался. Пошел в душ и не дошел, упал на палубу и заснул. Пришлось и мне уходить.

За столом все расхотались. Раздался телефонный звонок. Циала подняла трубку.

– Да, слушаю! Да, да...Здесь, у нас. Да сидит за столом с нашими мужьями, они тут немного выпили, не ругай его, пожалуйста, Лина. Был хороший повод.

Помолчала, слушая, что говорит Лина. Потом снова заговорила.

– Они все втроем будут работать в одном подменном экипаже. Уже все устроились. Вот тебе и долгожданная помощь, твой муж годик-второй побудет дома. Забирай детей и приходи к нам тоже.

Снова помолчала и положила трубку. Подошла к столу и села на свой стул.

– Сейчас Лина с ребяташками придет.

– Черт ее принесет, сидела бы лучше дома. И не выпьешь при ней. Налей еще стакан, Михайлович.

Владимир снова налил ему полный фужер. Акимович поднял его, посмотрел зачем-то на свет и опрокинул в рот. Через некоторое время раздался звонок. Циала пошла открывать дверь. Пришли Лина с детьми и Зарема. Дети сразу кинулись к отцу. Акимович усадил их на колени, что то говорил им, глаза его сияли от удовольствия. Никто не мог сказать бы, что он выпил больше половины бутылки коньяка.

– Все забываю с ними, – говорил Акимович, теребя на голове им волосы, – а эта вот, младшенькая, Светуленька наша, так она самая сладкая. Она ласковая, людей любит, вся в меня.

– В тебя? – ахнула Лина, – Она копия бабушки, моей мамы. Та бы весь мир обняла и расцеловала. А в тебя быть не приведи господь, будет бутылками коньяк пить.

– Линочка, брось ты! Ну выпью иногда. На работе я же не пью никогда. А дома только в выходные.

– Лина, угощайся, вот прекрасные пирожки с мясом, наши, осетинские.

Зарема уже сидела и ужинала.

– Спасибо, я ем. Ты что и вправду в подменный экипаж идешь? – обратилась она к мужу.

– Вправду. Завтра пойду за назначением. Мы все в один пойдем.

– Господи, услышал ты мои молитвы! Хоть не одни будем. Хоть поможешь мне немного, да я не буду мужскую работу делать. А то надо же, гвозди в стену забивать и то самой приходится. Да увидишь хоть, как детишки растут, а то все по своим морям да морям, а мы одни.

– Лина, налить коньяку? – спросил Владимир.

– Нет, не хочу. Наливайте себе, я даже глаза закрою, сколько ты моему аспиду нальешь.

Владимир налил Акимовичу снова полный фужер, а Георгию и себе по рюмке. Выпили снова, потом долго сидели обсуждали событие. После девяти Лина и Акимович с детьми ушли.

Как Владимир, так и Георгий были довольны тем, что они попали работать в подменный экипаж, да еще в один. Наконец они наслаждаются домашним уютом, семейным счастьем, просто тем, что будут жить как все люди. Чего всегда не хватает морякам и о чем моряки всегда думают и мечтают. Зарема тоже была довольна, что у нее есть работа, ее коллектив принял хорошо. Спокойная, покладистая, немногословная, она сразу завоевала хорошее место в коллективе. Видя ее спокойствие и рассудительность, к ней стали подходить советоваться, советовались не только по работе, несли к ней и жизненные проблемы. Всегда и всем она отвечала, старалась обстоятельно ответить на вопрос, разобраться. Удивительно, но у нее получалось, несмотря на то, что она часто была моложе спрашивающего. Дошло до того, что к ней как то подошла женщина под сорок и попросила уделить ей время. Зарема согласилась.

– Не знаю, что делать, милая. Может ты посоветуешь?

– Если смогу, – ответила Зарема.

– Хочу разводиться со своим. Нет сил терпеть. Пьет, а в последнее время начал бить меня. Смотри.

И она показала синяки на руке и предплечье.

– Хотела в милицию заявить, но пока отложила.

– А дети у вас есть?

– Конечно есть, у нас два мальчика и девочка.

– Ужас, неужели он детей на водку меняет?

– Получается, что так.

– А в чем причина ваших ссор, вы пробовали разобраться?

– Пробовала и не раз.

– И что?

Женщина замялась. Потом заговорила.

– Мне не нравится все, что он делает. И я прямо ему об этом говорю. Он сперва просто словесно возмутился, а потом начал выпивать.

– А что вам не нравится?

– Все. Как он ходит, как он ест, как он что то делает по дому, как он говорит со мной.

Зарема посмотрела на нее долгим взглядом.

– Простите, а когда вы выходили за него замуж, вам и тогда это не нравилось в нем?

Женщина задумалась и ее лицо посветлело.

– Тогда все нравилось в нем, я даже от его голоса просто шалела.

– Я думаю, что причина всех ваших бед в вас. Вы его подавляете своим недовольством, а он ведь мужчина. А мужчины другие, чем мы, они ведь во всем считают себя главными. Это не они себе так придумали, это им от природы так дано. Да, собственно, в жизни так и есть. Вы его подавляете, он поэтому и пить стал. Дети его любят?

– Очень любят. Доченька так от него не отходит, когда он дома.

– Знаете, я намного моложе вас. Но мне кажется, что вам нужно поработать над собой. Посидите, подумайте, с чего это вас в нем все стало раздражать? Где то есть причина этому. И постарайтесь суметь убрать эту причину. Развестись недолго. Но вы нанесете очень большую травму детям. И вам не двадцать лет, можете остаться на всю жизнь одна. Нужно вернуть то, что когда то сделало вас мужем и женой. Я так думаю.

– Хорошо, попробую. Совет твой хороший. Ты прямо рассудила, как рассуждают умудренные жизнью люди. Только как все это сделать? Буду пробовать и думать, думать и пробовать.

Этот разговор и советы Заремы подействовали на женщину. А в любой беде главное выйти из безразличия и покоя, тогда все можно сделать. Зарема вела уже группу судов, которую ей дала Эльвира Фаридовна. Вникла она в тонкости дела быстро, но если было что то неясно, то она обращалась к другим бухгалтерам или к Эльвире Фаридовне. Все шло у нее нормально. Из головы и сердца ни на минуту не уходил Владимир, муж. Как только раздавался звонок, извещавший о конце рабочего дня, она спешила домой. Циала пока не работала и готовила пищу для всех. Поужинав, немного поговорив о том, о сем, Зарема уходила в свою комнату, где ее ждал Владимир. Это были самые счастливые и радостные минуты для нее. Она ложилась на кровать, где обычно лежа читал книгу Владимир и ждал ее, подкатывалась ему под бок, положила свою голову ему на плечо или засовывала ее ему под мышку. И лежала так, наслаждаясь его присутствием. Ей не хотелось говорить, ей хотелось его чувствовать. И она чувствовала его сильное большое тело, слушала, как стучит его сердце, как говорит с его душой ее душа. Больше ей не нужно было ничего. А когда он обнимал ее и тихонько прижимал к себе, у нее от счастья даже слезы на глаза наворачивались. В такие минуты она забывала обо всем. Он откладывал книгу, обнимал ее и второй рукой, нежно целовал ее. Тогда она замирала и проваливалась в какое то светлое и прекрасное пространство, где кроме них двоих никого и ничего не было. Разве можно было сравнить это с чем либо? Беременность у нее протекала не очень легко. Часто кружилась голова, вызывая рвоту, хотелось кислого, начали слегка отекать ноги. Но она без труда справлялась с этими проявлениями, чувствуя, как в ней растет еще одна жизнь, пока маленькая и беззащитная. Кислую капусту она даже с собой на работу брала, наложив в банку. Владимир посмеивался, но во всем старался помогать ей. Массажировал ноги, разгоняя из них лишнюю жидкость, провожал ее на работу, если она чем то была взволнована, успокаивал. Из Владимира получился прекрасный муж, над своим отношением к жене и своими действиями он иногда даже посмеивался. К Зареме относился как к ребенку, заботился о ней и ей это очень нравилось. Ей приятно было чувствовать свою защищенность. И своим защитником и покровителем она видела только мужа, сильного и готового всегда прийти на помощь.

Владимир с Георгием и Акимович в назначенную дату вышли на приемку очередного судна. Экипажи собирались обычно у диспетчерской, потом на катере их доставляли до судна, которое они должны были принять у основного экипажа на рейд, где, собственно и начиналась приемка. Владимир по пути забежал в бухгалтерию к Зареме. Она, увидев его, сразу засветилась, глаза засияли особенным светом, который присущ только любящим женщинам. Он пошел от двери к ее столу. Женский коллектив бухгалтерии, увидев Владимира, зашептался между собой.

- Какой мужчина! Прямо орел!
- Твой не хуже, да и мой тоже.
- И что, он у нас на Базе работает? Не мог свою в жены взять?
- Тебя не спросил. У тебя смогут так глаза светиться? Посмотри на Зарему!
- Она прямо сияет от счастья, бывает же так! Позавидовать можно!
- Зависть нехорошее чувство.
- Я по светлому, по хорошему.

Владимир сквозь этот шепот подошел к Зареме. Она слегка покраснела.

- Ты сегодня судно принимаешь?
- Да, забежал тебя проведать. Ведь не виделись давно, часа два уж прошло.

Зарема засмеялась.

- Как ты? Все в порядке?
- Да, все хорошо, только ноги отекают немного, левая как деревяшка, плохо чувствую ее.
- Ничего, пройдет. Вечером помассирую тебе твои ножки. Капусту взяла?

Зарема кивнула головой, раскрыла сумку и молча показала банку с капустой.

- Ладно, работай, а я побежал. Я еще с людьми толком не знакомился. До вечера.

Зарема, стесняясь и краснея, взяла его руку и прижалась к ней щекой. Женщины вокруг одобрительно заулыбались, опуская глаза. Когда она отпустил его руку, он повернулся и пошел к выходу.

- Зарема, это твой муж? – спросила одна из девушек, когда он вышел.
- Да, мой Володя.
- Мужчина на все сто! Не боишься, что уведут?
- Совсем не боюсь.
- Почему?
- Есть причина, подумай, может быть догадаешься.
- Догадалась. Завидую я тебе, милая, завидую по хорошему, по светлому. Счастливая ты!
- Да, счастливая...
- Вот и будь счастливой. От души желаю. Может и мне когда-нибудь такое же счастье подвалит.

- Если сильно хотеть, то будет. Но нужно хотеть, не завидуя другим.

– Ты, Зарема, у нас как старушка, все знаешь и все разложишь по полочкам, – вмешалась в разговор пожилая женщина.

– Я не старушка. Я росла в деревне, без мамы. Меня всему женскому и мудростям жизни учила тетя, папина сестра. Я только говорю то, что принято думать и говорить в нашем маленьком народе.

- Хороший у вас народ, мудрый.
- Каждый народ мудрый.
- А ты откуда с Кавказа? – спросила еще одна коллега, светловолосая женщина лет тридцати пяти.

- Я с Северной Осетии, осетиночка я.

– Осетины! Какие у вас мужчины! Не видела красивее мужчин! – затараторила еще одна коллега.

– Тебе только бы о мужчинах. А вы христиане или мусульмане?

– Мы православные христиане, но у нас есть небольшой район в Дигоре, в западной части республики, где живут мусульмане.

– Интересно, православные христиане. И что, пасху, рождество празднуете?

– Все празднуем. Но есть у нас и национальные праздники, Джеоргуба, например. Скоро будет. Это день святого Георгия. Он у нас считается покровителем осетин. Празднуют неделю. С понедельника до воскресенья включительно. Это мужской праздник, но женщины тоже празднуют.

– Хороший праздник.

– Ладно, хватит вам, а то Эльвира услышит, так взгреет всех. Работаем.

– Работаем.

Все наклонились над своими столами, погрузившись в бумаги.

Подменный экипаж собрался у диспетчерской. Владимир отвел немного в сторону людей технической службы, начал знакомиться.

– А кто второй механик? – спросил он.

– Какой? Если по заведованию, то я, сменный механик. А коммерческий еще не подошел. Вот он, идет!

И сменный механик показал на подходившего мужчину лет тридцати, лысоватого и немного прихрамывающего. Тот подошел, поздоровался.

– Я новый старший механик, – сказал Владимир, – зовут меня Владимир Андреевич.

– Семенов Леонид Иванович, второй механик, – подал руку мужчина.

– Давно работаете в экипаже?

– Полтора года.

Владимир удовлетворенно кивнул головой. На кого опереться первое время есть. С остальными он знакомился раньше, на судне, когда приходил принимать дела.

– Всем подойти поближе, – раздался голос капитана.

Все подошли и встали возле капитана.

– Сегодня принимаем «Мраморный», на месяц. Судно старенькое, при приемке всем отнестись к заведованиям с большим вниманием. Чтобы потом не расхлебывать чужие упущения. А сейчас пойдем все на пассажирский катер, он доставит нас на рейд, где стоит судно.

Экипаж направился к пирсу, где стоял катер. По трапу взошли на борт катера, прошли в салоны, их было два – носовой и кормовой, расселись. Под палубой глухо зарокотал двигатель и катер отвалил от пирса. Разрезая носом портовые воды, катер направился на внешний рейд, где стояло судно. Шли минут сорок, наконец катер закачался у спущенного трапа «Мраморного». Люди начали подниматься по трапу на борт. Вахтенный у трапа встречал их, знакомым пожимал руки. Подменный экипаж растекся по судну. Владимир зашел в каюту старшего механика, тот сидел в кабинете за столом. Познакомились. Как все, давно работающие на Базе, они знали друг друга в лицо и слышали друг о друге. Но близко столкнулись только сейчас.

– Много работы? – спросил Владимир.

– Много, – ответил Дмитрий Арсеньевич, так звали старшего механика из основного экипажа, – судно старое, я просил на работу сорок пять суток, но дали только тридцать. – На вот, смотри, – подал он Владимиру план-задание на профилактический ремонт.

Владимир взял толстую пачку отпечатанных и сшитых листов, раскрыл ее и начал знакомиться с содержанием. Минут через десять поднял голову.

– Да, здесь тяжело уложиться в тридцать суток.

– Очень тяжело. Через недельку я советую начать подбивать капитана, чтобы он ходатайствовал перед начальством об увеличении срока.

– Я думаю, что это капитану должно быть ясно и так, хотя я свое слово и замолвлю обязательно. Как сходили то?

– Ну, неплохо. Немного выше среднего. А было б судно поновее, да были бы запчасти, так сходили бы еще лучше. Штурмана ловцы неплохие, капитан хороший организатор.

– Ну и дай Бог, хоть недаром в море время потратили. Будет что получать у кассы.

– Да, будет. Ты давно в подменке?

– Первое судно.

– Ничего страшного. Трудно попасть сюда?

– Трудновато. Но я женился и у меня жена в положении. Это и помогло.

– Надо же, женился! А когда я женюсь? К черту, бросаю все и пока не женюсь, ни в какие моря не пойду!

Дмитрий Арсеньевич был даже немного постарше Владимира, года на два.

– Так ты не женат?

– А с этими морями когда жениться? Пришел, побегал по конторе, сдал отчеты, прошел медкомиссию, сдал аттестацию и снова тебя загнали в море. Мне уже давно пора детишек воспитывать, а я... Нет, уволюсь к черту, если не дадут на берегу посидеть, чтобы жизнь обустроить.

– Да, это так. А жизнь я и сам с трудом обустроил, зато уж такое золото досталось, что нарадоваться не могу.

– Долго были знакомы?

– Долго, но по переписке. А летом пришли с Новой Зеландии я и полетел к ней. Глянули друг на друга и провалились куда то. Все препятствия обошли, а они были очень сильные. Сейчас устроил ее к нам на Базу, в бухгалтерию.

– Молодец ты, Володя. Давай без официальностей, по имени.

– Хорошо, давай. Мы же моряки, люди простые.

Дмитрий Арсеньевич начал вводить Владимира в курс дела по судну. Владимир внимательно во все вникал. Все таки целый месяц придется проработать на этом судне.

– Дима, а что с левой траловой лебедкой?

– Там редуктор рассыпался, нужно все шестерни менять.

– Ясно, это большая работа. Даже если эти шестерни есть на складе в снабжении.

– Ну, а если нет, то пусть в ГДР на заводе-изготовителе заказывают. Времени достаточно.

– Обращу на это особое внимание. Без траловой лебедки в рейс не пойдешь.

Начали подходить с рапортами о приеме-сдаче дел сменные механики, потом принесли рапорта второй механик, а чуть погодя электромеханик, рефмеханик, механик технологического оборудования. Собственно приемка судна по технической части была закончена. Дмитрий и Владимир тоже написали рапорта. Владимир позвонил капитану и доложил, что приемка судна по технической части закончена. Сразу высказал свое мнение по состоянию судна и по срокам. Капитан ответил, что как только разберется с делами, сразу соберет начальников служб и обсудит ситуацию. Судно подняло якорь, снялось с рейда, и сопровождаемое буксирами, пошло к указанному дежурным диспетчером причалу Базы.

Нет лучшей минуты в жизни моряка, чем минута, когда судно встало у родного причала и опустили трап. Владимир не раз сам приходил из рейса, как никто, понимал моряков и встречающих. На причале стояли жены с детьми, разнаряженные так, как не одеваются даже на лучшие праздники, дети не пошли сегодня в школу, ведь папа пришел с морей! И никто их в школе не упрекнет, пришли друзья. На причале оркестр грянул «Прощание славянки», традиционный марш, которым встречают и провожают в море всех моряков: рыбаков, военных, танкеристов, транспортников, научных. Женщины утирали слезы, с борта судна моряки что то кричали своим родным и друзьям, те в ответ махали руками и зажатými в них цветами, радостные звуки музыки и приветствий повисли в воздухе. Но вот судно плотно стало к причалу, спустили трап. По трапу начали подниматься на борт встречающие. У трапа на палубе их встречали моряки. Объятия, поцелуи, смех, восклицания! По традиции все начали расхо-

даться по каютам, где жили моряки. Все, от матроса до начальника Базы, знали, что сейчас будет нарушена статья Устава, запрещающая распитие спиртного на судне. Но запретить это действие никто и никогда не пытался, да это невозможно было и сделать. Дмитрий с грустью смотрел на встречающих, проходивших мимо иллюминаторов его кабинета в каюте, где они сидели с Владимиром.

– Вот, пожалуйста, всех встретили жены, дети. А я... – и он печально махнул рукой.

– Не расстраивайся, сказал Владимир, – все образуется. Хотя я тебя понимаю, сам до недавнего времени был таким же. Но хочу тебе посоветовать: не женись до тех пор, пока сердцем не поймешь, что это она. Сколько вон разводов после скороспешных браков.

– Да где ее взять, ту которую сердце узнает?

– Сам почувствуешь, я же тебе сказал.

В каюту постучались и потом зашли друзья Дмитрия. Обнялись, долго жали руки друг другу.

– С приходом, Дима! Как рейс? Как настроение?

– Отлично все, все в порядке.

На стол была поставлена бутылка вина. Владимир вышел, пошел осматривать хозяйство принятого судна. Когда он вернулся, на столе стояла уже пустая бутылка, а береговой телефонист устанавливал телефон для связи с берегом на рабочий стол кабинета.

– Можно звонить? – спросил его Владимир, когда он закончил.

– Да, можно, телефон работает.

Владимир поднял трубку и набрал номер телефона отдела, где работала Зарема. Ответил женский голос.

– Позовите, пожалуйста, Зарему Калюжную.

– Сейчас, – игриво ответил голос, потом послышался призывный крик, – Зарема Калюжная, к телефону.

Через минуту послышался голос Заремы.

– Володя, ты?

– Да, я. Ты скоро закончишь работу, как я понимаю?

– Да, скоро, минут через сорок.

– Ты не уходи или подожди меня у входа в здание. Я принял судно, мы стоим недалеко от управления Базы, я зайду за тобой и вместе поедем домой.

– Володя, милый, – приглушила голос Зарема, – конечно подожду. Я уже соскучилась по тебе. Так бы и прижалась к тебе!

Владимир засмеялся, ему приятно было слушать эти слова жены.

– До встречи, я скоро буду.

Он положил трубку.

– Кому это ты звонил? – спросил Дмитрий.

– Жене.

– А что за странное имя – Зарема? Она цыганка, что ли?

– Нет, она не цыганка. Она осетиночка у меня. Есть такой небольшой прекрасный народ на Кавказе – осетины.

– А, понял. Осетин немного знаю, приходилось встречаться.

– Наш старпом новый, в подменке, Георгий Хугаев, тоже осетин. Он был капитаном на «Юпитере», а я стармехом, он меня и познакомил с моей Заремой. Мы переписывались с ней год. Потом летом пришли с рейса и я поехал сперва к родителям, а потом к ней. Остальное ты уже знаешь.

– Хугаева Георгия знаю, хороший человек. Завидую тебе, Володя. Завидую по белому, по хорошему.

– Ну что, будем домой собираться? – спросил Владимир, – Конец рабочего дня, пять часов уже скоро.

– Да, пожалуй.

В этот момент раздались три звонка сигнала громкого боя. Это значило, что капитан покинул борт судна. Владимир и Дмитрий тоже сошли с борта и пошли по направлению к зданию управления Базы. Вышли с проходной, пошли к входу. Зарема уже стояла ждала у входа. Увидев Владимира, пошла навстречу. Подошла, прижалась к его груди на секунду, посмотрела своими теплыми глазами.

– Отработала? Устала? – спросил ее Владимир.

– Нет, не устала. Все хорошо.

– Знакомься, это Дмитрий, старший механик основного экипажа.

– Какая вы красавица, Зарема! – сказал Дмитрий, – А по глазам видно, что вы еще и хороший человек.

– Спасибо, Дмитрий! – порозовела Зарема, – А почему вы один? Вас никто не встретил?

– Некому, – скупое и грустное улыбку Дмитрия, – пришли друзья, потом разбежались по своим делам.

– А у вас жены нет?

– Нет жены, нет семьи.

– Я смотрю эта База клад для девушек. Такие мужчины и неженаты. Напишу своим подругам, чтобы срочно выезжали.

– Через месяц все замужем будут. Расхватают ваших подруг, как горячие пирожки.

Зарема улыбнулась и прижалась головой к плечу мужа.

– На чем поедем? – спросил Георгий.

– На автобусе сейчас давка, людей много, пойдем на электричку.

Все пошли к остановке электрички.

Работы на судне, принятом подменным экипажем, оказалось еще больше, чем было заявлено в поданном для экипажа и БТОФ план-задании. Руководство БТОФ сразу же начало ставить вопрос перед руководством Базы о продлении сроков ремонта судна. Было много вопросов, споров, но пока вопрос висел в воздухе. Владимир буквально на следующий день послал второго коммерческого механика в снабжение, чтобы узнать о наличии шестерен редуктора траловой лебедки. Их на складе не оказалось. Значит нужно было заказывать в ГДР, по месту постройки судна. Запросили верфь. Оттуда ответили, что готовых шестерен нет, их нужно будет заказать на заводе, изготавлиющем редуктора лебедок. Оформили заказ, оплатили. Этот вопрос и решил проблему сроков ремонта судна в сторону его увеличения. Приказом по Базе срок продлили на две недели. Морщась от неудовольствия, зам начальника Базы по технической части сказал, что если не успеют все сделать, то постарается продлить еще на какое то время. Владимир прикинул, что если шестерни придут в течении месяца, то редуктор ремонтники соберут и сдадут в эксплуатацию бымтро. Работы было много и все нужно было успеть сделать в срок. Бригада слесарей часто оставалась работать сверхурочно. В субботу работали, но в воскресенье, если не было чего то срочного, отдыхали. Это была специфика подменного экипажа. Платили неплохие деньги. Владимир тоже много работал, но зато вечерами он был дома, с любимой женой. Когда они были вместе, они становились какие то отрешенные от всего, ничего не видели и не замечали. У Циалы и Георгия отношения складывались спокойнее, по другому. Они тоже испытывали сильное чувство друг к другу, но они не отрывались от действительности. Циала и Георгий решили, что Циала должна закончить институт. Так как Циала перевелась на заочное отделение своего института, то она получала задания, делала контрольные, отсылала их, получала контрольные с рецензиями. Она засела за учебу основательно. Сессия должна была начаться в мае, но Циала и Георгий решили, что на сессию

она не поедет, возьмет академический отпуск. Циала к этому времени должна была родить ребенка, как и Зарема. Георгий, работая в подменном экипаже, был тоже доволен. Каждый день дома, каждый день вечером и по воскресеньям наслаждался семейным уютом, это приносило огромное удовлетворение. Зарема и Циала спокойно делили кухню, без споров и конфликтов, они между ними просто не рождались. Да и готовили они, как правило, на две семьи, с учетом того, что попросят мужа. Квартира была большой, места всем хватало. Но Георгий и Владимир понимали, что с рождением детей все изменится. Они давно стояли на очередь на квартиры на Базе, но лучшее, что им светило холостым, это коммуналка или однокомнатная квартира. Сейчас они принесли документы, что они женаты, приложили справки, принесенные их женами, что жены беременны и статус их на жилплощадь повысился. Начальница отдела жилого фонда только качала головой – что им дать и где взять. По выработке лет они оба подходили к тому, что должны были получить скоро квартиры. Но где их взять? Наконец вопрос начал решаться в положительную сторону. База решила застраивать новый район и было заложено сразу три дома. Георгий как то зашел в жилищный фонд. Начальница Клавдия Константиновна, пожилая седая женщина, приняла его ласково.

– Клавдия Константиновна, пришел посоветоваться. К лету родится ребенок, живем на квартире. Что либо светит нам?

– Квартира вам положена, но где взять? Хотите посоветую?

– Конечно, с удовольствием выслушаю вас.

– Начали строить три дома. Процесс это не скорый, но через год дома построят. Вам, когда родится ребенок, будет положена двухкомнатная квартира. Самое лучшее, что я смогу сделать для вас, это дать освободившуюся на Тимирязева. Горячей воды нет, только титаны, а маленькому ребенку нужно и постирать, и помыть его. Далее, получив двухкомнатную, вам трудно будет потом получить трехкомнатную. Так вот, мой совет: ждите эти дома. А как только родится у вас ребенок, поговорите с женой и ...-она замаялась, – ну, нужно, чтобы ваша жена снова оказалась в положении. Принесете справку о ее беременности и я вас поставлю в группу на трехкомнатную. Таким образом вы решите вопрос жилья на всю жизнь.

– Спасибо за совет, мы обсудим это с женой. У меня друг, Калюжный Владимир, мы давно знаем друг друга и много работали вместе в море. Жены у нас из одного села и подруги с детства, женились мы в одно время. Квартиру сейчас снимаем одну на две семьи. Ребенок у них должен родиться почти одновременно с нашим.

– Можете не продолжать. Володю Калюжного я хорошо знаю. Когда моя дочь не могла забеременеть, это он привез из США какие то капсулы, сейчас у дочери двое детей, моих внуков. Я очень благодарна ему. Передайте ему то же, что я посоветовала вам. А за хорошее дело, что он для нас сделал, я постараюсь поддержать вас на жилищной комиссии. Хотя и нелегко будет, вы сами это должны понимать.

Георгий вышел из отдела жилищного фонда в раздумьях и в то же время в хорошем настроении. Придя на судно, зашел к Владимиру и все рассказал. Владимир подумал и сказал, что совет Клавдии Константиновны разумный. Решили поговорить с женами.

Дома эту новость Циала и Зарема приняли несколько насторожено. На кухне долго шептались. Потом Зарема сказала Владимиру, что если все после родов будет со здоровьем в порядке, то она согласна. Циала решила поговорить с мужем.

– Георгий, мне немного страшно. Один ребенок маленький и второго заводить... Даже не знаю.

– И чего ты боишься? Взгляни на своих предков! У них это не считалось ни трудностью, ни чем то необычным. Имели по десять детей и разница между ними часто была год-два.

– Давай тогда так. Если все будет хорошо, то и мы заведем быстро второго. Иметь свою квартиру очень бы хотелось. Но подождем весны и рождения нашего первенца. Я думаю, что дальше все будет яснее.

– Хорошо,ждемся.

Потекли дни, которые обычно зовут буднями и которые никто не замечает. Георгий и Владимир работали, вставали рано и уходили к восьми. Так же делала и Зарема. Циала иногда немного дольше спала, но обычно тоже вставала рано, не любила она долго спать. У Циалы и Георгия отношения были ровными, они понимали во всем друг друга. Если Циала начинала чем то возмущаться, Георгий обычно уступал: даже врачи и психологи писали и говорили по телевизору, что беременная женщина отходит от принятых стандартов и что ей нужно уступать и помогать. У Владимира и Заремы все было по другому. Когда они встречались после работы, весь мир отодвигался куда то в сторону, а в их мире они были только вдвоем. Они мало говорили, но оба знали, о чем думает другой и никогда не ошибались. Для них их мир был замкнутым пространством, предназначенным только для них. Георгий и Циала с удивлением иногда смотрели, как кто то из них вставал и нес с кухни посуду или еду, подавал теплую одежду, но при этом оба молчали и не произносили ни слова.

– Вы живете оба, как во сне, – как то сказала Циала.

– Может быть, – ответила Зарема, – только этот сон правда, реальный, и нам в этом сне очень хорошо.

– Вы даже почти не разговариваете друг с другом.

– Не так, Циала. Мы разговариваем и много. Только в наших разговорах слова лишние. Мы разговариваем... – Зарема наморщила лоб, – ну как бы тебе сказать... Не могу объяснить, это не объясняется.

– Не объясняется и не надо. Я примерно поняла ваше состояние. И дай Бог вам. Ты как себя чувствуешь, счастливой?

– Очень. И опять объяснить не могу. Не подозревала, что так может быть. Хочу, чтобы так было всю жизнь.

– Дай Бог вам, – еще раз повторила Циала, – кстати, милая, скоро Джеоргуыба. А это мужской праздник. Как порадуем наших мужчин?

– Да Ты права. Со следующего понедельника и начинается Джеоргуба. В Предгорном праздную все мужчины, а сейчас и женщины, адата мало кто придерживается.

– Придерживаются многие, но праздную Джеоргуыбу сейчас и женщины. Так что мы придумаем?

– А что мы придумаем? Выпить у них есть, купим свежей молодой говядины, наварим. Пироги сделаем. Вот и праздник будет. Да и рабочий день это, начало праздника.

– Первый день в понедельник немного отметят вечером, а потом им можно в субботу хорошо посидеть. В воскресенье выходной у них, отоспятся.

– Они? Вряд ли они спать долго будут, любят оба рано вставать .

На судне Акимович работал в поте лица. Иногда подвыпивший, но всегда с трезвым взглядом и четкими движениями, он делал свое дело профессионально и классно. Как то матрос, мужчина лет 45 огромного роста и слабого ума, рьяный приверженец коммунистических идей и догм, сказал ему.

– Боцман, вы постоянно пьяны. Я буду вынужден поставить вопрос о вашем поведении на работе на партийном собрании судна.

Разговор происходил в коридоре носовой части судна, где помещались кладовки и не было жилых кают. Акимович огляделся. Никого не было. Он ласково взял матроса за отвороты спецовки, наклонил его, хотя тот и сопротивлялся, и двинул коленом левой ноги в шею. Матрос выпучил глаза, пытался кашлять, но у него ничего не получалось. Акимович крутанул его вокруг оси и врезал сильнее пинка. Матрос пролетел, спотыкаясь, метров пять и врезался головой о железную переборку. Выпучив глаза и хватая ртом воздух, он минут десять приходил в себя.

– Очухался? – спросил матроса Акимович, – Теперь слушай. Я ложил на твое партсобрание, на тебя и на таких, как ты. Все понял?

– По...по...понял...

– И еще, запомни, если ты еще раз вякнешь, то упадешь в трюм или не вылезешь из кофердама. И еще запомни, я свои обещания не повторяю.

Акимович повернулся и пошел по своим делам. Матрос еще минут пятнадцать приходил в себя, потом начал работать – он красил одну из кладовок. Капитан как то спросил Георгия.

– Вы боцмана хорошо знаете, Георгий Виссарионович?

– Да, хорошо, командир.

– Я заметил, что он частенько выпивши.

– Командир, я с ним проработал больше двух лет только в море. Да, он иногда выпьет. Но так знать дело, как знает он, мало кто знает. Скажу откровенно, что он знает все типы судов как свои карманы. Старой закалки моряк и старого воспитания. Мы иногда встречаемся семьями. У него прекрасная жена, учительница младших классов, и трое прекрасных детей, они отца очень любят. За столом он может выпить две бутылки крепкого напитка, но никогда пьян не бывает.

– Черт с ним, пусть пьет, лишь бы дело знал, – сказал капитан, – только скажи ему, чтобы сильно не увлекался.

Перед выходными Акимович зашел к Георгию.

– Виссарионович, а не съездить ли нам в тайгу всем? Хотя и ноябрь, а погода смотри какая стоит. И солнце, и сухо.

– Я разве был когда против такого мероприятия? С великим удовольствием. Только..., – прикинул Георгий, – на чем мы поедим? Мы же все не поместимся в твою машину.

– У меня есть друг, Миша Козырев, жена его с детьми сейчас в Красноярске, у матери. Он таежник, тайгу очень любит, у него в верховьях Чистоводной зимовье есть. Мы можем туда поехать утром, а вечером приехать. Надергаем рыбы на уху, шашлыки пожарим. Как ты?

– Едем, едем! Владимиру Андреевичу скажи.

– Я уже говорил с ним. Он двумя руками за.

– Что ж, считай, что порешили.

– Если бы ехали одни мужики, то можно было бы с ночевкой. Но с детьми и женщинами, да еще вашими, мы на один день.

– А до зимовья отсюда далеко?

– Километров восемьдесят. Там колея хорошая, сухая, проедем.

Вечером Георгий рассказал о приглашении Циале. Та загорелась идеей. В тайге никогда не была, очень хотелось посмотреть. Понравилась идея и Зареме. В субботу мужчины пошли на работу, а Зарема с Циалой начали готовиться к поездке.

Река Чистоводная протекала по широкой долине между невысоких гор восточных отрогов Сихотэ Алиня на юге Приморского края. Впадала она в один из заливов Японского моря там, где начинался город Надежда. Во время реформ Столыпина в этот благодатный, никем незаселенный край приехали люди с европейской части России и с Украины. Первые поселенцы поселились у устья Чистоводной. Их все поражало: удивительно красивая природа, изобилие рек рыбой, тайга, дававшая мясо изюбра и косуль, кедровые орехи, которые были намного крупнее сибирских, невиданные ягоды, изобилие грибов, прекрасные сенокосы, удивлял и радовал своими свойствами жень шень, с которым переселенцев познакомили местные корейцы и нивхи, была здесь и неплохая для овощеводства и хлеборобства земля. Уже до революции зацвели богатые деревни по долинам рек, освобожденные от налогов Столыпиным переселенцы крепко вставали на ноги. Иногда пошаливали дикие звери, особенно тигры, но переселенцы быстро научились с ними справляться. Климат этой части Приморья был несколько своеобразным, но теплым. Океан грел зимой прибрежные участки края, морозы не превышали

двенадцати градусов ночью, в то время как в горах они зашкаливали за тридцать. Летом в июне и до середины июля было много туманов, дождей, но потом устанавливалось до конца октября настоящее лето, прихватывающее иногда и ноябрь. Переселенцы выращивали все: овощи, хлеб, появились сады с неплохими фруктами, научились выращивать бахчевые, а в центральных районах Приморья выращивали и виноград. Хорошо развивалось животноводство. Дальневосточной Кубанью называли эту часть Приморского края. Если бы ничего не изменялось в жизни переселенцев, то они бы к тридцатым годам двадцатого века снабжали бы продуктами сельского хозяйства весь Российский Дальний Восток – Охотский край, Камчатку, Чукотку. Но грянул переворот 1917 года. Люди, возглавившие его, начали претворять в жизнь самые настоящие бредовые идеи. Сперва продрозверстка выгребла из закровов приморцев все, что можно было выгрести. Затем началось раскулачивание. Самых крепких хозяев, наживших свое состояние тяжким трудом, выслали в Сибирь и Магадан, а все имущество их было забрано. Добила все коллективизация. Людей сгоняли в колхозы и часто люди, работавшие в колхозах, сравнивали это по тяжести с концлагерями. Выжившие в этой неразберихе осуществления бредовых идей постепенно сделали основой жизни частные хозяйства, где как то еще теплилась предприимчивость каждого. Но и частные хозяйства во времена Хрущева были ограничены по количеству производимых продуктов. По дельте реки Чистоводной жили потомки разоренных переселенцев уже в четвертом и пятом поколениях. Сами названия сел и хуторов говорили о когда то зажиточном времени: Изобильное, Урожайное, Золотая Долина, Золотоколосное, Виноградное. В последнее время пресс над сельским хозяйством был немного отпущен и снова появились приморские овощи, арбузы, фрукты на рынках края. А кое кто, особенно трудолюбивые и предприимчивые корейцы, забрасывал арбузы даже в Магадан. В Верховья реки Чистоводной, по красивейшей долине, лежал путь, по которому собрались ехать на природу наши друзья.

Выехали в воскресенье рано, еще было по осеннему темно, хотя летом в это время солнце уже стоит высоко. Подъехал Акимович с женой и детьми, к нему сели Георгий и Циала, детей посадили на руки. Минут через десять подъехал друг Акимовича, Михаил, в его «Ниву» сели Зарема и Владимир. Тронулись. Пока выехали за город, совсем рассвело. Проехали близлежащую деревню, пересекли по мосту Чистоводную и по правой ее стороне, по неплохой дороге, двинулись в верховья. Через час проехали большую деревню Изобильное, за ней кончался асфальт. Дальше поехали по грунтовой дороге. Еще через час проехали таежное село Партизанское. Потом круто свернули вправо и по лесной дороге, представлявшей собой слабо накатанную колею, поросшую травой, двинулись к синевшему хребту. Чистоводная в этом месте превратилась в неширокий бурный поток, изобилующий порогами и водопадами. Еще через полчаса выехали на поляну у речки, на которой стояла бревенчатая избушка – зимовье. Все вышли из машин. Григорий и Владимир не впервой были в тайге, а вот их жен она поразила.

– Красиво как, – сказала Циала, – прямо на Осетию похоже. И деревья такие же, только чинара нет.

– Долина просто поразила меня своей красотой, это прямо райское место, – вторила ей Зарема, – а здесь, посмотрите, посмотрите!

И она указала на горы и тайгу вокруг. Прямо над поляной вздымалась отвесная скала, переходящая в пик, на вершине которого белел уже снежок. Вокруг стояли облетевшие деревья, некоторые были повиты лианами кишмиша, лимонника, дикого винограда.

– Да здесь и дикий виноград растет! – удивилась Циала, – Так это совсем как в Осетии!

Она подошла и сорвала кисть тронутого морозом дикого винограда. Попробовала на вкус.

– Как? – спросил ее Георгий.

– Сладкий, такой же, как в Осетии в лесу после того, как его морозом немного прибьет. И запах такой же.

Акимович вышел из кустов, неся в руках полиэтиленовый пакет с какими то ягодами.

– Попробуйте это. Из этих ягод выведен знаменитый новозеландский киви. Это дикий вариант киви, его здесь называют кишмишом.

Женщины и дети начали есть ягоду.

– Вкусно! Отличная ягода!

– А вино какое из нее! – сказал Акимович, – А самогон получается высший класс.

Все засмеялись, знаю пристрастие Акимовича к спиртному. Георгий с Михаилом пошли в лес, принесли срубленный сухостой, потом Михаил быстро нарубил из него дров. Разложили костер.

– Так, женщины, как это было и в древнейшие времена, следят за огнем, один мужчина остается здесь, остальные на рыбалку, – сказал Акимович.

– С удовольствием! Кто останется?

– Кому же можно доверить женщин? Только мне! – пошутил Акимович.

– Доверь козлу капусту! – сказала Лина.

– Ну, мать, это ты брось! Донжуанством я никогда не увлекался!

– Знаю, знаю! Я только шучу. Ты у нас хороший, правда папа у нас хороший?

– Правда, – пискнула дочь, – он самый лучший!

Мальчики улыбались.

Георгий, Владимир и Михаил взяли удочки. Наживка была приготовлена заранее – подвяленная красная икра. Пошли к речке. На икру рыба бросалась, как на лакомство. Но в основном это делала небольшая пеструшка, не ушедшая в море молодь лосося. Владимир прошел выше и забросил леску с крючком на пережат, в бурун, образованный камнем. И сразу почувствовал сильный рывок. Крупная рыба начала вырываться. «Все равно это не ленок» – подумал Владимир. Потихоньку подвел к берегу рыбу, взялся за леску и рывком выбросил рыбу на берег. Темно коричневая рыбина в белых пятнах забила на траве. «Кумжа – подумал Владимир, – большая, на килограмма два». Положив рыбу в полотняную сумку из под противогаза, Владимир нашел заводь и стал искать личинки ручейника. Уже была поздняя осень, личинки давно все превратились в бабочек, но Владимир нашел с десятков в песчаных домиках. «Попробую ленка поймать» – решил он. Пошел по ручью дальше вверх, впереди увидел пережат, вдающийся в тихую заводь. Осторожно отошел от ручья, обошел его стороной и тихонько, крадучись, приблизился к заводи. Удилище не показывал над водой, забросил леску с грузилом и крючком, на который наживил личинку ручейника, в то место, где быстрое течение, кружась, сливалось с тихой заводью. Затем уселся на корточки так, чтобы не было его видно из воды и притих. Сидел несколько минут, глядя на воду. И в какое то мгновение увидел, как из под коряги в сторону его лески метнулась тень. В то же время леску сильно дернуло и потащило вверх к пережату. «Вот теперь нужно его осторожно довести до усталости, потом взять» – думал Владимир. Он то попускал леску, то тянул ее на себя. Здоровенный ленок яростно боролся за свою жизнь. Он несколько раз взметнулся из воды в воздух, бил хвостом по воде, пытался сорваться. Владимир дал ему несколько раз глотнуть воздуха и ленок потерял свою агрессивность. Подведя его к камню, Владимир выбросил его так же на камни, как выбросил до этого кумжу. Оттащил подальше от воды и снял с крючка. Улов это порадовал его. Поймать на бурной речке большого опытного ленка непростое дело. Положил и этого в сумку. Хвосты обеих больших рыб, ленка и кумжи, выглядывали из сумки. Поймав на икру еще с десятка полтора пеструшек и проходных краснопузых кумж, Владимир пошел к зимовью. Все были уже у костра. Акимович двинулся навстречу.

– Ты где запропастился? Я уже хотел идти искать тебя.

– Как где? Рыбачил. На вот, на уху наловил.

Акимович высыпал рыбу на траву.

– Ничего себе ленок. И кумжа хороша. Тут хватит на всех.

– Он еще шевелится, – сказал мальчик, сын Акимовича и Лины.

– Значит уха будет очень вкусной, свежая рыба.

– Мы тигриные следы с Михаилом видели, – сказал Георгий.

– Где?

– Вот здесь, рядом.

– Покажите нам, – загорелись женщины, – очень хотим посмотреть.

Все прошли по тропе в сторону ручья. На песке, лежавшем на тропе, были видны отпечатки лап тигра, тигр был взрослый и довольно большой. Следы были тоже большими.

– Ничего себе! – ахнула Зарема, – Вот это да! Представляю, какой он огромный! Вот это кошечка!

– Кошечка довольно велика, не дай Бог встретиться! – поддержала ее Лина.

– Мама, а кого он кушает? Рыбку? – спросила девочка.

– Рыбку, наверное, тоже. Но ему, я думаю, нужно что то покрупнее.

– Сейчас они изюбров ловят, у изюбров гон сейчас. Они подкрадываются к месту, где самцы дерутся и издают такой же звук, которым изюбр вызывает на бой соперника. Самец идет на звук и попадает в лапы к тигру. Кабанов едят, но хороший секач может и сам за тигром погоняться, может нанести ему серьезные раны. Тигры знают это и не трогают стадо, где есть старые, опытные вожаки. Косуль промышляют.

– А конфетки они едят? – спросила девочка..

Все засмеялись.

– Для них конфетки это собаки. Самое большое лакомство. У моего знакомого в Матвеевке тигр съел собаку. Она спряталась под домом, тигр не мог ее достать. Тогда он вытащил ее за цепь и слопал. В позапрошлом году в ту же Матвеевку зашли тигр и тигрица, прямо днем. Тигрица легла на мосту через речку, а тигр начал загонять на нее собак деревенских. Набили их с десятков, съели и ушли.

– Это, наверное, тигр собакам мстит за кошек, за то, что они их гоняют, – сказала Циала, вызвав смех.

– Точно, будут знать собаки! Нечего кошек гонять.

– Смотря какая кошка. У нас во дворе кошка Алиса живет, так все собаки наш двор обходят. Даже те собаки, что живут по квартирам, без хозяев боятся во двор выходить. Как увидит собаку, так сразу отлупит ее.

– Молодец какая! – смеялась Зарема, – Кстати, я страстная кошатница! Кошек люблю до умопомрачения. Они такие независимые, с человеком дружат на равных.

– Кошки народ серьезный, – подтвердил Акимович.

– А из вас кто либо тигра близко видел? – спросила Лина?

– Нет, – отрицательно покачали все мужчины, кроме Михаила.

– Я видел, – сказал Михаил.

– Ой, расскажите, – попросила Циала.

– У нас с ним давно в горле пересохло, першит. Нужно бы промочить! – подал голос Акимович.

Циала достала из коробки две бутылки с коньяком и поднесла их к костру. На расстеленном покрывале уже лежали порезанные пироги, нарезанный сыр, который Циала делала сама. Георгий сразу сам принял роль старшего за столом, себе и Владимиру налил по рюмке, вопросительно посмотрел на Михаила и Акимовича. Тот сразу понял вопрос.

– Машину поведет Лина, я только выведу ее из тайги. Она хорошо водит машину.

Георгий налил ему полный стакан коньяка.

– Мне тоже стакан и я больше потом пить не буду, – сказал Михаил, – до отъезда про-
трезвею.

Георгий налил стакан и ему.

– Как у нас говорят под первый тост – за Всевышнего.

Мужчины выпили.

– Так как вы видели близко тигра? – снова пристала с расспросами Циала.

– Были в тайге, на рыбалке. Смотрю, мой друг, который шел с удочкой ниже меня по течению, вдруг присел, бросил удочку и как пуля куда то понесся по тайге, только треск по кустам стоял. Я ничего не понял. Думаю, он что, с ума сошел, что ли? Потом поворачиваю голову, а на другой стороне речки, метрах в тридцати, стоит огромный тигр и смотрит на меня. Я сперва растерялся, а потом не помню толком что и как. Очнулся, сижу на высоком кедре. От низу до верхушки ни одного сучка нет. Как я на него взлетел, по сей день не знаю. Но взлетел быстро, потому что помню, как уходил тигр. Он прошел вдоль речки, потом пошел к горам. Все это я наблюдал уже с дерева.

Слушавшие хохотали до слез.

– Вам то смешно. А мне какво было?

– За чудесное спасение и выпить не грех! – подал голос Акимович.

Солнце поднялось из за гор, стало совсем тепло. Дети бегали вокруг костра и зимовья, играли, хохотали. Закипела вода для уха. Бросили почищенную рыбу. Когда рыба закипела, кастрюлю отодвинули от большого огня, бросили зелень, подождали немного и сняли кастрюлю с огня. Георгий нанизал на шампура мясо, начал пристраивать шампура над углями. Минут через пять поплыл аромат шашлыка. Шашлык подрумянился, Некоторые шампура Георгий начал снимать с углей. Уха немного остыла, ее можно было уже есть.

– Дети, обедать! – закричала Лина ребятишкам.

Оба мальчика и девочка подбежали к костру.

– Что будет? – спросила их Лина.

– Я пилог осетинский хоцу, который тетя Циала делает, – сказала девочка, немного картавя.

– Вот, бери, бери мое зрлото, – Циала подала девочке кусок пирога с сыром. Потом пригнула ее к себе и поцеловала в щеку.

– Ангел, ну прямо ангел!

– Ничего не могу сказать плохого о ней, – сказала Лина, – кроме одного...

– Кроме чего?

– Папу любит больше, чем меня. Даже иногда обидно.

– Это правда? – спросила девочку Зарема.

– Ну это же папа! – удивленно развела ручонками та, чем вызвала смех.

– Молодец, – чмокнула ее Зарема в щечку, – только маму тоже любить нужно.

– А я люблю и маму тоже. Сильно-сильно!

– Все верно. Молодец, золотко. А вы отстаньте все от человека, чего пристали? – сказал Владимир.

Мужчины выпили еще. Михаил и Акимович по полному стакану.

– Все, мне больше не наливайте, – сказал Михаил.

Разлили уху. Сваренная на костре из свежайшей рыбы, она мгновенно выбила хмель у выпивших.

– Как будто и не пил, – сказал Акимович, вытирая пот со лба.

Георгий налил под шашлыки. Сделанные из свежего бараньего мяса, они шли на природе прекрасно.

– Я бы дома и половину бы не съела от того, что съела сейчас, – удивлялась Зарема.

– Кушай, тебе за двоих нужно есть, – сказала Лина.

После обеда взяли покрывало и пошли ближе к речке. Поток воды пел красивую песню, журча и булькая. Речка текла как в тоннеле. Кусты, росшие на ее берегах сплетались вершинами над ней, образуя галерею. А над всем этим стояли могучие, в несколько обхватов, деревья

– кедр, ильм, ель, ясень, дуб. Листья на них почти облетели. Зарема заметила лиану, на которой висели гроздья красных ягод. Он подошла и сорвала одну гроздь, показала Акимовичу.

– Что за ягода, Акимович?

– Это лимонник. Очень помогает от усталости, от пониженного давления. Особенно косточки. В Приморье делают из него варенье или просто пересыпают сахаром и зимой пьют с чаем. Бодрит очень хорошо. Но тебе пока его не нужно есть. Вот родишь, тогда я тебе дам его для чая.

Владимир взял полиэтиленовый пакет, пошел рвать лимонник.

– Володя, – крикнул Михаил, – ты рви с других лиан тоже, вон рядом еще три. Птичкам нужно оставить.

– Так я рву только снизу, а основная масса ягоды вон наверху, – ответил Владимир.

– Ясно, – Михаил махнул рукой.

Через некоторое время Владимир принес пакет, довольно прилично наполненный ягодой лимонника.

– Как его консервировать? – спросила Зарема.

– Обрываешь ягоды с веточек, – начал объяснять Акимович, – складываешь в банку и пересыпаешь сахаром. Сахара не жалея. На килограмм лимонника нужно примерно два килограмма сахара. Иначе забродит и будет вино. А так пустит сок, пропитается сахаром. Чайную ложку сока или ягоды в чашку чая и будешь целый день бегать, не зная усталости. Хорошо бы туда еще положить молодой корешок жень шеня, но его сейчас трудно найти в тайге, не сезон.

– Я дам, у меня дома есть штук три небольшие, – бросил Михаил.

– Ага, вот он браконьер! Корни в тайге молодые берет, – пошутил Акимович.

– Никогда я этого не делаю. А увидел бы, что кто то это делает, руки поотбивал бы. Свои корни я выращиваю. Выращиваю в тайге, они такие же, как и дикие.

– Место не покажешь? – снова подколол его Акимович.

– А может тебе еще ключ от квартиры, где деньги лежат? – отпарировал словами Остапа Бендера Михаил.

В разговорах не заметили, что Циалы и Георгия нет. Акимович крикнул в тайгу.

– Эге-ге-ге! Христофорович! Циала! Вы где?

– Здесь мы! – раздался из под склона горы голос Циалы.

– Скоро собираться нужно будет, подтягивайтесь!

– Сейчас! Идем!

Георгий и Циала подошли минут через десять. Георгий нес покрывало, в котором было что то наложено.

– Куда это вы ходили? – спросила Лина, – И что это вы принесли?

Георгий положил покрывало на землю и развернул его. Это были грибы. Поздние осенние грибы, которые растут в приморской тайге даже глубокой осенью, если тепло. Крупные, свежие. Циала поставила на землю полную сумку грибов.

– А этих мы набрали на гнилом дереве. Их там очень много.

– Ильмаки, – сказал Акимович, – хорошие грибы. Слегка отварить, а потом пожарить. Если на сливочном масле, можно литр выпить.

– Кому что, – съязвила Лина.

– Грибы берите все. Нам много будет, – Георгий

Акимович разделил грибы всем поровну и раздал. Солнце начало клониться к хребту.

– Пора собираться. Через час начнет смеркаться. А мы через час только из тайги выберемся, сказал Михаил.

Прихватив грибы, все тронулись к зимовью. Придя, залили угли костра водой, собрали посуду, несъеденную еду, а остатки еды оставили у костра.

– Мелкий зверек все съест, здесь его много, – сказал Михаил.

– Какой зверек? – спросила Циала.

– Соболь, куница, белки много. Белка рыжая и черная. Я же здесь зимовье недаром построил. Зимой беру лицензию и охочусь. Не так за деньги, как за удовольствие. Иногда целый день проброжу в тайге, зверя вижу много, а не стреляю. Зато вечером в зимовье ужин приготавливаю, сижу, думаю обо всем. Хорошо думается, прямо словно в голову кто мысли чистые кладет.

– Завидую. Отличный отдых, – сказала Циала.

Расселись по машинам и водители повели их назад, прежним путем. Машины шли сперва по колее с маленькой скоростью, тихо покачиваясь. Девочка, сидевшая на коленях у Заремы, почти сразу заснула. Мальчишки повозились, потом тоже заснули. Свежий воздух и усталость сморили их. Проехали поселок Партизанский, пошли по грунтовке. Когда добрались до асфальта, было уже темно.

– Садись за руль, – сказал Акимович Лине, – здесь могут быть посты гаишников, неохота нарываться на неприятность. В голове чисто, но запах есть.

Лина села за руль на место водителя, а Акимович занял пассажирское сидение справа. Машина, ведомая Михаилом, ушла немного вперед. Лина догнала ушедшую машину и обе машины пошли к городу. Через час с небольшим приехали домой. Георгий, Зарема, Циала и Владимир вышли возле дома, в котором жили. Горячо поблагодарили за поездку и пошли в квартиру.

На другой день Зарема, Владимир и Георгий на электричке добрались до Базы. Зарема пошла к себе в бухгалтерию, а мужчины пошли на судно. Акимович был уже на судне и делал обход, определяя фронт работ. В восемь часов второй механик и боцман провели развод, определили наличие людей и расставили людей по участкам работ. Жизнь на судне, как всегда, закипела. И хотя сроки ремонта были продлены, все службы торопились с работой, неизвестно что еще могло вылезти в ее процессе. К Владимиру пришел второй механик.

– Андреевич, я пошел в снабжение и на склады. Нужно проверить наличие деталей. Вот у меня дополнительная заявка. Подпиши, пожалуйста.

Владимир подписал.

– Все, понес в отдел. Проверю сперва по каталогу в отделе, а потом на складах. У них частенько каталог и реальное наличие расходятся. В отделе оправдываются тем, что кладовщики не подают сведений. А нам эти сведения до лампочки, нам реальная деталь нужна.

– Иди. Я здесь за всем присмотрю.

Второй механик ушел. Раздался звонок берегового телефона. Владимир взял трубку.

– Можно...можно пригласить старшего механика к телефону? – послышался голос Заремы в трубке.

– Зарема, это я. Что то случилось?

– Нет, ничего не случилось. Я...соскучилась...

– Господи, мы же расстались полтора часа назад.

– А я соскучилась. Захотелось хоть голос твой услышать.

– Заремочка, милая моя женщина. Спасибо тебе за это. Я прямо на крыльях летаю! Как ты там?

– Работаю. Начисляю зарплату людям.

– Ты не хочешь в обед прийти к нам на судно? Я тебя обедом угощу.

– Приду. Только ты меня на причале встреть.

– Не беспокойся, встречу.

– Тогда до встречи. Я тебя целую-целую.

– До встречи, милая. Я тебя тоже.

В буднях шли дни, люди вращались в работе, делали свое дело, воспитывали и растили детей, ездили в гости. Проходили недели, месяца. Скоро и Новый Год. Что он принесет людям?

Этого никто не знал. Но все жили надеждой. Надежда, как говорят, умирает последней. А причин для смерти надежды было ох как много! Но человек всегда думает о хорошем и надеется на хорошее.

*

Уже год с лишним Батрадз и Денис находились в Афганистане. Окрепли, возмужали, привыкли к крови и к чужой смерти. На рожон не лезли, но и не отсиживались за спинами друзей. Судьба пока была милостива к ним. Не было у них даже легких ран. Но кто знает, что ждет их завтра?

Бой начался неожиданно. Столкновения с моджахедами всегда начинались неожиданно, потому что они всегда нападали из засады. Позиции всегда выбирали такую, чтобы при неудачном для них раскладе легко было уйти и скрыться в горах. Вот и сейчас они устроили засаду в так называемом горлышке. Это была часть долины, переходящая в узкое ущелье, а потом снова расширяющееся. В этом месте на обочинах стояло три подбитых БТРа и один легкий танк. Моджахеда били по технике из гранатометов, а потом поливали солдат огнем из пулеметов и автоматов. От этого места перпендикулярно ущелью вправо и влево отходили несколько узких проходов среди скал, по которым можно было легко скрыться. В этот раз из засады было выпущено четыре заряда из ручных гранатометов, но все они прошли мимо техники. Солдаты мгновенно слетели с брони и залегли. Укрытием им служили камни и колеса БТРов. Три снайпера отслеживали гранатометчиков. Но солдаты понимали, что если они ничего не сделают, то стоящие БТРы все равно подожгут. Башни БТРов молчали. Денис выругался. Командир взвода тоже матерился – стрелки в башнях явно растерялись.

– Исаев, организуй огонь из пулеметов! Быстро!

Денис кинулся к БТРу, залез вовнутрь. Стрелок, парень из недавно прибывшего пополнения, зажав руками лицо, сидел в испуге. Денис откинул его, уселся за пулемет. Взял в прицел место засады и начал стрелять. Крупнокалиберный пулемет резко заговорил, его пули сметали все живое там, где укрылись моджахеда. Вот один попытался выстрелить из гранатомета и тут же, перерезанный пулеметной очередью, упал за камни. Одна из пуль, неизвестно кем посланная, ударила в головку гранаты. Раздался взрыв, крики и тут же стрельба прекратилась. Над местом боя уже появились две «вертушки», вызванные командиров взвода по радио. Несколько ракет, отделившись от вертолетов накрыли взрывами место засады и прошли огнем по местам отхода душманов. Из за камней больше никто не стрелял, душманы ушли, это было ясно. Солдаты осмотрелись.

– Все целые? – спросил Денис, вылезая через боковую дверь из БТРа.

– Вроде бы да, все живые! – сказал один из бойцов.

– А что у тебя? – спросил командир взвода Пахомова, обычно молчаливого, немногословного солдата. По лицу того текла кровь. Тот отер кровь ладонью, с удивлением посмотрел на нее.

– Не знаю, нигде не больно.

– Больно будет потом. А ну-ка, покажись.

Денис начал осматривать голову солдата. С правой стороны от лба к затылку проходила глубокая царапина, из нее то и сочились кровь. Подбежавший санбрат вытащил пакет, разорвал его и перевязал Пахомову голову.

– Везучий ты, брат! – сказал командир взвода, – это осколок. – Чуть левее и бог знает, был бы ты жив или нет. Если бы пуля, то она при таком соприкосновении контузила бы тебя. А осколок прошел по тебе, как по маслу. Ну что, появилась боль?

– Да, и мутить начало.

– Это сейчас вылечим. На, глотни.

Лейтенант протянул ему флягу. Пахомов глотнул из нее, скривился и сплюнул несколько раз.

– Фу, ну и гадость! Как керосин.

– Не керосин. Гидролизный спирт, он неочищенный, летчики как то дали. Как, легче?

В ответ Пахомов отошел и его несколько раз вывернуло. Лицо его побледнело и вспотело.

– Все таки контузило тебя маленько. Ладно, отлежишься в санчасти. По машинам! – крикнул уже лейтенант.

Все заняли свои места на броне, БТРы тронулись. Через полчаса группа прибыла в укрепление. Это была такая мелкая поездка для группы – ездили в Джелалабад за почтой. Даже чтобы получить почту, нужно было иногда платить кровью. В этот раз заплатили малой кровью.

Моджахеды все наращивали сопротивление. Чувствовалась опытная рука в их действиях, засады стали чаще, столкновения ожесточеннее. Был атакован и взят пост недалеко от укрепления, солдаты с этого поста частью были перебиты, частью уведены в горы. Все оружие было забрано, а сооружения разрушены. Укрепление, находившееся километрах в двадцати от того, где служили Денис и Батрадз, было тоже подвергнуто нападению. Причем там развернулся бой по всем правилам тактики. Душманы основательно провели артподготовку, а потом силами до батальона пехоты атаковали укрепление. На одном из участков душманы шли в атаку в рост, не ложась. Такого в практике столкновений с душманами советские солдаты еще не видели. Только умелые действия начальника поста майора Кудинова и подоспевшие вертолеты сорвали атаку и рассеяли атакующих. При этом один вертолет был сбит, летчики погибли. Лазутчики из местных афганцев доносили, что руководит всем Азат Нури Хан. Это был грамотный военный специалист, окончивший американскую академию, затем служивший в правительственных войсках, учившийся в Москве в советской академии Генерального штаба, а позднее возглавивший один из участков сопротивления пуштунов. Его действия всегда отличались продуманностью, смелостью и даже некоторой бравадой. Ко всем советским праздникам он не забывал присылать поздравления и подарки своим противникам, от командира укрепления, до командира 66-й бригады. Причем его подарки не включали никаких сюрпризов, а поздравления писались искренне и с уважением, на хорошем русском языке. Он писал часто в них, что вот кончится война и он встретится с противниками как друг, всегда будет рад видеть их гостями. В этом человеке чувствовались большая сила воли, умение концентрировать энергию, незаурядный ум и большой такт. Те, кто видел его, поражались его европейской внешности. Светлые, немного рыжеватые, волосы, глубоко посаженные зеленые глаза, ровный ряд зубов, украшающих его добродушную улыбку. Объяснялось все это просто: его отец был пуштуном, а вот мать была из племени калашей, имеющего все признаки европейской расы. Об их происхождении ученые спорят по сей день. Но и среди пуштунов люди с голубыми и зелеными глазами были не редкость. Глубины Азии всегда таили в себя огромное количество загадок. Лазутчики доносили также, что Азат Нури Хан готовит мощный удар по территории, подконтрольной 66-й бригаде, чтобы вытеснить ее из земель вокруг Джелалабада, нанести мощнейшее поражение и показать «шурави», что они тоже уязвимы.

Командование 66-й бригады решило нанести упреждающий удар и начало его готовить. 66-й бригаде были приданы дополнительные мотопехотные и авиационные части, активизировалась работа разведки и афганских лазутчиков. В ответ Азат Нури Хан прислал шокирующее письмо. Он писал командиру бригады, что знает о его планах по нанесению удара, к письму были приложены копии карт, на которые были нанесены направления ударов. Советовал беречь солдат и уходить домой. Стало понятно, что в высшем командовании 66-й бригады есть человек Нури Хана. Но кто? Вычислить этого человека не получалось. В высшем командовании 66-й бригады не было ни одного афганца, были только советские офицеры. Особый отдел армии профильтровал несколько раз каждого, но никто всерьез не попал под подозрение. Все были из СССР, у всех были семьи, дети. Так и осталось это в неведении. Кое кто из командования

не исключал, что Азат Нури Хан сам вычислил направления и силу ударов и это вполне могло быть. Человек такого ума легко ставил себя на место противника. Но удар все таки готовили. С повышенной секретностью. О планах знали всего четыре человека. Лазутчики и разведка доносили, что Нури Хан готовит контрудар, показывали на карте размещение его сил. Они были все размещены на главных направлениях планируемого удара. Были в планах Нури Хана и недостатки. Он плохо учитывал возможности боевых вертолетов и самолетов, противоздушная оборона у него была слабой, а своей авиации у него не было. На этом и решили сыграть, отдав начало операции и самые сокрушительные удары военной авиации. Проводились совещания с летчиками, уточнялись их возможности. За то, что у Нури Хана не было своего человека среди командования 66-й бригады говорили и то, что он не принял никаких контрмер по предотвращению авиационных ударов. И не отвел свои части, которые были наиболее уязвимы с воздуха. Была подготовлена к операции и дальнобойная артиллерия, могущая наносить удары с больших расстояний. Ее тоже начали готовить и подвозили к ней боеприпасы. Время операции назначили на первую декаду декабря.

По всем подразделениям 66-й бригады в Джелалабаде и по укреплениям, разбросанным вокруг, ходили упорные слухи об операции против Нури Хана. Офицеры обсуждали эту новость, покачивая головой. Моджахеды Нури Хана были самыми серьезными противниками, хорошо обученными и вооруженными, не боявшиеся серьезного боевого столкновения и зачастую сами искавшие его. Знали этого противника и солдаты. Не раз сталкивались они с этими душманами, не только упорными и смелыми в бою, но и жестокими. Пленных они брали, но если пленные не хотели принимать Ислам, они их убивали, иногда очень жестоко. Иногда выставляли отрезанные головы пленных на дорогах. Тех, кто принимал Ислам, щадили, уводили в недоступные для «шурави» места. Там, иногда, пленные даже женились на местных девушках, рождались дети и пленные становились членами племени или общины. В этом отношении было легче пленным из среды узбеков, таджиков, туркмен, казахов, киргизов. Все они воспитывались в мусульманских семьях, у них были общие с афганцами восточные традиции и праздники. Вдобавок таджики говорили на дари, практически на том же языке, на котором говорили афганские таджики и этот язык понимали пуштуны. Иногда советские солдаты сами переходили на сторону моджахедов, даже с оружием в руках. К удивлению, среди таких преобладали славяне, но были такие и из среды среднеазиатских народов. Многие таких людей не понимали. Но многие относились к ним и с пониманием. Непонятная, ненужная никому война, налагала на психику солдат тяжелую нагрузку. Гибель друзей в стычках с душманами добавляла пресс на психику. Солдаты не выдерживали, переходили на сторону врага. Были даже такие, кто потом сражался с «шурави» на стороне душманов. Афганцы доверяли таким пленным и иногда пленные достигали у предводителей моджахедов довольно высокого положения. В охране Панджшерского льва Ахмад шах Масуда были русские, бывшие пленные. Сейчас солдаты в укреплении тоже находились под впечатлением новости о планируемой операции. Все понимали, что если операция начнется, то не всем быть живыми. Понимали и готовились к сражению. Боязни не было. Основное чувство у солдат это было скорее неприятие войны и событий, связанных с ней. Шло время, прошла первая декада декабря а операция не начиналась. Все жили в напряжении, в ожидании грядущих событий.

Батрадз и Денис недавно сменились с поста, где провели утренние часы вплоть до обеда. Пообедав, пошли в надоевшую казарму. Баян спал возле кровати Дениса, спокойный и равнодушный, значит душманов близко не было. Взглянув на подошедших друзей одним глазом, Баян снова закрыл его и, положив голову на лапы, сладко зевнул.

– Спит. вот кому жизнь! – сказал Денис и почесал Баяну за ухом.

– Он тоже служит, хорошо служит, – засмеялся Батрадз, – ему пора медаль или орден давать.

– Я иногда боюсь за него, он лезет под пули. Могут и убить.

- Не убьют. Он обстановку чувствует лучше нас с тобой.
- Это точно. Где только учился?
- В собачьей академии, там у них были отличные учителя.
- А дома Джеоргуба прошла, вторая Джеоргуба без нас. Представляешь, как там люди праздновали?
- Представляю. Только нашим родителям, я думаю, не до праздника было. Ты письмо получил?
- Да, Хадизат написала. Нехорошие вещи у нас дома начались.
- Какие? Почему?
- На ноябрьские праздники на озере ингуши убили Юру Тарасова и тяжело ранили Жорика Хугаева.
- Ничего себе, как это?
- Хадизат пишет, что они седьмого ноября пошли в лес, туда, куда мы зимой на лыжах ходили. С Мариной они отошли от группы и увидели людей с автоматами. Люди говорили по-ингушски. А когда пришли домой, то им родители рассказали, что свершилась такая беда. Хадизат и Марина все рассказали прибывшей оперативной группе. И убийц накрыли. Где ты думаешь?
- Где?
- На нашей будке у перевала. Там между убийцами и оперативниками был настоящий бой. Одного из ингушей убили, трое тогда сдались. Слегка ранили оперативника. Иван Тарасов, брат Юры, поклялся, что отомстит убийцам даже в тюрьме. А ты же его знаешь, он слов на ветер не бросает.
- Ничего себе! Ну дела! Да причем здесь ингуши, это просто какие то бандиты. Вон наши ингуши – Башир ранен, сейчас в Душанбе, Идрис воюет вместе с нами. Нам с ними делить нечего. А Юру Тарасова очень жалко. Хороший парень был. Да лучше бы он здесь погиб, хоть какое то оправдание перед людьми было бы.
- Родители тоже пишут, что напряжение между ингушами и нашими, в Пригородном районе особенно, все больше нарастает. Даже сами ингуши говорят, что их подбивают какие то люди на то, чтобы отобрать у Осетии Пригородный район.
- Дурдом в действии. Кому это нужно? Живем же все вместе в Пригородном районе – ингуши, казаки, осетины, армяне, грузины, греки, ведь все это условности, кому принадлежит эта земля. Не мешаем же друг другу.
- Не мешаем. Чего нам делить? Все заняты трудом, все заняты семьями, жизнью.
- Война не только здесь, оказывается война может быть и у нас. Значит кому то это нужно.
- Хадизат пишет, что они хотели на ноябрьские с Мариной пойти в будку с ночевкой, родители не пустили. Если бы они пошли, то там бы попали в руки этих убийц. И неизвестно, чем бы все кончилось.
- Да, дела! – покачал Батрадз опущенной головой, потом поднял голову, – А что ты думаешь про предстоящую операцию?
- А ничего не думаю. Если начнется, то придется воевать, никуда не денешься. А если честно сказать, то не хочется. Душманов можно понять, они за свою землю воюют, а за что мы воюем? И ведь гибнут наши парни, посмотри, только с момента нашего прибытия сюда скольких нет. Славика Карасева убили, Кашинова убили, Толика Соколова убили, Зульф리카ра Джураева убили, Марата Баржанова убили, Сунага Масимова убили. А им то было по двадцать лет, они что, жить не хотели? А сколько раненых?
- Прекращать нужно эту войну и уходить отсюда. Что мы здесь забыли.
- В Союзе, наконец, поняли, что отсюда нужно уходить. Горбачев пообещал, что рассматривает этот вопрос.
- Скорее бы.

Баян поднял голову, встал, потянулся.

– Ну и разъелся ты, Баян, шерсть на тебе прямо лоснится.

– А чего ему? Спит да ест, ест да спит. Но службу хорошо правит.

Баян зевнул и направился к выходу. Где то далеко раздался орудийный выстрел, спустя немного докатился звук разорвавшегося снаряда, тоже очень далекий.

– Не по нам, – -сказал Батрадз.

– Все равно по кому то. А это уже плохо. Все люди. И у всех матери есть – и у моджахедов, и у наших. И все они живут, как на горячей плите сидят.

– Ты всех так жалеешь, Денис! А они нас не жалеют. Я здесь как волк стал. Не побоюсь убить душмана, если это нужно будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.